

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С.ТУРГЕНЕВА

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

К8Р
Т87

ТУРГЕНЕВСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

2001 ГОДА

ОРЕЛ 2002

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ И.С.ТУРГЕНЕВА
ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

ТУРГЕНЕВСКИЙ ЕЖЕГОДНИК 2001 ГОДА

Орел. 2002

*Авторский коллектив выражает благодарность
Администрации Орловской области за содействие в издании
«Тургеневского ежегодника 2002 года».*

Оглавление

<i>Н.П.Генералова.</i> Тургенев - в Петербурге!	1
<i>Л.В.Дмитрюхина.</i> Музейный калейдоскоп	8

I

Научные исследования и сообщения

<i>Г.Б.Курляндская.</i> Всемирная гармония в творчестве Тургенева и Фета... 11	
<i>Е.М.Коньшев.</i> Байронические мотивы в романе Тургенева «Отцы и дети»	15
<i>В.А.Власов.</i> Неучтенное письмо Тургенева к Глебу Успенскому	21
<i>Л.Э.Айнгорн.</i> И.С.Тургенев в Мюнхене.....	25
<i>Г.А.Тюрин.</i> «Семейная биография» Каллиниковых как историко- краеведческий источник: версии, факты, открытия.	32

II

Вокруг Тургеневской энциклопедии

<i>А.М.Кокин.</i> Сибилла немецкого романтизма	41
<i>С.Л.Жидкова.</i> К творческой истории романа И.С.Тургенева «Дым»	43
<i>Л.М.Александрова.</i> И.С.Тургенев и братья Жемчужниковы	48
<i>Е.Г.Мельник.</i> Крепостной Тургеневых Андрей как прообраз Герасима в рассказе «Муму»	51
<i>Л.М.Александрова.</i> «Ваш коварный оболъститель...» (И.С.Тургенев и Д.И.Яздовская).....	54
<i>Е.Г.Мельник.</i> Феоктиста	55
<i>С.Д.Симеонова.</i> Белый генерал. (К 160-летию со дня рождения и 120-летию со дня смерти М.Д.Скобелева)	57
<i>А.Н.Петрова.</i> Семья Лобановых.	61

III

Наши публикации

<i>А.Т.Молозева.</i> Голоса из прошлого.....	64
<i>С.С.Толстой, Н.П.Пузин.</i> Из воспоминаний о Спасском-Лутовинове	75
<i>Н.П.Генералова, Е.В.Проц.</i> Неизвестное письмо М.С.Щепкина к И.С.Тургеневу	77
<i>А.В.Гольцова.</i> Сохраним ли связь времен?	81
<i>В.П.Волчихина.</i> Из истории тургеневской мебели	86

IV На родине Тургенева

<i>Л.А.Балыкова.</i> Тургенев в Полесье	91
<i>Л.Н.Красницкий, Т.Г.Борнякова.</i> Археологическое прошлое «Орловского Полесья»	98
<i>Г.Н.Павлова.</i> К истории села Ильинского. (Графы Самойловы).....	107
<i>Е.А.Кубарев.</i> Василий Калинин и Орловский край	111
<i>С.А.Тишина.</i> Об истории Введенской церкви села Тургенево Чернского уезда Орловской губернии	117

V С думой о Тургеневе

<i>Н.В.Вырубов.</i> Тургенев не отлучал себя от родины	125
<i>Л.Н.Назарова.</i> Воспоминания о Л.Н.Афонине	126
<i>Л.А.Балыкова.</i> «Друзей моих прекрасные черты...».....	132
<i>Т.Б.Вьюгова.</i> «Французский дом» в Орле	134
<i>Л.Д.Серова.</i> В поэтической гостиной музея И.С.Тургенева	137
Стихи В.Ермакова, В.Еремина, Н.Перовского, В.Протасова, А.Поповой, Л.Серовой	139

ТУРГЕНЕВ — В ПЕТЕРБУРГЕ!

10 июля этого года люди, проходившие мимо Старо-Манежного сквера, что напротив Дома радио, задерживали шаг и с удивлением наблюдали, как на высокий постамент из серого питерского гранита опускалась фигура сидящего человека. «Кто это, кому памятник?» - раздавались голоса. Издали, из-за решетки сквера, сидящий человек был похож то ли на Юпитера, опершегося на посох, то ли на усталого путника, присевшего после дальней дороги...

И вдруг кто-то заметил скромную надпись на постаменте: «Иван Сергеевич Тургенев». «Тургенев, это Тургенев», - раздалось в толпе прохожих, и голоса потеплели, как будто чем-то родным, с детства знакомым повеяло от неподвижно застывшей фигуры. И в памяти возникли известные имена и названия: «Бежин луг», «Дворянское гнездо», «Рудин», Базаров, Лиза Калитина, Лаврецкий...

Да, это он, писатель, чье имя стало неотъемлемой частью нашего сознания, создатель удивительных художественных образов, целого мира, без которого наш, видимый и осязаемый, стал бы намного беднее...

За последние годы мы так привыкли критиковать действия властей, так привыкли быть всем недовольными, что, кажется, совсем разучились радоваться. Когда происходит что-то хорошее, мы забываем, подчас, даже поблагодарить тех, кто этому содействовал. Произнесем же на этот раз слова благодарности тем, кто в канун трехсотлетнего юбилея содействовал появлению в нашем прекрасном городе памятника одному из любимейших русских писателей. И прежде всего - губернатору В.А.Яковлеву, от которого так много зависело в этом деле, а также Комитету по градостроительству и архитектуре и главному художнику И.Г.Уралову, поддержавшему проект, и еще многим людям, вплоть до рабочих, отливавших памятник в бронзу, любовно выравнивавших постамент. Всех, кому была небезразлична его судьба. А таких людей было немало...

Посмотрим на обновленную Манежную площадь, на преображенный трудом архитекторов и рабочих Старо-Манежный сквер, в ансамбль которых так естественно вписался Тургенев, всмотримся в это лицо, в этот облик, задумаемся над превратностями его и нашей судьбы...

Когда 22 августа по старому стилю 1883 года, вдали от Родины, в Буживале (под Парижем), после долгих и тяжких страданий, умер великий русский писатель Иван Сергеевич Тургенев, весь культурный мир откликнулся на это печальное событие. К тому времени слава его была столь велика, что издатели и переводчики нередко спорили, кому принадлежит право на выпуск в свет каждого его нового произведения. Тургенев уже при жизни был признан классиком. Лучшие европейские и не только европейские писатели признавали его своим учителем, мэтром.

И еще до того, как прах его был предан земле, возник вопрос о том, какой памятник будет воздвигнут великому писателю в России. Об этом говорили и у нас и за границей. Предлагались даже проекты, ни один из которых не был осуществлен.

Установка в 1885 году надгробного памятника (бюста писателя, работы Ж.А.Полонской, жены поэта Якова Полонского) не прекратила разговоров о монументе, который должно было воздвигнуть своему великому сыну благодарное отечество. Не раз и не два возникали специально созданные комитеты и шли сборы средств для этой цели в разных городах России, в том числе и в Петербурге, но до последнего времени лишь на родине писателя, в Орле, существовал памятник Тургеневу на вокзале (художник Л.И.Курнаков, 1958), и в 1968 году был установлен еще один - работы скульптора Г.П.Бессарабского. Летом позапрошлого года открыли памятник Тургеневу и во Мценске. Да еще в прошлом году усилиями администрации Орловской области был установлен бюст писателя в Баден-Бадене - немецком курорте, где он прожил немало лет и где сохранилась построенная им вилла.

Почему в Петербурге - городе, множеством нитей связанном с судьбой Тургенева, городе, где определилась его литературная судьба, где он окончил университет, где служил в Министерстве внутренних дел, где, наконец, покоится его прах, - до сих пор не был воздвигнут памятник в его честь, объяснить нелегко. Да теперь это и не столь важно. Важно другое. Сегодня мы можем с радостью сказать друг другу: памятник Тургеневу в Петербурге наконец-то установлен! И установлен он в знаменательный год - ровно 150 лет назад Тургенев в Петербурге завершил работу над самой знаменитой своей книгой - циклом рассказов «Записки охотника». Эта книга прославилась не только в России, но и далеко за ее пределами.

Вот он - могучий, красивый, будто созданный для скульптурного изображения - сидит перед нами, опершись одной рукой на трость, а другой - на колено. Он одет изящно, даже не без шегольства: трость, лайковые перчатки, пенсне... Его взор глубок и сосредоточен. О чем задумался этот человек, многое повидавший и переживший на своем веку, умевший говорить не только от своего лица, но и от лица целого народа? Задумался ли он о своей скитальческой судьбе, забросившей его с юных лет в Европу, да и приотившей потом до самой смерти? Или пришли на ум невеселые мысли о странной судьбе русского художника, от которого всегда ждут нового слова и нещадно клеймят позором, если слышат не то, что ожидалось? Припомнил ли тот час, когда впервые услышал мощный, чарующий голос той, которая стала его Музой, его верным другом до конца дней? Услышал ли вновь нескончаемые споры о будущем России? Зазвучали ли вновь в его ушах горячие аплодисменты, когда в январе 1860 года он читал в зале Пассажа свою речь «Гамлет и Дон Кихот»?

Или мелькнули перед ним живые, искрящиеся восхищением глаза юной актрисы Александринского театра Марии Гавриловны Савиной, исполнявшей заглавную роль в его пьесе «Месяц в деревне» и пленившей его всю силою молодого, сильного таланта? Как поздно пересеклись их пути, и

как печально-светлы воспоминания об их мимолетных встречах! В том 1879 году, когда он впервые познакомился с нею здесь, в его жизни случилось немало такого, что могло резко изменить привычный ход вещей: небывалый прием ждал его тогда в Москве и Петербурге. Словно русская публика хотела заставить его забыть о прошлых обидах, молодежь звала его занять место наставника, дамы рукоплескали и осыпали его цветами. Да что говорить! Дрогнуло тогда его измученное сердце, встретив долгожданное понимание...

Нет-нет, это всё были последние вспышки уходящей жизни, когда он уже не мог мечтать о будущем. Смертельная болезнь, крадучись, подступала к нему, и он хорошо чувствовал ее шаги. Лишь сердце оставалось молодым и отзывалось на каждый знак любви. За шумом торжественных речей, пышных обедов, за восторженным всплеском молодого энтузиазма, за очаровательными улыбками юных девиц и дам зоркий глаз художника разглядел приближение новых бурь, чуткое ухо расслышало раскаты дальнего грома. Поздно было менять что-то в своей жизни, хотя душа и рвалась домой. Ему был нужен покой и тихая заводь, где можно было окончить свои дни...

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, - ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя - как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Написанное за год до смерти, это стихотворение в прозе в нескольких строках воплотило всю боль, всю тоску Тургенева, предвидевшего, какие тяжкие испытания выпадут еще на долю народа, к которому принадлежал он сам.

Он завещал похоронить себя в Петербурге, рядом с человеком, чью память благодарно хранил всю жизнь - В.Г.Белинским, «неистовым Виссарионом», за 35 лет до того погребенным на Волковом кладбище. Позднее именно вокруг могилы Белинского образовались так называемые Литераторские мостки. Что было причиной подобного решения, немало усложнявшего, чего не мог не понимать Тургенев, заботы семьи Виардо, под гостеприимным кровом которой он провел последние двадцать лет своей жизни? Очевидно, причины были серьезные.

Многое было связано с этим городом, заложенным жестоким гением Петра. Именно на Петре и его реформах скрестили копыта тогдашние «западники» и «славянофилы». Куда же было ехать Тургеневу, раз и навсегда примкнувшему к лагерю «западников», когда он вернулся из-за границы в 1841 году, наслушавшись вдоволь лекций по немецкой философии? Здесь, в Петербурге, уже обосновался Белинский, порвавший с московскими друзьями и яростно сражавшийся за дело Петрово на литературной арене. Они быстро, почти стремительно сблизились, и уже через несколько дней Белинский сообщал друзьям о своем «гениальном» друге. Не все тогда ему поверили... Как не поверил и сам Тургенев, прочитав в очередном номере

«Отечественных записок» хвалебный отзыв критика о своей поэме «Параша».

Тургенев еще не знал тогда, какая слава ждала его — знаменитого профессора философии, известного критика или драматурга, поэта или публициста. Молодые силы были ключом — он везде пробовал силы, и Белинский был одним из первых, предрекших ему блестящее будущее. Оба бредили театром, и Александринка влекла их к себе, как магнит. Но они искали там не встреч, подобно светским львам, с хорошенькими актрисами. Иная — благородная, горячая страсть кипела в их груди — они верили в свободу, в великое будущее России. И театр, и поэзия, и критика — все должно было служить пробуждению новых сил... Они мечтали об освобождении угнетенного народа, они с надеждой смотрели на Запад, ища в его учениях руководящих идей. Они вместе «переболели» Гегелем и Шеллингом, Фейербахом и Пьером Леру, Жорж Санд и Гюго, Французской революцией и Робеспьером... Они были искренны и молоды. И память об этих годах осталась священной в душе Тургенева, всегда называвшего себя с гордостью «человеком 40-х годов».

Тургенев познакомился с Белинским в 1843-м году. В том же году, позднее, с Полиной Виардо, которая остановилась в свой первый приезд в Россию в Демидовской гостинице, на углу Невского и Малой Садовой, между Александринским театром и Манежной. Позднее, уже за границей, Тургенев представит Белинского чете Виардо...

«Когда меня не будет, когда всё, что было мною, рассыплется прахом, — о ты, мой единственный друг; о ты, которую я любил так глубоко и так нежно, ты, которая наверно переживешь меня, — не ходи на мою могилу... Тебе там нечего делать...»

Ей не пришлось ходить на могилу Тургенева, но память о нем она хранила до конца дней, берегла его письма и рукописи и завещала то же своим детям и внукам.

Уезжая в 1845 г. за границу вслед за семьей Виардо, Тургенев не забыл обещания, данного Белинскому — он много работал, много переводил (с помощью Луи Виардо), знакомя французов с русской литературой. Прежде всего с Гоголем, которого не раз встречал в Петербурге, слушал его лекции в университете, побывал в 1836 г. на премьере «Ревизора». Вернувшись, узнал, что Белинский хочет оставить «Отечественные записки». А вскоре представилась возможность основать «свой» журнал. Им оказался осиротевший после смерти Пушкина «Современник».

Редакция обновленного «Современника» размещалась в ту пору в квартире, которую снимали Н.А. Некрасов и супруги Панаевы — совсем рядом с Манежной, в доме княгини Урусовой, на углу Фонтанки и Итальянской. Белинский же снимал квартиру в доме купца Лопатина, на углу Невского и Фонтанки, — тоже рукой подать (позднее Тургенев и сам будет жить в этом доме).

Сколько горячих споров, радужных планов, неутомимого труда сопутствовало подготовке 1-го номера «Современника», вышедшего в январе

1847 года! И что это был за номер! Стихотворения Некрасова, Огарева, самого Тургенева (цикл «Деревня»), записки актера М.С.Щепкина, статьи Белинского, Кавелина, снова Тургенева. Наконец, в отделе «Смесь» — небольшой рассказ: «Хорь и Калиныч» с подзаголовком «Из записок охотника».

Мало кто обращал внимание на то, что «Записки охотника» были начаты и окончены в Петербурге, хотя большая часть рассказов была написана за границей, в том числе и в имении Полины Виардо — Куртавнеле. Во всяком случае «Хорь и Калиныч» написан был специально для первого номера журнала, по просьбе Белинского, очевидно, в ноябре 1846 года. Надо ли удивляться, что именно в этом первом рассказе из «Записок охотника» встречается удивительное сравнение героя рассказа Хоря ... с Петром Первым?

«...Но из наших разговоров я вынес одно убеждение, которого, вероятно, никак не ожидают читатели, - убеждение, что Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях. Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело глядит вперед. Что хорошо - то ему и нравится, что разумно - того ему и подавай, а откуда оно идет - ему все равно».

Да, мало кто из русских писателей был таким последовательным приверженцем дела Петра. Недаром, уже много лет спустя, Тургенев, давая о себе биографическую справку, упомянул, что особенно гордится службой при дворе Петра I своего предка, шута Якова Тургенева, «которому пришлось в новый 1700-й год обрезать ножницами бороды бояр» и по своему послужить «делу просвещения».

В феврале 1851-го в «Современнике» был напечатан «Бежин луг», в марте - «Касьян с Красивой Мечи», написанные тоже, судя по всему, в Петербурге. Представить теперь знаменитую книгу Тургенева без этих рассказов просто невозможно. Хотя накануне писатель провел в Европе несколько лет, почти ни один номер «Современника» не выходил без его участия. Он активно продолжит свою работу в этом журнале и возвратившись в ноябре 1853 г. из Спасского, куда был сослан за статью о кончине Гоголя (1852), написанную в Петербурге и напечатанную в «Московских ведомостях» после запрещения ее петербургской цензурой.

Петербург заключил Тургенева под арест на целый месяц, но этот месяц не прошел даром — знаменитый рассказ «Муму» был написан именно тогда, в апреле-мае 1852 года...

Можно вспомнить и о том, что в Петербурге был завершен и впервые читан в кругу друзей роман «Дворянское гнездо», написана повесть «Первая любовь» и другие произведения, но не будем уподобляться продолжателям вечного спора между Москвой и Петербургом. Вот что сказал на Северном вокзале в Париже, обращаясь к покойному, французский писатель и друг Тургенева Э. Абу: «Я прочел в газетах, что некто из самой многочисленной и самой сильной касты, из касты глупцов, сказал: "я не знаю Тургенева, это -

европеец, а я - русский купец". Этот проstack поместил Вас в чересчур тесные пределы Европы. Ваше сердце принадлежало всему человечеству. Но Россия занимала в нем первое место...»

Тот же Э.Абу напомнил и о том, какую роль сыграли тургеневские «Записки охотника» в деле освобождения крестьян от крепостной зависимости: «Крестьяне побегут к Вам навстречу, как к старинному другу. Они пройдут много верст пешком, чтобы приветствовать Вас при Вашем проезде. Они будут оспаривать друг у друга горькую радость нести Ваш гроб». Он оказался прав... Около 400000 человек провожали гроб с Николаевского вокзала до Волкова кладбища, а до того тысячи людей встречали поезд на каждой станции железной дороги... Народ знал, кого он потерял в лице Тургенева. Первыми, кто был обозначен в порядке похоронного шествия, значились бывшие крепостные крестьяне автора «Записок охотника».

Близкий друг писателя П.В.Анненков, метко назвавший его «искателем душевных кладов, таящихся в недрах русского мира», писал в своих воспоминаниях:

«Первые его рассказы из "Записок охотника", явившиеся в "Современнике" 1847 года, положили конец всякой возможности глумления над народными массами».

Да и сам Тургенев хорошо понимал исключительное значение «Записок охотника» в своем творчестве. Недаром вскоре после появления в печати первого отдельного издания этой книги он написал Анненкову: «Я рад, что эта книга вышла; мне кажется, что она останется моей *лептой*, внесенной в сокровищницу русской литературы, говоря слогом школьных книг». Несмотря на очевидную иронию, не приходится сомневаться, что по существу писатель был совершенно серьезен...

Уже после смерти Тургенева, Л.Н.Толстой, при жизни не раз вступавший с ним в полемику, сказал, что главной чертой его была «правдивость». Это и в самом деле было так. Тургенев всегда стремился к правде, не боясь говорить в лицо своим современникам то, что думал, хотя никогда и не претендовал на роль учителя жизни. Он пытался предупредить об опасностях, взывал к разуму и милосердию. И вызывал ожесточенные споры... Какую бурю противоречивых откликов вызвали его романы «Накануне», «Отцы и дети», «Дым» и «Новь». Сколько горьких переживаний выпало на долю того, которого теперь мы с полным правом называем летописцем русской жизни 40-х — 70-х годов XIX столетия! Но он узнал при жизни и признание, какое встречалось в судьбе редких художников.

Известный американский писатель Генри Джеймс, искренно любивший своего учителя, признавался: «...пожалуй, только из его сочинений мы, говорящие на английском, французском и немецком языках, получили <...> представление о русском народе. Гений Тургенева воплощает для нас гений славянской расы, его голос — голос тех смутно представляемых нами миллионов, которые <...> в туманных пространствах севера ждут своего часа,

чтобы вступить на арену цивилизации». Подобных высказываний можно было бы привести немало.

Но как не подивиться «странному сближению» дат и событий, возникающих в памяти в связи с появлением на свет в наши дни памятника Тургеневу - этого замечательного творения рук человеческих! Талантливые мастера - Валентин Свешников и Ян Нейман (скульпторы) и Г.Челбогашев (архитектор) - воистину сотворили чудо: Иван Сергеевич кажется живым, таким, каким каждый из нас его представлял. И мало кто теперь вспомнит, что в сквере на Манежной раньше стояла совсем иная фигура... Как будто Тургенев был здесь вечно!

Они не гнались за успехом, эти люди, подарившие нашему городу и всему миру образ любимого писателя. Не выдумывали способов поразить кого-то сверхноваторскими решениями (не так уж это сложно!). Они представили Тургенева таким, каким носили в сердце до той поры, пока не возникла возможность воплотить этот образ в жизнь. Они вдохновенно и бескорыстно трудились, не зная, оценят ли их труд и вдохновение, и даже не очень надеясь на это. Внимательно работали с архивными материалами в Институте русской литературы, изучали прижизненные изображения писателя. И когда в нашей прессе стали раздаваться голоса, что, мол, Тургенев - не петербургский писатель, что пора уже отказаться от традиционных памятников и идти в ногу с современностью, да и до Тургенева ли теперь и т. д. и т. п., ни один из них не дрогнул, не усомнился в том, что делает важное и нужное дело...

Какое «шестое» чувство подсказало им выбор места для памятника (таковы были условия конкурса), столь подходящее и в эстетическом плане, и соответствующее историко-литературным реалиям? Бывают, видно, не только «странные», но и неизбежные сближения...

В самом деле, отсюда, из тихого сквера, посреди чудом уцелевших старых деревьев, чем-то напоминающих атмосферу Спасского-Лутовинова, так хорошо видны окна дома, что на углу Манежной площади и Караванной, где когда-то, в 1867 году, Тургенев остановился у своего старинного приятеля В.П.Боткина. Здесь читал он ему главы из только что законченного романа «Дым», зная заранее, что вызовет очередную бурю негодования не только среди критиков, но и в высоких сферах... В далекие 1840-е, не раз проходил от дома Лопатина до квартиры Некрасова и Панаевых, а оттуда на очередной спектакль в Александринку (150 лет назад здесь, кстати, состоялись две премьеры тургеневских пьес: «Провинциалка» и «Где тонко, там и рвется»). А этот дом на углу Малой Садовой и Невского проспекта, который он навещал всякий раз, бывая в Петербурге, в память о встрече, изменившей всю его жизнь...

Казалось, дата установки памятника должна была быть иной. Ведь конкурс на лучший проект был проведен еще три года назад, в 1998 году, когда исполнилось 180 лет со дня рождения Тургенева. Не будем сожалеть, что не увидели его раньше!

Может быть, потому и возник проект застройки территории Манежа уже после того, как решение об установке памятника было принято, чтобы мистическим образом «придвинуть» дату открытия к другой знаменательной дате? Ведь именно 150 лет назад Тургенев написал одному своему приятелю: «"Записки охотника" прекращены навсегда — я намерен долго ничего не печатать и посвятить себя по возможности большому произведению»... Впереди его ждали новые повести и романы...

На днях (18 июля) исполнилась еще одна дата - 180 лет со дня рождения Полины Виардо, и невольно закралась мысль - не сам ли Тургенев отодвинул открытие, ведь выйти «Записки охотника» должны были с посвящением Полине Виардо...

И еще одно «странное сближенье» обнаружилось в эти дни. Петербургский журнал «Нева» в № 7 за 2001 год опубликовал статью известных тургеневедов Л.Н.Назаровой и Т.П.Головановой о дочери Тургенева Евдокии Ивановне Кузьминой, родившейся в Петербурге в 1860-м и умершей от голода в Павловске в 1919 году. Раскрыта еще одна тайна тургеневской биографии. Но какая трагическая история скрывается за ней? Удивительно не только то, что тайна сохранялась до сих пор, но и то, что эта девушка в документах была объявлена «законной наследницей» Тургенева и получала суммы от перспективной платы за тургеневские пьесы, шедшие на русской сцене, а также доходы с издания его стихотворений, не включенных им в корпус собрания сочинений (Полина Виардо, конечно, не знала об этом, но если и знала, то не была слишком ущемлена в своих правах «единственной» наследницы). Была ли Марья Гавриловна Савина посвящена в тайну Тургенева? Помогала ли она его дочери? На эти и другие вопросы смогут ответить только будущие исследователи. Пока же известно, что с дохода за издание тома стихотворений Тургенева (1885) Е.И.Кузьмина отчислила сумму на установление памятника писателю на его могиле...

А может быть Тургенев просто не захотел остаться в XX веке и решил напомнить о себе в наступившем XXI-м? Неслучайно же на столбиках ворот в Старо-Манежном сквере выбита дата: «1871». Не десятилетие ли «великой реформы» было отмечено таким образом? И теперь, когда мы подводим итоги новой реформы, не напомним ли нам Тургенев эпитафия к своему последнему роману «Новь»: «"Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом" (Из записок хозяина-агронома)»?

Л.В. ДМИТРИУХИНА

МУЗЕЙНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

В 2001 году главной идеей в подготовке и проведении всей работы музея была идея преемственности поколений, приобщения молодежи к музейным традициям, к осознанию неразрывной связи между прошлым, настоящим и будущим.

Сотрудники музея проводили целенаправленную работу в школах, ВУЗах, других учебных заведениях города. В музее прошли ознакомительную практику студенты Орловского государственного университета и Орловского государственного института искусства и культуры, познакомились с основами музейной деятельности учащиеся некоторых орловских школ. Работа с молодежью является составной частью долговременного проекта, посвященного теме: «И.С.Тургенев и христианская культура».

В 2001 году в музее И.С. Тургенева состоялись:

Цикл мероприятий «Тургеневская осень» по теме «Музей И.С. Тургенева молодому поколению», в который вошли:

- Традиционный день памяти И.С.Тургенева 3 сентября с поминальной службой в церкви Иоанна Крестителя, возложением цветов к памятнику писателю и выступлением орловских поэтов; часом памяти в музее на тему: «Только ею, только любовью движется жизнь...».

- «День с Полиной Виардо» в музее И.С. Тургенева, посвященный 180-летию со дня рождения певицы, в котором помимо сотрудников музея приняли участие студенты и преподаватели Орловского музыкального училища, артист филармонии Р.Рахманов.

- Презентация выставки «Кружевные фантазии Татьяны Масловой и ее учеников».

- Открытие выставки «Тургенев: Мир детства»; на выставке была организована встреча орловских школьников с поэтом В.Ереминым и художницей Л.Жмакиной.

- XI Тургеневские чтения на тему «Тургенев в школе» с участием преподавателей ОГУ и учителей Орловских школ.

- I-е Полесские научные чтения на тему «Проблемы культурного развития Орловского Полесья», которые проходили в музее с. Ильинское Хотынецкого района.

- Экскурсия по тургеневским местам Полесья для участников I-х Полесских чтений.

- 9 ноября в день рождения И.С. Тургенева – возложение цветов к мемориальной доске на ул. Тургенева и выступления там студентов Мезенского педагогического колледжа; завершился день рождения литературно-музыкальной композицией в музее «Воспоминания о первой охоте».

Калейдоскоп музейной жизни в 2001 году был достаточно ярок и наполнен различными интересными событиями.

Традиционно состоялись в январе «Именины у Тургенева», где соблюдались традиции именинных торжеств XIX века в России.

День Славянской письменности был отмечен литературным вечером «Родная, дорогая кровь...» (Тургенев и болгарская литература), а день рождения А.С.Пушкина – литературно-музыкальной композицией «Души прекрасные порывы».

В поэтической гостиной музея прошли встречи любителей поэзии, посвященные юбилеям Н.Рубцова и А.Майкова.

Среди выставок, экспонировавшихся в выставочных залах музея, следует назвать следующие:

- «Идеалы добра и красоты» - к юбилеям В.И.Даля, В.Г.Белинского, Н.А.Некрасова и Ф.М.Достоевского.

- «Там, где реки мирные и вещи...» - к 95-летию Д.Л. Андреева.

- «Раритеты 3-х столетий в собрании Гослитмузея И.С. Тургенева».

- «Ариадна из рода Тургеневых» - работы художницы А.Перепелицы из Киева, потомка рода Тургеневых.

- «В дар музею Тургенева» - выставка даров последних лет.

Презентации перечисленных выставок сопровождались выступлениями актеров и музыкантов, представителей общественности города.

Продолжали свою работу литературоведческая и краеведческая секции Тургеневского общества, члены которых приняли самое деятельное участие во всех музейных мероприятиях

Демонстрировал фильмы для юных зрителей музейный видеолекторий «Дорогами Тургенева».

Все проходившие в музее встречи и вечера были ознаменованы удивительным единением вокруг имени Тургенева представителей разных поколений орловцев.

I

*Научные исследования
и
сообщения*

ВСЕМИРНАЯ ГАРМОНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ТУРГЕНЕВА И ФЕТА

Одна из главных проблем творчества Тургенева и Фета – проблема гармонии вселенской жизни, которую они решали со сложных философских позиций. Попытаемся выявить их духовную близость и принципиальные расхождения в восприятии и трактовке всемирной красоты.

1

Сложный и противоречивый характер тургеневской философии человека и природы отмечался мною в ряде работ. Трагизм жизни писатель усматривал в том, что от бессознательно действующей и «слепорожденной» природы зависит творческий человек, который «смутно понимает свое значение, чувствует, что он сродни чему-то высшему, вечному и живет, должен жить в мгновение и для мгновения», и потому «страшно то, что нет ничего страшного, что самая суть жизни мелко-неинтересна и нищенски плоска» (IX, 118).¹ Но тема трагизма человека перед лицом «вечной Изиды», его метафизического одиночества сосуществует в сознании Тургенева с темой вселенской жизни как гармонии, как «равновесия здоровья» в каждом отдельном существе. В статье-рецензии на «Записки ружейного охотника» С.Аксакова он писал: «Бесспорно, вся она составляет одно великое, стройное целое – каждая точка в ней соединена со всеми другими, - но стремление ее в тоже время идет к тому, чтобы каждая именно точка, каждая отдельная единица в ней существовала исключительно для себя, почитала бы себя средоточием вселенной, обращала бы все окружающее себе в пользу, отрицала бы его независимость, завладела бы им как своим достоянием». «Как из этого разъединения и раздробления, в котором, кажется, все живет только для себя, - выходит именно та общая, бесконечная гармония, в которой, напротив, все, что существует, только достигает своего примирения или разрешения – и все жизни сливаются в одну мировую жизнь, - это одна из тех «открытых» тайн, которые мы все видим и не видим» (V, 415- 416). Бесконечная мировая гармония возникает из разъединения и раздробления. Вся природа составляет «одно великое, стройное целое», но в ней совершается борьба противоположных тенденций и сил, в результате которой «все жизни сливаются в одну мировую жизнь».

Носителями всемирной гармонии в произведениях Тургенева являются «тихие» и восторженные романтики-неудачники, чудаки, вечные странники. Дар внутренней свободы сказался в них с наибольшей силой именно в переживаниях красоты. Яков Пасынков, например, ощущает в себе и во всем ночном звездном вселенском мире ту нетленную духовность, которая и позволяет ему отзываться на гармонию целого: «Его целомудренная душа во всякое время была готова предстать перед «святыню красоты» (VI, 206).

Созератели, нравственные идеалисты, высоко поднимаются над прозой унылого существования дельцов – практиков, лишенных эстетической зоркости. «Мир праху твоему, непрактический человек, добродушный идеалист! И дай бог всем практическим господам, которым ты всегда был чужд и которые, может быть, даже посмеются теперь над твоею тенью, дай им бог чистых наслаждений, которыми наперекор судьбе и людям, украсилась твоя бедная и смиренная жизнь!» (VI, 234).

Яков Пасынков, Покорский, Рудин и даже Лежнев в молодости, Лемм и другие тургеневские романтики отдаются тем «чистым наслаждениям», благодаря которым открывается им высокая торжественная гармония, как любовное соединение всех разъединенных «точек», т.е. живых существ.

Этические постижения бескорыстных мечтателей даются и в сфере человеческой «чувственности» – любви и дружбе, а также в их нераспределенных взаимодействиях с природным окружением. Например, рассказчик и он же герой из повести «Ася», переправляясь через Рейн, «вдруг почувствовал тайное беспокойство на сердце. Поднял глаза к небу – но в небе не было покоя: испещренное звездами оно шевелилось, двигалось, содрогалось; он склонился к реке... но и там, в этой темной, холодной глубине, тоже колыхались, дрожали звезды...» (VII, 102).

Человек и природа объединяются на почве их глубочайшего субстанциального родства, уходят в единый источник бытия, в единый корень жизни. Слияние «материального» и «духовного», природного и нравственно-психологического и есть признание красоты как сокровенной сути мира. Пантеистические мотивы осуществлялись Тургеневым на протяжении всего творчества. Еще зимою 1840 года в незаконченном черновике обращения к Беттине Арним Тургенев признает природу одушевленной и живой, имеющей абсолютную непреходящую сущность: «Эта тесная связь человеческого духа с природой – не случайно самое приятное, самое прекрасное, самое глубокое явление нашей жизни; только с духовным началом, с идеями может так глубоко сочетаться наш дух, наше мышление» (II, I, 436).

2

Мысль Тургенева о развитии природной и человеческой жизни путем борьбы заложенных в ней противоположных тенденций, очень близка Фету. Он писал: «Все живое состоит из противоположностей; момент их гармонического соединения не уловим, и лиризм, этот цвет и вершина жизни, по своей сущности, навсегда останется тайной» (II, 156).² Гётевские слова «мироздание есть открытая тайна» имеют отношение и к Тургеневу и к Фету. Всемирная гармония для них есть результат таинственного соединения противоположных начал.

Стремясь уловить в человеке отблески «идеальности» Фет, подобно Тургеневу, любил изображать его в экстатических состояниях, в момент сопричастности с Целым, в переживаниях любви и восприятия природы:

«Как сладко, позабыв житейские волнения, // От чистых помыслов пылать и потухать». От корыстной житейской практики он любил уходить в сферу искусства, как сферу красоты: «Где бури пролетают мимо, // Где дума страстна и чиста - // И просвещенным только зрима // Цветет весна и красота». Фету дороги эти мгновенья подъема и просветленья. Так выражается духовная жизнедеятельность лирического героя. Тургенев, как и Фет, высоко поднимает романтиков-созерцателей, отмеченных чертами несомненной духовности. Это и Рудин, считавший, что поэзия разлита всюду и выражается не только в стихах, это и заброшенный в Россию немец-музыкант Лемм.

Природу и человека Фет, как и Тургенев, рассматривал с пантеистических позиций, связанных с признанием единой субстанции для всех явлений духовного и материального мира. Лирическое «Я» и природное окружение объединяются общей сущностью бытия.

Заостряя поэтическую сторону жизни, Тургенев и Фет обращаются к тем эстетическим ситуациям, когда лирическое «Я» отдается ощущению полноты и радости бытия, той духовной жизнедеятельности, которая неразрывно связана с созерцанием красоты.

Всем предшествующим развитием Фет был подготовлен к органическому восприятию идей Шопенгауэра в 1870-е годы, когда он обратился к переводу главного его сочинения «Мир как воля и представление». Мысль немецкого философа о том, что именно в искусстве человек отдается чистому созерцанию благодаря освобождению от порывов и влечений воли, от тех страстей и вожделений, которые и являются источником мучительных страданий, — это признание эстетического созерцания как высшей стадии познания оказалось родственной Фету, всегда считавшему поэзию сферой незаинтересованного внимания к тому, что составляет гармонию жизни. В силу сказанного вряд ли можно согласиться с теми учеными, которые полагают, что в лирике Фета нет эстетической идеализации действительности, а есть изображение красоты как элемента объективно существующей реальности. Однако поэзия Фета не имеет отношения к эмпирической действительности, поскольку она обращена к познанию идеальных сущностей, т.е. идей. Изображая идеальное в реальном, Фет проникает в скрытую диалектику Шопенгауэра, которая связана с тем, что мировая воля, стихийная и бессмысленная, может породить из себя нечто разумное и осмысленное. Именно в философских стихотворениях «Вечерних огней» ощущается воздействие некоторых основополагающих идей Шопенгауэра. В соответствии со своими духовными исканиями в философии немецкого мыслителя Фет нашел платоновский мир вечных разумных, прекрасных идей, отражением которых и является конкретно-чувственная действительность. Гений в искусстве становится «чистым познающим субъектом, чистым оком мироздания». Преодолевая «собственный интерес, собственное желание», он освобождает этим самым свое познание от служения воле, отдается незаинтересованному наблюдению. Познание у художника преобладает над желанием, и потому в преходящих вещах он

способен открывать «вечные идеи», «существенное и непреходящее всех явлений». По мысли Фета, только художник располагает возможностью «всецельно овладеть самой сокровенной сущностью предметов, их поющей правдой».

Поэзия для Фета – это «проникновение в “самую сокровенную суть мира”, его гармонический строй, а тем самым и ответ на “конечные” вопросы о цели и смысле бытия, которые, считает он, бессильны решать наука и религия». (Д.Благой).

Одна из главных проблем Тургенева и Фета – это проблема красоты. Природа для них является храмом, в котором романтик-созерцатель, поэт-творец с благоговейным трепетом вступает в непосредственную связь с абсолютной духовностью – красотой. В одном из писем к Тургеневу Фет заметил: «Das Schöne в обширном смысле единственное окно, через которое der grosse Weltgeist смотрит в человеке». («Прекрасное», - единственное окно, через которое «Великий мировой дух» смотрит в человеке).³

Тургеневым и Фетом утверждалась всемирная гармония, таинственно снимающая борьбу противоположных начал. Однако в понимании этой вселенской гармонии между Тургеневым и Фетом были не только точки соприкосновения, но и значительные принципиальные расхождения. Тургенев, изображая коллизию Добра и Красоты, отдает предпочтение Добру: «Да одно это слово (доброта) имеет значение перед лицом смерти: все пройдет, все исчезнет, величайший сан, власть, всеобъемлющий гений, все разлетится прахом...

Все великое земное
Разлетается как дым...

Но добрые дела не разлетаются дымом; они долговечнее самой сияющей красоты. «Все минется, сказал апостол, одна любовь останется» (VIII, 91).

Тургенев не мог удовлетвориться пантеистическим решением проблемы соотношения единичного и общего, идеей растворения личности в духовно-природном океане, идеей поглощения личности общим. Своим признанием неповторимости, уникальности Человека, располагающего даром духовной свободы, как своей глубочайшей сущностью, Тургенев, несомненно, выходил за пределы пантеизма, отрицающего божественное вне мира. Этим самым Тургенев, в отличие от Фета, сделал значительный шаг в сторону христианского вероучения. Он знал потребность в существовании личного Бога, что подтверждается содержанием стихотворения в прозе «Молитва». Здесь примечательно следующее признание: «Только такая молитва и есть настоящая молитва – от лица к лицу. Молиться всемирному духу, высшему существу, кантовскому, гегелевскому, очищенному, безобразному богу – невозможно и немислимо» (VIII, 197). Молитва ставит верующего в непосредственную связь с высшей реальностью. Религиозное чувство он понимал как опознание Бога. Он писал, что «имеющий веру имеет

все», но относил себя к «неимущим». Но религиозно-нравственные мотивы имелись в творчестве Тургенева и разрабатывались они с чувством высокого благоговения. Вспомним образ религиозно одаренной русской девушки – Лизы Калитиной. О ней сказаны такие проникновенные слова: «Вся проникнутая чувством долга, боязнь оскорбить кого бы то ни было, она любила всех и никого; она любила одного Бога, восторженно, робко, нежно. Лаврецкий первый нарушил ее тихую внутреннюю жизнь».

В «Дворянском гнезде» религия дана как форма выражения нравственного сознания народа, и религиозные переживания – как источник внутренней душевной силы и чистоты. Именно религиозность роднит Лизу Калитину с народом и выделяет из дворянского круга. Восторженная набожность, подчеркивает Тургенев, черта не дворянская. Лиза «преждему шла к обедне, как на праздник, молилась с наслаждением, с каким-то сдержанным и стыдливым порывом...» Не даром Марфа Тимофеевна «старалась умерить ее рвение и не позволяла класть лишние земные поклоны; не дворянская, мол, эта замашка!» Тургенев высоко ценил связь своей героини с исконно-национальной религиозной культурой русского народа, с православной церковью.

Тургенев сомневался в возможностях разума и жаждал веры как несомненного и непосредственного приобщения к истине. Оценка веры, как сверхлогического знания, сближала Тургенева не только с Толстым и Достоевским, но и славянофилами, для которых «верующий знает истину, неверующий же не знает ее или знает ее знанием внешним и несовершенным» (Хомяков). Тургенев убежден в достоверности веры, что подтверждается содержанием его творчества, а также письмами к Е.Е.Ламберт. Представления Тургенева о религиозной вере народно-православное. Он понимал, что вера не противоречит разуму, но она сама по себе внеразумна.

Примечания

1. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Т. 9. М.,-Л.: Наука, 1964. С. 118.
Дальнейшие ссылки даются по этому изданию с указанием тома и страницы, ссылки на письма приводятся с пометкой «П».
2. Фет А.А. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1982. С. 156.
3. Переписка И.С.Тургенева. В 2-х т. Т.1. М.: Худож. лит., 1986. С. 450.

Е.М. КОНЫШЕВ

БАЙРОНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Преемственная связь Тургенева с искусством классического романтизма была убедительно доказана в нашем литературоведении ещё в 60-70 годы прошлого века.¹ Но эта проблема ещё не исчерпана. Вопрос о влиянии на

писателя конкретных романтических течений нуждается в дополнительном изучении. В данной статье речь пойдёт о том, как мог преломиться в творчестве Тургенева эпохальный для европейской литературы образ байронического героя.

Байронизм очень характерен для молодого Тургенева. Отнюдь не случайно одним из первых литературных опытов начинающего писателя станет драматическая поэма «Стено», где он пытается подражать английскому поэту. Байронические настроения звучат и в том часто цитируемом исследователями письме к Полине Виардо, где Тургенев пишет: «Я предпочитаю Прометея, предпочитаю Сатану, тип возмущения и индивидуальности. Какой бы я ни был атом, я сам себе владыка, и хочу истины, а не спасения; я чаю его от своего ума, а не от благодати».² Конечно, в дальнейшей своей жизни и творчестве Тургенев во многом отойдёт от юношеского увлечения Байроном, но отзвуки его будут сохраняться и в реалистических произведениях писателя. Вспомним, что писал Аполлон Григорьев о рассказе «Бежин луг». Среди крестьянских ребятишек, сидящих возле костра, он увидел «байронического мальчика», и «в лице байронического мальчика»³ критик нашёл отражение поэтической личности самого писателя. Конечно, подобное замечание поражает своей неожиданностью и оригинальностью. Всё-таки речь идёт о русской деревне. Казалось бы, причём здесь Байрон. Но, если вдуматься, оно вполне обоснованно. Просто романтик Аполлон Григорьев более, чем кто-либо другой, был способен уловить в «Записках охотника» отдалённую связь с художественным миром великого английского поэта. Сохраняется эта связь и в романе, посвящённом изображению современной Тургеневу демократической молодёжи, в романе «Отцы и дети».

Знаменательно, что замысел этого произведения возникает в Англии, где писатель отдыхал летом 1860 года. Знаменательны отзывы критиков и писателей, которые указывали (хотя часто в ироническом смысле), что в образе тургеневского нигилиста проступают черты романтического героя. Вспомним, как трактовал конфликт романа Н.Н.Страхов: «Базаров - это титан, восставший против своей матери-земли», и, «как бы то ни было, Базаров всё-таки побеждён, побеждён не лицами <...>, но самую идею этой жизни».⁴ Базаров - титан. Пусть это всего лишь образное выражение, но оно возникло не случайно. Н.Н.Страхов верно уловил, что тургеневский Базаров может расцениваться как одно из воплощений могучего духа, сверхчеловека или титана, который в своё время так опозтизирован романтиками. Даже М.А.Антонович это почувствовал. Он писал: «По-видимому, г. Тургенев хотел изобразить в своём герое, как говорится, демоническую или байроническую натуру ...»⁵ Но самое главное, конечно, это восприятие романа Достоевским.

В «Бесах» один из персонажей заявляет: «Я не понимаю Тургенева. У него Базаров это какое-то фиктивное лицо, не существующее вовсе; они же первые и отвергли его тогда, как ни на что не похожее. Этот Базаров это какая-то неясная смесь Ноздрёва с Байроном...»⁶ При всей ироничности данного высказывания мысли, в нём выраженные, вполне серьёзные, и многое

здесь идёт от самого Достоевского. Не случайно, создавая образ Ставрогина, в котором писатель даёт свой вариант базаровского типа, Достоевский опять же будет подчеркивать в герое байроническое начало: «Его воспитатель сумел дотронуться в сердце своего друга до глубочайших струн и вызвать в нём первое, ещё неопределённое ощущение той вековой, священной тоски, которую иная избранная душа, раз вкусив и познав, уж не променяет потом никогда на дешёвое удовлетворение» (X, 35).

Конечно, в приведённом выше высказывании Степана Трофимовича Верховенского речь идёт не только о Байроне, упоминается и Ноздрёв. Упоминается с полным основанием. В характере Базарова хватает грубости, резкости. В ряде сцен описание его таково, что о романтизме не может быть и речи. И всё же к достоверному описанию демократической молодёжи шестидесятых годов образ Базарова не сводится. Об этом в своё время вполне справедливо писал Д.Н.Овсяннико-Куликовский: «Смотреть на Базарова, как на тип наших «нигилистов» или «мыслящих реалистов» 60-х г.г. нет никакой возможности. К этому «движению», в сущности безобидному, Базаров примыкает чисто внешним образом. Отрицание искусства, глумление над Пушкиным, культ естественных наук, материалистическое мировоззрение - всё это только «механически» связывает Базарова с известными кругами молодёжи того времени. Но ведь Базаров интересен и так значителен вовсе не этими «взглядами», не «направлением», а внутренней содержательностью и сложностью натуры, в самом деле «сумрачной», «наполовину выросшей из почвы», огромной силой духа, наконец - при демократизме «до конца ногтей» - такой независимостью мысли и такими задатками внутренней свободы, каких дай Бог настоящему философу».⁷ Особенно значительным в данном высказывании известного литературоведа представляется указание на то, что в Базарове воплощено стремление к свободе и независимости человеческого духа. Д.Н.Овсяннико-Куликовский считает подобные качества свойством настоящего философа, и с ним можно согласиться. Но следует добавить, что для Тургенева это признак ещё и несколько иной системы ценностей. Вспомним слова писателя: «Романтизм есть не что иное как апофеоза личности» (I, 220). Между тем именно как апофеоза человеческой личности нарисован в романе образ Базарова. И в этом, несомненно, отразилась глубинная связь Тургенева с романтизмом. Современный английский исследователь Р.Фриборн пишет: «В контексте развития мировой литературы, русская литература девятнадцатого века трансформировала образ уединённого, байроновского героя, типичного для романтического воображения, в реалистический образ «нового человека», обусловленного, но и как-то пересозданного условиями русской действительности».⁸ Трансформация образа, конечно, была очень значительной. Но сохраняется и связь байроновской идеи личности с осмыслением типа «нового человека» в романе «Отцы и дети». С романтическим бунтарём и отщепенцем Базарова роднит его индивидуализм. Мы как-то не очень охотно признаём, насколько он присущ тургеневскому герою. Некоторые характерные высказывания Базарова мы склонны

объяснять временными обстоятельствами, депрессией. Например: «А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет <...> да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет, ну, а дальше?» (VIII, 325). Между тем подобное заявление вполне соответствует основам базаровского мировоззрения. Нельзя не вспомнить, что Базаров весьма не понравился значительной части революционно-демократической молодёжи. И для этого были причины. Люди базаровского типа, если они не маскируют своих взглядов, мало уместны в той среде, где человека призывают к дисциплине, самопожертвованию, служению народу. Думается, что именно индивидуализм Базарова был одной из причин неприятия его теми, кто мечтал о хрустальных дворцах, кто идеализировал общину и верил в социалистические инстинкты русского крестьянина.

Важно ещё раз подчеркнуть, что индивидуализм Базарова носит во многом именно романтический характер. Ведь Базаров нигилист-отрицатель, разрушитель. Как романтический бунтарь он восстаёт против авторитетов и готов переступить все преграды, воздвигаемые законом, властью, государством:

- В теперешнее время полезнее всего отрицание, - мы отрицаем. - Всё? - Всё. Как? Не только искусство, поэзию ... но и ... страшно вымолвить ... - Всё. - с невыразимым спокойствием повторил Базаров (VIII, 243).

Здесь ощущается то упоение идеей отрицания, то демоническое вдохновение, которое затем привлечёт внимание Достоевского. Базаров увлечён наукой, много работает, способен к созиданию, но чувствуется, что жажда разрушения также находит отклик в его сердце. Следует добавить, что в романтизме выделяется ряд течений. Для того из них, которое связано с именем Байрона, характерна как раз идеализация отрицания. Подобной идеализации подвергаются настроения, в которых выражено неприятие не только существующего общественного порядка, но и всего мироустройства. Это обусловлено глубоким кризисом просветительских воззрений в конце восемнадцатого - начале девятнадцатого века. Для России нечто подобное сохраняло своё значение и в более поздний период. Наша страна, как известно, запаздывала в своём историческом развитии. Те феодальные порядки, которые на Западе были разрушены в ходе Великой Французской буржуазной революции, у нас сохранялись по крайней мере до 1861 года. Как справедливо отмечал В. В. Кожин, «русские революционные демократы, одновременно являвшиеся и просветителями - Белинский, Герцен, Щедрин, Чернышевский. Добролюбов, Некрасов, - решали в России задачи, подобные тем, которые решали во Франции такие просветители, как, скажем, Руссо или Дидро».⁹ Но в России в середине девятнадцатого века просветители, испытывая многочисленные иллюзии, самой историей были подведены гораздо ближе к тому, чтобы ощутить трагическое противоречие между просветительскими идеалами и действительностью. В романе Тургенева «Отцы и дети» именно это противоречие передано с огромной художественной силой. С одной стороны, Базаров по своим взглядам очень

близок к просветителям. Не случайно есть версия, что прототипом его был Добролюбов. Базарову свойственна, особенно в начале романа, безраздельная вера в разум, в науку, в способность человека на рациональной основе перестроить и самого себя, и окружающую действительность. Но жизнь, загадочная, сложная, таинственная, всё время опровергает тургеневского героя, разрушает его просветительские представления. В результате Базаров оказывается в состоянии духовного кризиса, глубокого нравственного смятения. По мере развития сюжета Тургенев изображает уже не самоуверенного, а, как писал Достоевский, «беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» (V, 59). Именно этому Базарову становятся свойственны тоска, скука, меланхолия и разочарование в жизни: «Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет...» (VIII, 323) Тургенев передаёт здесь герою свои мысли, свои чувства и настроения, но это и та мировая скорбь, которая впервые была опозитизирована Байроном.

В «Отцах и детях» наблюдается переключка не только с идеями английского романтизма. Его влияние несомненно и в тех художественных приёмах, которые используются Тургеневым. Плебей и демократ шестидесятых годов изображён так, что в нем временами весьма отчётливо проступают черты байронического героя.

Подобный герой всегда таинственен и загадочен. В известной мере загадочным предстаёт перед читателем Евгений Базаров. Если в других своих романах писатель всегда уделял большое внимание предистории Рудина и Лаврецкого, а также факторам, которые воздействовали на формирование их взглядов и убеждений, то в «Отцах и детях» всё это отсутствует. Как справедливо указывает Ю.В.Манин, «в размышлениях о Базарове встают два вопроса. Что он делал в прошлом, помимо того, что учился в медико-хирургической академии? И что он намерен делать завтра, помимо того, что будет сдавать на доктора и служить на поприще медицины? Вокруг этой темы кружат реплики и Павла Петровича, Одинцовой, и отца Базарова. Кажется, вот-вот Базаров раскроется, и интригующая тайна будет снята. Но Базаров упорно молчит или отделяется общими словами, а его друг Аркадий дать за него полного ответа не может?»¹⁰

Романтический герой, как правило, одинок. И это опять же в высшей степени присуще Базарову. Он глубоко чужд той аристократической среде, в которой случайно оказался. Но от народа он также отделён стеной непонимания. Более того, даже те, кто составляет его ближайшее окружение, его родные, друзья, последователи, не имеют с ним никакой внутренней близости. «С одиночеством героя и таинственностью его явления тесно связана его замкнутость и скрытность. Герой прячет в себе душевное переживание, старается сделать его недоступным для наблюдателя; сильные аффекты не отражаются на лице его, с виду всегда спокойном и холодном; из гордости он скрывает свои страдания и волнения»¹¹ В.М.Жирмунский писал

так о персонаже романтических поэм, но слова эти вполне можно отнести и к тургеневскому Базарову.

Романтический бунтарь всегда выделяется особой манерой поведения. В.М.Жирмунский отмечает свойственные ему «сознание превосходства над другими людьми, спокойную властность, надменность в общении и холодное презрение к окружающим, повелительный жест и тон».¹² Все эти черты в полной мере присущи Базарову. В тексте постоянно встречаются такие штрихи его портрета, как «с надменной гордостью», «надменно выпрямился», «с невыразимым спокойствием», «с особенной дерзостью», «гордость почти сатанинская», «холодная усмешка» и т.д. Это не означает, разумеется, что Базаров нарисован одной какой-то краской. Есть совершенно другие особенности его характера, его поведения. Но, дополняя и углубляя образ, они не разрушают того романтического ореола, который иногда окружает Базарова.

Следует отметить также, что в романтических произведениях, как правило, на первом плане один главный персонаж, безраздельно подавляющий и затмевающий собой всех остальных. Пушкин и другие русские писатели немало сделали для того, чтобы преодолеть такую расстановку действующих лиц. Ю.В.Манн пишет: «От «Евгения Онегина» по длинной цепи произведений <...> «Обыкновенная история», «Кто виноват?» <...> и т.д. - происходит последовательное стремление лишить главного героя монопольного места, окружить его «оппонентами», представляющими другие грани действительности, выдвинуть хор равноправных <...> голосов. В «Отцах и детях» повествование вновь тяготеет к прежней структурной формуле: один против всех».¹³ Такое перераспределение персонажей оказывается неизбежным. Слишком масштабна, слишком значительна фигура Базарова. И это опять-таки пусть отдаленное, но несомненное проявление романтической традиции.

Подводя общий итог, необходимо подчеркнуть следующее. Роман Тургенева представляет собой не только воспроизведение объективной действительности шестидесятых годов девятнадцатого века. В нём отразились важнейшие моменты духовного развития как русского, так и европейского общества. В нём нашли свое выражение субъективные переживания писателя, прошедшего школу романтизма, опиравшегося на его традиции. И поэтому влияние байронизма, столь осязаемое в поэзии Пушкина и Лермонтова, как отдалённый отзвук сохраняется также в романе «Отцы и дети».

Примечания

1. Курляндская Г.Б. Метод и стиль Тургенева-романиста. Тула, 1967. Художественный метод Тургенева-романиста. Тула, 1972.
2. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. П. I. С. 449. Дальнейшие ссылки даются по этому изданию.
3. Григорьев А. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо» // Григорьев А. Литературная критика. М., 1967.

С. 250.

4. Страхов Н.Н. «Отцы и дети» И Тургенева // *Время*. 1862, № 4. С. 38.
5. Антонович М.А. Асмодей нашего времени // Антонович М. А. Литературно-критические статьи. М.-Л., 1961. С. 42.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Т.Х. С.171. Дальнейшие сноски даются по этому изданию
7. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1909. С. 54.
8. Фриборн Р. Франкенштейн и Базаров // *Вестник Московского ун-та*. Сер. 9. Филология. 1995, №1. С. 17.
9. Кожин В.В. О принципах построения литературы // *Контекст* – 1972. М., 1972. С.278-279.
10. Манн Ю.В. Базаров и другие // *Новый мир*. 1968, № 10. С. 248.
11. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Л., 1978. С.147.
12. Там же.
13. Манн Ю.В. Базаров и другие. *Новый мир*. Л., 1968. С. 247.

В.А. ВЛАСОВ

НЕУЧТЕННОЕ ПИСЬМО ТУРГЕНЕВА К ГЛЕБУ УСПЕНСКОМУ

Своего рода приложением к полному собранию сочинений и писем нашего великого земляка является «Перечень утраченных писем И.С.Тургенева», подготовленный Е.М. и Н.А. Хмелевскими.¹ В переписке писателя и его современников, а также в мемуарной литературе авторы документа обнаружили упоминания о 1120 неизвестных письмах Ивана Сергеевича, адресованных 290 корреспондентам.

Этот «Перечень...» до известной степени расширяет наши сведения о круге знакомых автора «Отцов и детей», в который вошли 119 частных лиц, редакции двух газет и типография одного города, не числившиеся ранее среди его адресатов. Кроме того, печальный реестр утраченных и частично уже уничтоженных тургеневских писем уточняет хронологическую канву биографии писателя и существенно расширяет тематику вопросов, которых он касался в своей переписке.

Обзор неразысканных писем Ивана Сергеевича завершается сводным указателем адресатов, имена которых и число написанных им писем определяются почти документально. В этом обзоре значится всего одно письмо Тургенева к Глебу Успенскому, написанное в конце мая 1875 года в Карлсбаде. На самом же деле в «Перечне...» их должно быть по меньшей мере два. Упоминание о втором письме нашего земляка к автору «Нравов Растеряевой улицы» мне посчастливилось найти в труднодоступной, долгое время числящейся в спецхране книге «На родине» видного публициста, уроженца Орла Николая Сергеевича Русанова, выпущенной в Москве в 1931 году издательством Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев.²

... С Глебом Успенским Тургенев познакомился в начале семидесятых годов в Петербурге у поэта Я.П.Полонского. Часто встречались они в 1875 году в Париже. Успенский познакомил Ивана Сергеевича с Г.Лопатиным,

способствовал сближению писателя с колонией русских революционеров-эмигрантов.

На «литературно-музыкальном утре», устроенном в пользу русской читальни в Париже, Тургенев читал свой рассказ «Стучит» и «Ходок» Успенского. Иван Сергеевич деятельно сочувствовал литературным затруднениям молодого коллеги из-за того, что «цензура у него хлеб изо рта отнимает». В 1877 году вышел один из переводов жены Успенского с тургеневским предисловием.³

Следующая встреча между писателями произошла через три года в Петербурге. При посредничестве Успенского маститый писатель познакомился с целым рядом молодых литераторов, группировавшихся вокруг артельного журнала «Русское богатство». Тургенев встретился с ними в марте 1880 года на квартире Успенского.

Об этом свидании рассказали в своих воспоминаниях народоволец и публицист С.Н.Кривенко, стоявший во главе «Литературной артели», известный народнический писатель Н.Н.Златовратский и упомянутый выше Николай Русанов. Мемуары последнего, земляка Тургенева, представляют для нас особый интерес.

Н.С.Русанов (1859-1930) приходился двоюродным братом знаменитому полярному исследователю орловцу В.А.Русанову, которому в годы учебы старший кузен оказывал материальную поддержку. Родившись в сохранившемся до наших дней каменном купеческом доме на 2-й Курской улице, он с детских лет близко познакомился, говоря его словами, с «каторжным трудом» рабочих на предприятиях своего отца. Это и определило его судьбу.

За год до встречи с Тургеневым Русанов дебютировал в столичной газете «Новости». Тогда же на даче Кривенко произошло его знакомство с Успенским. В их новом журнале «Русское богатство» Николай Сергеевич поместил свою любопытную статью «О современных проявлениях капитализма в России».

Итак, небольшая петербургская квартира Успенского заполнилась желающими встретиться с автором «Записок охотника». Появившийся вскоре Иван Сергеевич изумил всех громадностью и мощью своей фигуры, эффектно-седыми волосами и белой бородой, еще более оттенявшей поразительную молодость его лица. Перезнакомившись со всеми, он сел и тотчас же овладел нитями общего разговора.

Не согласившись с молодым собеседником в том, что Россия так же близка к революции, как Франция конца прошлого века, Тургенев обратил внимание на следующее обстоятельство: «В то время во Франции было могущественное оппозиционное течение, и все мыслящие люди, несмотря на различие мнений в прочем, соглашались в одном: старый строй должен быть заменен новым. То ли же самое в теперешней пореформенной России?»

Есть реакционеры, есть либералы, есть революционеры... крайние прогрессисты, - поправился он, окинув нашу комнату добродушным взглядом, как бы не желая обидеть нас, - что между ними общего, что они все

согласны уничтожить и что сохранить? А пока нет одного могучего течения, в котором сливались бы отдельные оппозиционные ручьи, о революции, мне кажется, рановато говорить... Поживем – увидим».

Когда Русанов со свойственной ему горячностью начал было отстаивать свою точку зрения, Иван Сергеевич очень искусно, как будто и не уклоняясь от предмета разговора, перевел его на менее шекотливую почву: «Да, я, между прочим, сказал о могуществе одного общего оппозиционного течения... И у нас в России было такое время, но прошло. Это было в сороковых и пятидесятых годах, когда мы все, за исключением самых ужасных реакционеров, знали, что делать и что валить. Я говорю о крепостном праве. Все были согласны в этом – и публицисты, и романисты».

И тут Тургенев вспомнил, какой, по его мнению, «преувеличенный успех пал на долю «Записок охотника» именно потому, что там мужик представлен таким человеком, как герои и героини из благородного сословия, с такими же радостями и горестями, муками несчастной любви и страданиями попираемого достоинства, способностью восторгаться и пением птиц, и шелестом прохладной дубовой рощи, и журчанием ручья, там, в степном овраге, между кустами орешника...»

Вторая встреча, проходившая в доме известного купца-мецената И.М.Сибирякова, была не менее оживленной. «Я вижу, - начал Тургенев после минутного молчания, - что молодые люди по-прежнему заняты вопросом «что делать»? ... Мне кажется, им самим и надо решить его... Да я и живу теперь в России только наездом и не берусь решать сложные вопросы политики... Но что хождение в народ не удалось, это, кажется, очевидно».

Далеко не на одного Русанова Тургенев произвел впечатление великого писателя, «наслаждавшегося действительностью, как материалом для художественного творчества или, по крайней мере, для художественного наблюдения».

Рассказ о двух беседах на злобу дня со своим славным земляком Русанов закончил сообщением: «Тургенев вскоре уехал из Питера в свое орловское имение, но не забыл своих новых знакомых. Если напечатают когда-нибудь его письма из этого времени к Успенскому, который нас познакомил с Тургеневым, то из них читатель убедится, как Иван Сергеевич следит за литературной деятельностью нашей братии, и не только за беллетристикой, но и за публицистикой, и не раз встретятся в них рассуждения по поводу, например, той или другой чисто экономической статьи (между прочим, и моих «Проявлений современного капитализма в России», напечатанных в начале 1880 года в «Русском богатстве»»).

Увы, ни одно тургеневское письмо того времени к Успенскому, не считая короткой записки, не увидело света, а их, как свидетельствует читавший их Русанов, было несколько. Более того, ни одно из них Хмелевские не включили в «Перечень утраченных писем И.С.Тургенева», о котором речь шла выше.

Коснувшись собственной статьи «О современных проявлениях капитализма в России», Русанов не без гордости отметил: «О ней совсем

хорошо отозвался в письме к Успенскому проживавший летом 1880 года в своем имении Тургенев, к которому Глеб Иванович посылал книжки начавшего тогда выходить нашего «Русского богатства».

Это свидетельство Русанова очень ценно потому, что является пока единственным источником, подтверждающим наличие, вероятно, несохранившегося письма из Спасского-Лутовинова. А значит оно должно быть отражено в летописи жизни и творчества писателя, а также в хронике его предпоследнего пребывания в родных местах. Кроме того, письмо вводит в круг чтения Тургенева новую публицистическую статью и содержит дополнительные сведения о его близком знакомстве с Успенским.

К только что цитированным строкам Успенский делает интересное примечание: «Это письмо сыграло даже немалую роль в моей личной жизни, помогли побороть сопротивление браку со мной со стороны родителей девушки, которая осенью того же 1880 года стала моей женой. Я ограничиваюсь этими словами, твердо решив исключать из своих воспоминаний все, что касается собственно интимной жизни меня самого и моих близких и знакомых...»

И далее Николай Сергеевич продолжает: «Если это письмо, данное мне Успенским и возвращенное мною ему, будет когда-нибудь найдено, то из него увидят, с каким интересом и симпатией Тургенев снова следил в последние годы своей жизни за «молодым поколением» в России. Я приписывал благоприятный отзыв о моей статье Тургенева отчасти обстоятельству, что он должен был сохранить обо мне более определенное впечатление, чем о других «молодых» литераторах, которые встречались с ним по его желанию и приглашению в доме И.М.Сибирякова и на квартире Успенского...»

Как видим, спасско-лутовиновскому письму пришлось попутешествовать – из столицы оно попало в родной город автора, а из Орла снова возвратилось к петербургскому адресату. У него оказалось немало читателей: кроме Успенского и Русанова ими стали его невеста Наташа Заседателева и члены ее многочисленной семьи.

Письмо еще раз подтвердило большой авторитет автора «Дворянского гнезда» среди его земляков. Сам того не ведая, Иван Сергеевич сыграл благотворную роль в личной судьбе двадцатилетнего Русанова.

Письмо сломило сопротивление родителей Наташи, согласившихся на ее брак с «малоперспективным» женихом, который предпочел фамильному купеческому делу зыбкую карьеру одаренного публициста. Будущая его супруга, кстати, жила на соседней, 3-й Курской улице в крепко сколоченном одноэтажном деревянном доме, отмеченном в наши дни мемориальной доской в честь ее брата – небезызвестного деятеля медицины Ф.Ф.Заседателева.

Более точно датировать неучтенное тургеневское письмо к Успенскому позволяет обнаруженный в Государственном архиве Орловской области документ, из которого видно, что венчание Н.С.Русанова и Н.Ф.Заседателевой состоялось 10 сентября 1880 года в Покровской церкви

города Орла.⁴ Так что спасско-лутовиновское письмо могло быть написано после получения писателем журнала с русановской статьей и до 10 сентября 1880 года.

Светлым моментом своей нелегкой профессии Николай Русанов обязан двум беседам с великим соотечественником и земляком, лестно отозвавшимся об одной из первых его работ. Недаром Тургенев признавался в одном из писем: «Молодые люди должны чувствовать ту симпатию, которая живет во мне – если не к их целям, то к их личностям».

Примечания

1. Хмелевская Е.М. Утраченные письма И.С.Тургенева (1838-1856) //Тургеневский сб. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С.Тургенева. М.-Л.: 1964. I. С. 344-378. Хмелевская Е.М. Утраченные письма И.С. Тургенева (1857-1860) // Там же. II. М.-Л.: 1966. С. 339-353. Хмелевская Е.М., Хмелевская Н.А. Утраченные письма И.С.Тургенева (1861-1870) // Там же. III. Л.: 1967. С. 297-334. Хмелевская Н.А. Утраченные письма И.С.Тургенева (1871-1876) // Там же. IV. Л.: 1968. С. 343-366. Хмелевская Н.А. Утраченные письма И.С.Тургенева (18778-1883 и дополнения) // Там же. V. Л.: 1969. С. 429-480.
2. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев до своей ликвидации в начале 1930-х годов проводило большую работу по изданию справочной литературы, воспоминаний, исследований, документов и других материалов из истории революционного прошлого России. Книга Н.С.Русанова «На родине» вышла в серии «Историко-революционная библиотека».
3. В переводе А.В.Успенской (урожд. Бараевой) вышли «Очерки и рассказы из народной жизни» Л.Кладеля с предисловием И.С.Тургенева.
4. См.: Власов В. «Благоприятный отзыв о моей статье Тургенева...» // Орловский вестник. 2002. № 32. 8 авг. С. 14.

Л.Э. АЙНГОРН
Германия. Мюнхен

И.С. ТУРГЕНЕВ В МЮНХЕНЕ

Мюнхен – столица южно-германской земли Баварии, основан на месте монашеского поселения в 1158 году герцогом Генрихом XII Вельфем (Генрих Лев). В 1180 году герцогом Баварии становится представитель династии Виттельсбахов, правивший баварской землей вплоть до 1918 года.

В 1806 году Бавария провозглашается королевством; первым королем стал Макс-Иозеф I, сделавший Мюнхен, до того времени захудалый городок с ярко выраженным сельским укладом жизни, столицей. При нем и особенно при его сыне Людвиге I столица усиленно застраивается по проектам лучших архитекторов, и к моменту первого посещения ее И.С.Тургеневым в 1838 году Мюнхен напоминал античные города. Недаром путешественники называли Мюнхен «Афинами на Изаре».

Приехав в Берлин в мае 1838 года для продолжения образования в университете, Тургенев, в ожидании занятий, путешествует по Европе и посещает Мюнхен. Это было его первое самостоятельное заграничное

путешествие. Кратковременная остановка в Мюнхене не нашла никакого отклика у писателя. Вспоминая об этом много лет спустя, в 1861 году в письме к знакомой Ольге Хилковой, жившей тогда в Мюнхене, Тургенев признавался, что «<...> в том городе был давно <...> в 1838 году <...> был тогда глуп до крайности, да если б у меня и остались тогда дельные впечатления, они теперь уже давно успели изгладиться». (Письма, IV. 191).¹

В то время в Мюнхене уже были построены Глиптотека и Пинакотека, преобразилась Людвигштрассе – появились здания Библиотеки и Людвигкирхи, воздвигались корпуса университета, к королевскому дворцу пристроили новое крыльцо Резиденции для торжественных приемов, а рядом красовалось здание театра.

Тургенев выбрал местом учебы Берлинский университет, хотя в то время многих привлекал Мюнхен: ведь там преподавал немецкий философ Фридрих Шиллер. Впоследствии, вспоминая годы учебы в Берлине, писатель признавался, что его больше привлекал Гёте, нежели «Гегель и его апостолы».

В Указателе мест пребывания И.С.Тургенева с 1(13) января 1860 по 23 мая (4 июня) 1862 года (Письма, IV, 656) говорится о посещении писателем Мюнхена 24 мая (5 июня) 1860 года при поездке его из Парижа в Соден – курорт под Франкфуртом-на-Майне. Такое сообщение является, на наш взгляд, весьма сомнительным, даже если предположить, что Тургенев запомнил и не учел факт пребывания в Мюнхене весной 1860 года в упомянутом письме к О.Хилковой - иными словами, о 1838 годе вспомнил, а о 1860-м забыл.

Ничего не сообщал Тургенев о планах поездки в Мюнхен в 1860 году в письмах своим знакомым. Так, в письме к П.В.Анненкову, написанном накануне отъезда из Парижа 22 мая (3 июня) 1860 года, в котором Тургенев изобразил свой план предстоящей поездки в виде таблицы, заезд в Мюнхен не указан. (Письма, IV, 76). Кроме того, практически невозможно было такое молниеносное передвижение из Парижа во Франкфурт-на-Майне через Мюнхен, но, самое главное – бессмысленно. Из Содена Тургенев возвратился в Париж «рациональным» путем: через Майнц, Кельн, Аахен. Если учесть при этом, что на сутки он задержался в Бонне и Кельне, то весь путь у него занял бы два дня. Обычный путь из Парижа в Мюнхен, которым, кстати, пользовался Тургенев при поездке в 1861 году, был из Парижа до Страсбурга и далее уже из германского города Кель (Kehl), расположенного на противоположном берегу Рейна, до Мюнхена в юго-восточном направлении, тогда как до Франкфурта направление - на север. Таким образом, если поездка через Мюнхен в 1860 году состоялась, то писатель должен был бы совершить лишний круг (около 700 километров). Понятно, что для этого должны были бы быть серьезные основания, от окружающих скрытые.

Итак, временем вторичного посещения Мюнхена следует считать апрель 1861 года. Железные дороги, строительство которых началось в 40-е годы, пролегли к этому времени по всей территории Германии; по словам Ф.И.Тютчева, «города подают друг другу руки». И хотя в письме к дочери

Тургенев писал: «Путешествия – это полезный и приятный труд, но все же это труд» (Письма, IV, 417), надо заметить, поездки проходили тогда в достаточно комфортных условиях и с немалой скоростью.

О пребывании в городе Тургенева в течение трех дней имеются упоминания в письмах самого писателя и в воспоминаниях его мюнхенских «новых знакомых». Тургенев приехал в Мюнхен 4 мая (н. ст.) в 10 часов вечера, «... порядком измученный; однако ночь, проведенная в опрятной постели и без немецких пуховиков» быстро восстановила его силы (Письма, IV, 230). «Немецкие пуховики», упомянутые в письме, являются традиционной принадлежностью постели в северных землях Германии: ими накрываются вместо одеял, утром, вне зависимости от времени года, их выставляют вместе с подушками в открытые окна на проветривание. В Мюнхене такая традиция соблюдается реже.

Из письма Тургенева можно узнать распорядок его дня на 5 мая: «Утром я осмотрел достопримечательности города». Нам неизвестно, на что он обратил внимание: ни одного слова об этом нет. Объяснить «равнодушие» к памятникам и архитектуре города можно тем, что к этому времени Тургенев объездил всю Европу, побывал в известных музеях мира, познакомился с лучшими образцами архитектуры и Мюнхен воспринимал не как открытие, а скорее как нечто вторичное, производное от шедевров, например, Италии.

Действительно, архитекторы, работавшие в Мюнхене, учились и практиковались в Италии, а баварские короли не ставили им задач превзойти античные образцы при проектировании построек в городе. Необходимо также учитывать, что в Мюнхене писателя интересовали литературные дела, в то время он интенсивно работал над одним из главных своих произведений – романом «Отцы и дети». Кроме того, у Тургенева было ограничено время пребывания в Мюнхене: он спешил в Петербург, а затем в Спасское, чтобы уладить дела с крестьянами после реформы 1861 года. Тем не менее, в дальнейшем он характеризует Мюнхен как «красивый, приятный и гостеприимный город» (Письма, IV, 421).

Возвращаясь к рассказу Тургенева о дне 5 мая, проведенном в Мюнхене, следует выделить его слова: «<...> пообедал с друзьями». Речь идет о семье Хилковых, с которой писатель был ранее знаком. В Мюнхене находились в это время (с зимы 1860/61 годов) княгиня Елизавета Григорьевна и ее две дочери - Пелагея и ее младшая сестра Ольга; с ней Тургенев переписывался с середины 1860 года, выказывая ей свое душевное расположение. В доме Хилковых, на несколько лет оставшихся в Мюнхене после возвращения из путешествия по Италии, собиралось мюнхенское избранное общество, привлеченное образованностью дочерей и их «счастливой наружностью». Писатель и в последующее время интересовался жизнью этой семьи у своих мюнхенских знакомых и через них передавал приветы. Тургенев не переставал следить за судьбой Ольги, вскоре вышедшей замуж за секретаря Российской миссии в Мюнхене Нелидова, со вниманием отнесся к ее литературным опытам.

В этой, безусловно, приятной для него семье Тургенев смог увидиться наконец с поэтом и литератором Фридрихом Боденштедтом, с которым до этого только переписывался. То, что Боденштедт в письме в издателя журнала «Русская старина» М.И.Семевскому от 23 марта 1887 года (помещено в № 5 журнала за 1887 год) дату первой встречи с Тургеневым относит к весне 1860 года, является ошибкой, равно как ошибочными были и его утверждения о неоднократных посещениях русским писателем Мюнхена. Возможно, мнение о его частых приездах возникло у Боденштедта под влиянием переписки: во многих письмах Тургенев называл время предполагаемого приезда в Мюнхен, но намерений своих зачастую не осуществлял. Тургенев и Боденштедт в Мюнхене больше не встретились, так как Тургенев приехал в этот город в очередной раз лишь в 1869 году, а Боденштедт покинул город в 1867 году.

Как известно, по просьбе Тургенева Боденштедт написал для журнала «Современник» статью-обзор «Новейшая немецкая литература после Гейне» (статья в России опубликована не была). Боденштедт способствовал изданию произведений Тургенева в Германии; известны переводы произведений русского писателя, которые выполнял он сам и его жена Матильда Боденштедт. Переводил он, кроме того, стихи русских поэтов, выбранные Тургеневым для Полины Виардо, чтобы она написала «со свойственным ей талантом музыку к нескольким русским стихотворениям».

Большой любитель оперного искусства, Тургенев вечером 5 мая 1861 года отправился в театр «послушать Веберова «Оберона», что доставило ему большое удовольствие; он заметил, однако, что «певцы были отвратительны», «зато оркестр – само совершенство» (Письма, IV, 414). Опера «Оберон», написанная одним из основоположников романтического направления в музыке немецким композитором Карлом Вебером в год его смерти (1826) на сюжет одноименной поэмы немецкого поэта и писателя Кристофора Виланда, была в числе интересных, но редко исполняемых произведений. Не случайно Тургенев в письме П.Виардо от 10/22 января 1864 года, описывая впечатления от концерта русского музыкального общества в Петербурге, обращает особое внимание на исполнение больших отрывков из этой оперы (в них участвовала молодая певица-сопрано Ксения Прохорова-Маурелли в партии Реции).

На следующий день, 6 мая, вечером у себя дома Боденштедт (поэт проживал в это время по адресу: Карлштрассе, 38) познакомил Тургенева с историком профессором Генрихом Зибелем, поэтом и философом Мельхиором Мейером, а также с поэтами Морицом Карриером и Риттером Кобеллем. К сожалению, в томе IV Академического издания «Писем» Тургенева вкрались неточности о времени знакомства русского писателя с Мейером и Карриером: указано: 1860-й, надо – 1861 год. Аналогично в примечании к письму Е.Я.Колбасину от 29 марта/10 апреля 1861 года допущена небрежность: дата выезда из Парижа обозначена 21 апреля/3 мая 1860 года, надо – 1861 года. О темах бесед на вечере, проведенном у Боденштедта, один из участников, М.Мейер, записал в дневнике («Tagebuch

von M.Meug» находится в Рукописном фонде Баварской Государственной библиотеки в Мюнхене) следующее: «Тургенев рассказывает о России, о крестьянских отношениях (крепостных, первоначально земельных собственников). Тургенев говорит: «Крымская война нам много помогла - освободила от царя Николая I (личина большого человека) и пробудила общественное сознание - говорит о материале своих новелл - общинном владении...» (Цитируется по: Письма, IV, 598).

В день отъезда из Мюнхена 7 мая 1861 года при посредничестве Боденштедта Тургенев познакомился с молодым Паулем Гейзе (Heuse), с которым в дальнейшем у него сложились дружеские отношения.

Пауль Гейзе (1830-1914) был приглашен королем в Мюнхен в 1854 году; там он возглавил «Мюнхенский писательский кружок», участники которого исповедовали принципы «чистого искусства». С творчеством Тургенева Гейзе познакомился будучи еще в Берлине, в 1854 году. После выхода в свет 1-го тома «Записок охотника» переводчик этого тома А.Видерт обратил внимание Тургенева на рецензию в «Literaturblatt des deutschen Künstlattes»; на следующий год (1855) там же появилась рецензия Гейзе на 2-й том «Записок» в переводе другого переводчика – А.Больтца.

О личном знакомстве с Тургеневым Гейзе сделал запись в своем дневнике («Tagebuch von Heuse» также находится в Баварской библиотеке). Гейзе отослал Тургеневу сборник своих новелл, вышедших в Берлине в 1861 году, со следующим посвящением: «Ивану Тургеневу, русскому мастеру новеллы, посвящает эти страницы с дружеским приветом автор». В письме к Гейзе от 24 февраля 1862 года из Парижа (находится в Баварской Государственной библиотеке) Тургенев благодарил автора за посвящение ему сборника. С большой теплотой отозвавшись о достоинствах новелл, он писал: «<...> в них обнаруживается глубокое знание человеческого сердца и столь же большая любовь к нашему бедному человечеству <...> Я уже рекомендовал весь том вниманию русских переводчиков» (Письма, IV, 426). П.Гейзе впоследствии часто высказывался о России, особенно в 70-е – 80-е годы XIX века. Позднее в одном из писем к Гейзе Тургенев заметил: «Наше краткое свидание в Мюнхене осталось для меня одним из приятных воспоминаний <...>» (Письма, VIII, 341).

В 1862 году Тургенев планировал свой приезд в Мюнхен на весну: «<...> буду в Мюнхене проездом в Россию - как в прошлом году, - писал он Боденштедту, - но остановлюсь там на более продолжительное время» (Письма, IV, 425). Однако визит не состоялся. Выехав из Парижа 22 мая (3 июня) 1862 года, он отправился в Петербург через Берлин, минуя Мюнхен.

Следующий визит Тургенева в Мюнхен следует отнести к августу 1869 года. За прошедшие годы, однако, связь его с немецкими литераторами не прерывалась; в результате его сотрудничества с Ф.Боденштедтом и мюнхенским издателем Маттиасом Ригером вышло в свет двухтомное издание сочинений Тургенева, о значении которого немецкий литературовед Хорст Раппих (Rappich) писал: «После появления мюнхенского двухтомного издания начинается широкое ознакомление Германии с творчеством

Тургенева. В 70-х – 80-х годах он стал самым любимым и читаемым русским писателем в Германии и оценивался немецкой критикой как один из самых значительных современных новеллистов».²

Предполагая свой приезд в Мюнхен в августе 1869 года, Тургенев писал П.Гейзе 7/19 мая того же года: «С времени нашей первой и последней встречи прошло ведь почти 10 лет» (Письма, VIII, 335). Что лишний раз доказывает: до августа 1869 года Тургенев в Мюнхене не бывал. На этот раз приезд писателя был обусловлен его желанием присутствовать на открытии памятника Гёте, а также побывать в оперном театре на премьере оперы Р.Вагнера «Золото Рейна».

Тургенев приехал в Мюнхен 18 (30) августа (остановился по адресу: Динерштрассе, 21) и «попал в настоящий водоворот». О своем приезде он сообщил в письме к А.А.Фету: «<...> видел много хорошего», а И.П.Борисову подробно рассказал о посещении оперного театра: «Мюнхен – город интересный. Король Баварский, как вам, может быть, известно, загадочный – даже странный – друг Вагнера, и музыка его – государственное дело в Баварии; но вследствие различных самых забавных и спутанных интриг, из которых Аристофан мог бы извлечь любопытнейшую нравственно-сатирическо-политическую комедию, опера не была дана – а произошла только главная репетиция, на которой я присутствовал. Музыка и текст равно невыносимы, но Вы знаете, между немцами есть такие люди, для которых Вагнер чуть не Христос. Я очень забавлялся всей этой путаницей. Когда-нибудь расскажу – быть может, даже печатно» (Письма, VIII, 79). Тургенев не поведал об этом печатно, но история сохранила подробности события.

Опера «Золото Рейна» была первой частью задуманной Вагнером тетралогии «Кольцо Нибелунга» по собственному либретто, созданному на основе скандинавского эпоса VII-IX веков и германского эпоса XIII века «Песнь о Нибелунгах». Композитор, вынужденный уехать из Мюнхена еще в 1865 году из-за сплетен и интриг в окружении его друга и покровителя баварского короля Людвиг II, хотел представить всю тетралогию целиком, но по настоянию короля опера «Золото Рейна» все-таки была поставлена отдельно. Сразу же после генеральной репетиции ушел в отставку дирижер Рихтер, преклонявшийся перед Вагнером. Первое представление «Золота Рейна» состоялось на сцене Мюнхенской оперы только через месяц после генеральной репетиции – 22 сентября 1869 года, дирижировал капельмейстер Вюльнер. Там же в следующем году увидела свет и вторая опера – «Валькирия». Вся же постановка тетралогии была осуществлена лишь в 1876 году на сцене театра, построенного специально для опер Вагнера в небольшом баварском городке Байрейте.

Тургенев, в целом отрицательно относившийся к творчеству Вагнера (исключение он делал, пожалуй, лишь для «Полета Валькирий»), назвал оперу «Золото Рейна» в письме к А.А. Герцену «рейнгольдо-вагнеровским беснованием» (Письма, VIII, 108). В том же письме Тургенев сообщал, между

прочим, что виделся на представлении с сестрой А.А. Герцена - девятнадцатилетней Ольгой и ее гувернанткой М.Мейзенбург.

Еще одним событием, в котором участвовал Тургенев, было открытие памятника Гёте, состоявшееся 16/28 августа 1869 года.

В этот приезд в Мюнхен Тургенев запланировал встречу с художником П.В.Жуковским (сыном поэта) и его другом, пушкинистом-коллекционером А.Ф. Онегиным (Отто).

В 1870-е годы известность Тургенева в Германии остается высокой, поэтому мюнхенское издательство «Фридрих Брукман» (Friedrich Bruckmann), специализировавшееся на издании гравюр, литографий и иллюстрированных альбомов (увражей), в конце 1871 года обращается к писателю с просьбой написать текст на русском языке для издания «Галерея Гёте» немецкого художника-иллюстратора В.Каульбаха (Kaulbach). Книга была издана. Во Франции - с текстом Сен-Виктора, в Англии - Льюиса и в Германии - Шпильгагена. Тургенев был вынужден отказаться из-за занятости и вместо себя предложил Д.В.Григоровича; однако книга на русском языке так и не вышла.

В конце 1872 года у Тургенева обострилась подагра, и врачи посылают его на курорт в Мариенбад. Об этом писатель сообщил своему мюнхенскому другу Паулю Гейзе в письме от 10/22 декабря 1872 года, где он писал: «В мае я приеду в Мюнхен» (Письма, X, 370). Одновременно Тургенев выслал Гейзе шестой том митавского издания «Ausgewahlf Worke» («Избранных произведений»), в котором были помещены «Вешние воды», вызвавшие у немецких читателей возмущение якобы германофобскими настроениями автора. Тургенев сравнивал это явление с реакцией русской публики на роман «Дым»: «<...> русские патриоты бросали мне такой же упрек, но, разумеется, с русской точки зрения» (Письма, X, 370). Далее Тургенев поинтересовался мнением Гейзе по этому поводу. Гейзе прислал ответное письмо (до нас не дошедшее), а также 1-й и 6-й тома сборников «Novellen-schatzes des Auslands», куда вошли повести Тургенева «Фауст» и «Первая любовь». Это издание («Сокровища иностранных новелл») выходило под редакцией Пауля Гейзе и Германа Курца в Мюнхене и включало произведения Пушкина, Тургенева, Л.Толстого и др. После кончины Курца (1873) издание прекратилось.

В апреле 1873 года, за две недели до отъезда из Парижа Тургенев все еще сомневался в маршруте. В одном из писем он сообщал: «<...> еду через Баден-Баден, Цюрих и Вену, Карлсбад» (Письма, X, 98).

Вместо Мариенбада Тургенев направился в Карлсбад и по пути заехал в Мюнхен. Он выехал из Парижа 6 июня 1873 года через Страсбург и на следующий день был в Баден-Бадене, где оставался до 11 июня и в тот же день переехал в Мюнхен. Встреча с Гейзе в этот приезд была краткой.

Заботы о литературной судьбе друзей и соратников по перу (Флобера, например) связывали Тургенева с мюнхенцем Гейзе и в дальнейшем. Писатель думал посетить Гейзе и в 1874 году: «Июль я проведу в Карлсбаде, а потом отправлюсь обратно в Париж через Мюнхен, где навещу Вас»

(Письма, X, 429). Однако из-за болезни планы Тургенева изменились, и поездка не состоялась. Не заезжал писатель в Мюнхен и в мае 1875 года, хотя намеревался это сделать по пути в Карлсбад. Намерение Тургенева побывать в Мюнхене летом 1876 года и пробыть там, как писал он Гейзе «<...> несколько дней <...> главным образом для того, чтобы повидать Вас» (Письма, XI, 396) так и осталось неосуществленным.

То, что Мюнхен не отразился в творчестве Тургенева, очевидно. Его визиты в город были редкими и кратковременными, что объяснялось, помимо занятости, частыми недомоганиями. Городом, ставшим местом длительного пребывания писателя в Германии, является Баден-Баден. С Мюнхеном Тургенева связывали, прежде всего, литературные и издательские планы и дела. В какой-то степени интересовали писателя исторические и культурные ценности: думается, не случайно знакомый немецкий журналист Л.Валесроде послал ему свою статью «Воспоминания о старом Мюнхене», напечатанную в еженедельнике «Wochenhausgabe» в марте 1867 года. В Мюнхене в разное время жили немецкие друзья писателя, способствовавшие его популярности у западных читателей. Тургенев мог справедливо сказать: «<...> я в глазах немцев – у какой писатель! – и столько же меня хвалят здесь – сколько ругают в России» (Письма, VIII, 90).

Примечания

1. Ссылки приводятся по изданию: Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 т. М.-Л.: Наука, 1961-1968. Ссылки даются в скобках с указанием тома - римской цифрой, страницы - арабской; ссылки на письма сопровождаются пометой «Письма».
2. Литературное наследство. Т. 73, кн. II. С. 342.
3. Клеман М.К. Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева. М.-Л., 1934.
4. И.С.Тургенев в воспоминаниях современников. М.: Правда, 1988.
5. Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1989.
6. Иван Сергеевич Тургенев. Жизнь. Искусство. Время. М.: Советская Россия, 1988.
7. J.S.Turgenev und Deutschland. Materialien und Untersuchungen. Herausgegeben von Werhard Ziegengeist. Band I. Academie Verlag, Berlin. 1965.

Г. А. ТЮРИН

«СЕМЕЙНАЯ БИОГРАФИЯ» КАЛЛИНИКОВЫХ КАК ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ВЕРСИИ, ФАКТЫ, ОТКРЫТИЯ

В архивных материалах писателя-эмигранта Иосифа Федоровича Каллиникова сохранилась рукопись «Семейной биографии», составленной его отцом - Федором Иосифовичем Каллиниковым.¹ В воспоминаниях коренной орловец рассказал о своей родословной и малоизвестных страницах истории родного города. В 1927-ом году автор «Биографии» выслал рукописный материал сыну-писателю из Орла в Прагу. В сопроводительном

письме он сообщал о некоторых подробностях своей работы: «Дорогой Ося! Посылаю тебе записки, озаглавленные “Семейная биография”. Написано 87 страниц. Окончены они были в начале апреля с[его] (1927 - Г.Т.) г[ода]. [За] неимением денег на отправку не посылал, получив инвалидную пенсию, сегодня посылаю»¹ (с.1). Строки, которые были написаны бывшим почтовым служащим, добившимся в советские годы звания «герой труда» и влачившим нищенское существование, отличаются безыскусностью стиля и глубокой искренностью: «<...> очень огорчены, что тебе нечем существовать с семьей.² Я хотя немного, но получаю. Живем плохо, иногда даже не бывает на что купить ржаного хлеба. В таких случаях прибегаем к знакомым, занимаем до получения пенсии <...>»¹ (л.1).

В рукописных мемуарных заметках выделяются три основные проблемы, представляющие интерес при изучении культуры XIX – XX веков: родословие Каллиниковых (и, в частности, дополнения к биографии писателя-земляка И.Ф.Каллиникова), сведения по истории родного края (о Троицком кладбище, девичьем монастыре, телеграфной станции ...) и неизвестные материалы к жизнеописанию бывшей настоятельницы Орловского Введенского монастыря игуменьи Серафимы, явившейся одним из прообразов тургеневской Лизы Калитиной.

I. Три поколения Каллиниковых.

В «Семейной биографии», раскрывающей истоки рода, упоминается о нескольких поколениях Каллиниковых. Дед писателя Иосиф Федорович Каллиников родился в 1835 году в селе Коровье Болото Кромского уезда Орловской губернии. Как явствует из воспоминаний, первоначальное образование он получил в первом Орловском духовном училище, затем поступил в духовную семинарию, полный курс которой закончил в 1857 году. Мемуарист отмечал: «В конце 1859 года [оказалось] свободное место на Троицком кладбище. <...> Церковь эта была бесприходная, в начале неустроенная и бедная. Первоначально жить было трудновато, но дедушка не растерялся, открыл у себя на дому домашнюю школу для обучения малышей грамоте. Учеников у него было до 25 человек, плата мизерная – от 25 коп[еек] до одного рубля <...>. В 1867-ом году по инициативе дедушки был выстроен церковный дом <...>, и в этом году дедушка был произведен дьяконом и оставлен при кладбище»¹ (л. 10).

Примечательно описание Троицкого кладбища середины XIX века: «В свободное время после занятий с учениками (дьякон – Г.Т.) занимался приведением в порядок кладбища; заравнивал рвы, рассаживал деревья, которых там совсем не было, впоследствии на кладбище провел дорожки и все время обсаживал деревьями»¹ (л. 9). И далее: «Когда отец (И.Ф. Каллиников, дед писателя – Г.Т.) поступил на кладбище, там не было ни одного дерева, в молодости из Ботаники на своих плечах носил тополя и другие молодички, их сажал, пробивал дорожки, по бокам дорожек сажал березки, клен, тополя, в последствие образовались великолепные аллеи, это

было его любимое занятие, которым занимался до самой смерти, в продолжение 57 лет его службы. Это один из старожилов Троицкого кладбища. В настоящее время (к 1927-ому году – Г.Т.) того порядка на кладбище нет, все говорят, [что] после смерти отца его порядки прекратились»¹ (л. 93 – 93об).

Усердие и старания молодого дьякона не остались незамеченными. Автор воспоминаний отмечал: «Отцу неоднократно предлагали сан священника за его трезвую жизнь и труды, но он говорил, что не имеет призвания и желания, быть священником обязанность тяжелая, нужно исполнять все канонические правила, а <...> обманывать людей не стоит, это грешно»¹ (л. 18об). Умер Иосиф Федорович Каллиников 19 августа 1918 года, прожив 83 года, и был похоронен в обустроенном им самим некрополе, под сенью полувековых деревьев.

В «Семейной биографии» упоминается и о жене Иосифа Федоровича – Дарье Ивановне (урожденной Моисеевой), бабушке писателя. Ее отец Иван Иванович Моисеев являлся псаломщиком в церкви села Хотим Карачевского уезда Орловской губернии, а брат Иван Иванович был инспектором 2-го Орловского духовного училища³ (с. 62). Венчание прародителей литератора-эмигранта состоялось 25 сентября 1859 года в Никольской церкви, «что на песках». Мемуарист отмечал, что «квартира (для новобрачных – Г.Т.) была найдена в Новотроицкой слободе [в] доме Николая Григорьевича Сырцева, по близости церкви (Троицкой – Г.Т.), где дано было место дедушке»¹ (л. 8об).

У дьякона Каллиникова и его жены Дарьи Ивановны было три сына: Иван, Василий и Федор. Автор «Семейной биографии» Федор Иосифович Каллиников, отец писателя, родился в Орле (вероятно, в доме Н.Г.Сырцева – Г.Т.) 19 апреля 1861 года. Крестили младенца в Троицкой церкви: крестным отцом являлся инспектор духовного училища Иван Иванович Моисеев, а крестной матерью была жена кладбищенского священника Африкана Введенского - Анна Павловна. Детство ребенка прошло на Троицком кладбище. Здесь он «клеил змеи, с увлечением их пускал». Внимание мальчика привлекали птицы, обитавшие в некрополе: «С половины сентября 1871 года с позволения дедушки купил себе несколько клеток для птиц и две западни [для] ловли их. Птицеловством очень увлекался, певчих птичек бывало до 20 штук разных пород: синицы, чижи, московки, щеглы, юрки, снегири, их держал всегда до 25 марта, т.е. до Благовещения, в этот день всех птичек выпускал»¹ (л. 10об). В духовном училище сына дьякона прозвали «птицеловом».

Ярким событием детства для автора воспоминаний явилась встреча с учителем русского языка Матвеем Ивановичем Крыловым, училищным библиотекарем, который приучил ребенка к чтению: «<...> полюбивший меня, <...> сам давал мне книги для чтения, сначала сказки, затем детские рассказы и, наконец, сочинения Вальтера Скотта, Фенимора Купера, Майн Рида и другие, но у него пришлось поучиться только один год»¹ (л. 11об.). После окончания духовного училища Федор Иосифович Каллиников

попытался поступить в юнкерское училище, но неудачно: «врачи нашли негодным»¹ (1806.). Вся его дальнейшая трудовая жизнь была связана с Орловской телеграфной станцией.

Примечательно, что рассказы мемуариста о семейной родословной и своем жизненном опыте являлись для его сына-писателя творческими импульсами к созданию произведений, получивших мировую известность. Эта связь отчетливо проявляется в одном из последних посланий Ф.И. Каллиникова в Прагу – в сопроводительном письме к «Биографии»: «Это я пишу в дополнение к моим запискам, которые ты получил, возможно, что этот материал тебе пригодится»¹ (л. 107). И еще: «Напиши, пригодится ли этот написанный мною материал. <...> P.S. Ося! Пока я жив, все для тебя буду делать, но, если что со мной случится, не знаю, кто это сделает»¹ (л. 87об). После длительного лечения в Ленинграде и перенесенных трех операций Ф.И.Каллиников скончался на 68-ом году жизни. Его жена Лидия Алексеевна писала литератору-земляку И.А.Новикову: «Многоуважаемый Иван Алексеевич! Сообщаю Вам мое тяжелое горе: Федор Иосифович умер 4 августа (1928 года – Г.Т.) от тяжелой болезни <...>»⁴ (л. 4). Его прах покоится на Троицком кладбище в Орле.

Мемуарные записки содержат дополнения к биографии И.Ф.Каллиникова, фольклориста, писателя и переводчика: «Через год у нас родился сын, отец (дьякон Каллиников, дедушка писателя – Г.Т.) был крестным, Анна Николаевна (бабушка по матери – Г.Т.) – крестной, в память отца сына назвали Иосифом. Когда ему пошел седьмой год, дедушка для него взял учителя, который начал его учить грамоте. Девяти лет Иосиф был определен в Алексеевскую гимназию, из пятого класса гимназии принужден был уйти через известного всем преподавателя Федорова <...>. Иосиф целый год не учился, но потом поступил в частное реальное училище с казенными правами <...>. Реальное Иосиф окончил в числе первых. По окончании был принят в С[анкт]-Петербургский политехнический институт [имени] Петра I <...>, принят был без экзамена по конкурсу аттестатов»¹ (л. 62 - 63). Эти уточнения позволяют развезть автобиографический «миф» об «изначальной» революционной деятельности писателя. Так, в предисловии к «Мошам», включенном в чешское, английское, испанское и другие издания, И.Ф.Каллиников утверждал: «Потом гимназия, *революционный год 1905*, исключение из 4-го класса за *гимнастическую забастовку*»⁵ (л.1, выделено нами – Г.Т.). Такое «отклонение от истины» являлось пропагандистским приемом, рассчитанным на ускорение процесса возвращения на родину. Примечательно, что этот «миф» был подхвачен критиками разных стран. Так, автор одной из рецензий подчеркивал: «<...> человек с живой восприимчивостью, с интересами к новым мыслям, которые тогда овладели интеллигенцией и рабочими России, он (И.Ф.Каллиников – Г.Т.) *принял участие в прогрессивном школьном кружке* и за это был удален из гимназии»⁶ (л. 1, выделено нами – Г.Т.).

Описанные в «Семейной биографии» реалии орловской действительности, знакомые и близкие писателю-эмигранту с детства, вошли

в. его литературно-художественные произведения («кладбищенский» стихотворный цикл, «Мощи», «Баба-змея», «Бобры», «Монастырские женки»...).

II. О вечном пристанище Лизы Калитиной (к жизнеописанию игуменьи Серафимы).

В «Семейной биографии» особым заголовком выделена часть записок Ф.И.Каллиникова, повествующая «<...> о Троицком кладбище и о святости игуменнии Серафимы». Автору был известен исторический очерк Г.М.Пясецкого «Жизнеописание блаженной памяти игуменнии и схимонахини Серафимы <...>»⁷. В связи с этим мемуарист обращался к сыну: «Напиши Варе Рюриковой⁸, пусть она попросит у Павлы Яковлевны житие игуменнии Серафимы, которое написал Гавр[иил] Мих[айлович] Пясецкий, получив эту книжку, прислал бы ее тебе. Между прочим, схожу к Гале Пясецкой, может быть, она найдет эту книжку, не дурно бы было»¹ (л. 106об. - 107). Однако основные источники «Биографии» иные. Во-первых, это непосредственные впечатления автора рукописи - очевидца некоторых описываемых событий. Во-вторых, основаниями воспоминаний послужили рассказы И.Ф.Каллиникова, дьякона Троицкой кладбищенской церкви. Кроме того, в повествование вошла широкая народная молва, безликая и многоголосая («распространился слух...»), «хождение по городу слухов...») или воплощенная в конкретном образе («одна из престарелых монахинь», «одна монашка»).

В рукописном наследии отца и сына Каллиниковых попытки определения прототипов Лизы Калитиной отражают непосредственное и противоречивое восприятие орловцами трагической судьбы тургеневской героини. Подхватывая молву, автор «Биографии» прообразом Лизы считал игуменью Серафиму, ошибочно называя ее Смирновой (Г.М.Пясецкий указывает ее имя в миру – Варвара Михайловна Соковнина)⁷ (с.5). Каллиников-младший, делая пометы в 12-ом томе Полного собрания сочинений И.С.Тургенева⁹ (с. 102), связывал образ Калитиной с игуменьей Антонией (он не называл этого имени, но в рукописной записи указана точная дата похорон настоятельницы монастыря – 11 сентября 1907 года). При этом будущий писатель, как и его отец, неверно указывал ее мирское имя: «Лиза Калитина – Смирнова», но позже – в письме к А.М.Горькому (1926 год) – он, размышляя о судьбах сестер Шуры и Лизы Соколовых, скорректировал это утверждение¹⁰. Таким образом, у каждого поколения орловцев оказалась «своя» Лиза Калитина.

Автор биографических заметок дополняет житие игуменьи Серафимы кратким описанием Орловского Введенского монастыря, представляя общие сведения о его местонахождении, постройках, роде занятий монахинь:

«Введенский монастырь находился в Орле на Болховской улице; впоследствии в конце Второй Курской улицы, за городом, около Пятницкой слободы было отведено место для женского монастыря, где был выстроен

большой храм во имя Рождества Богородицы, во время постройки храма был выстроен один большой корпус для монашек. Когда был освящен храм, в отстроенный корпус переселились монашки вместе с игуменьей Серафимой <...>. Все почти (монахини – Г.Т.) занимались рукоделием, шитьем белья и вышивкой его, а также шитьем одеял, на этот заработок существовали. Монастырь этот продолжали называть Введенским, но впоследствии по имени храма назвали Рождественским, который так назывался до конца существования <...>¹ (с. 93об. - 94).

Однако мемуарист, нарушая хронологическую последовательность, путает последующие события с предыдущими. Так, переселение в построенный за городом монастырь произошло после кончины игуменьи Серафимы. В связи с этим Г.М.Пясецкий писал: «Дело о перемещении обители на новое место началось еще при жизни Серафимы, но она не дожидаясь окончания этого дела и скончалась на частной квартире, в доме купца Захаровского, находящемся на 2-ой Посадской улице под № 10»⁷ (с. 91).

Рассказывая о посмертной чудодейственной силе и славе игуменьи, Ф.И.Каллиников стремился определить истоки и причины этого нарастающего процесса. При этом духовно-сокровенные явления (сновидения, чудеса, исцеления) мемуарист, ссылаясь на рассказ «престарелой монахини», связывал с заинтересованностью администрации монастыря в получении финансовых средств, которые были оставлены на вечный помин покойной настоятельницы.

«С 1884 года монахини начали приходить на кладбище (Троицкое – Г.Т.), всякий раз приглашая кладбищенского священника Ореста Слюсарева служить панихиду по игумении Серафиме, прихождение их стало частым. Орест однажды спросил одну монашку, по какому поводу вы служите панихиды по игумении Серафиме, монашка говорит, что я недавно была очень больна, во сне мне явился какой-то угодник Божий и говорил: “Мать Валерия, сходи на кладбище, отслужи панихиду по игумении Серафиме на Троицком кладбище на ея могиле”¹ (лл. 94-94об.). И далее: «Видевших сны о Серафиме и ходивших служить панихиды оказалось (в монастыре – Г.Т.) больше десяти человек <...>. Стали также приходить больные крестьянки с больными детьми, много приходило и горожан, исключительно женщин, служили панихиды, с могилы брали землю. Все приходили по совету монашек. По Орлу и окрестности Орла распространился слух, что больные, служившие панихиды, получали исцеления от недугов, взятую землю зашивали в ладанки и носили на шее как спасительный талисман, так что не проходило дня, чтобы не служили по Серафиме панихид десяти и более в день, а землю так разбирали, что сторожам приходилось каждое утро насыпать вновь. Для церкви и притча доходы росли. Затем игумения Антония в день кончины и в день именин подвижницы игумении Серафимы, накануне этих дней, заказывала заупокойную литургию. В эти дни приходил монастырский хор и много монашек во главе с игуменьей Антонией, при

хоре певчих служилась торжественная литургия, после литургии на могиле Серафимы панихиды, в эти дни много приходило и горожан»¹ (лл. 95-96).

В «Семейной биографии» довольно подробно описана процедура открытия праха игуменья Серафимы и переноса его с Троицкого кладбища во Введенский монастырь. Ценность воспоминаний заключается в том, что их автор, сын дьякона кладбищенской церкви, являлся очевидцем описываемых событий. Однако необходимо учитывать, что мемуары написаны спустя сорок лет и в них активизировано не только «увиденное», но и «услышанное» (рассказы отца, служителей церкви, народная молва). Специфика этого жанра объясняет некоторые фактические неточности (так, датой перезахоронения указан 1887 год) и субъективизм повествования, при котором второстепенные аспекты оказались представленными широко и подробно (например, отношения автора-мемуариста с приставом). При всем этом найденный архивный материал не теряет своей исторической значимости, выраженной, прежде всего, в установлении местонахождения праха монахини-подвижницы.

« <...> было получено высочайшее разрешение на перенос праха Серафимы в Орловский Рождественский женский монастырь. Об этом официально были уведомлены Губернатор и Архиепие. <...> Прах не перевозили вследствие постройки часовни, в которой решено положить прах Серафимы. <...> В конце июня в назначенный день к десяти часам вечера на кладбище явился наряд полиции во главе с полицмейстером, приставом 3-ей части Малин[ом], с его помощниками и городскими 3-ей части, с дополнением городских других частей для оцепления кладбища, чтобы никого не пропускать из публики во время открытия праха. К 10 часам вечера прибыла игуменья монастыря Антония с монастырским причтом, с монахинями до 20 человек и монастырским хором. В 11 ч[асов] вечера решено было начать открытие праха. В 11 ч[асов], окончив дежурство, отправился домой, жил я на кладбище у отца. <...> К началу рассвета, т.е. к трем часам утра докопались до праха. Монахини предполагали найти нетленный прах, но этого не оказалось, нашли несколько человеческих костей, только не игумении Серафимы. <...>

Монашки все-таки их собрали, положили в маленький гробик, насыпав туда земли. Отслужили панихиду и в 4 часа утра понесли гробик в монастырь с пением “Святой Боже.” По дороге служились панихиды. <...> Монахини предполагали, что откроют мощи, но открыли кости какого-то военного, но не игумении Серафимы. Когда докопались до костей, то вместе с костями были найдены несколько медных пуговиц и серебряные погоны, после распространился слух по городу, что открыли не игумению, а офицера <...>»¹ (лл. 98об., 100 – 100об., 102, 102об.).

В отличие от существующей официальной версии, отраженной в работах Г.М.Пясецкого, автор «Семейной биографии» утверждал, что «прах игумении Серафимы остался на Троицком кладбище». Он подчеркивал новизну излагаемого материала: «До сего времени об этом никто ничего не знал <...>». В письме к сыну-писателю он вспоминал полученный наказ:

«Пусть это останется тайной <...>». Основным источником высказанного утверждения являлась частная беседа (с участием автора биографических записок), в которой были раскрыты известные узкому кругу лиц сведения. Произошедшую «ошибку» («предполагали, что откроют мощи, но открыли кости какого-то военного») мемуарист связывает с расширением Троицкой церкви:

«Прах перенесли, но перенесли не прах игумении Серафимы, ее прах остался на кладбище. Троицкая церковь первоначально была построена без пределов, т.е. без выступов по бокам, была узкая, длинная. Церковный староста полковник Беловодский в 1868 году получил разрешение от местного Епископа Поликарпа пристроить по бокам два придела. Игуменню Серафиму хоронил местный епископ Смарагд, похоронена была с правого бока церкви, когда пристраивали приделы, чугунную плиту с могилы Серафимы сняли, отступив на три сажня от правого придела, на какую-то заброшенную могилу положили плиту Серафимы, могилу привели в порядок. На плите была надпись, когда она родилась, когда поступила в монастырь, когда избрана игуменией и когда умерла. В день открытия праха Серафимы намогильную плиту увезли в монастырь, за закрытием Орловского Рождественского женского монастыря, плита исчезла; если бы была цела плита, это была бы археологическая редкость. Прах игумении Серафимы остался под полом церкви, т.е. в правом приделе. Об этом я узнал случайно через месяц после перенесения праха в монастырь»¹ (лл. 105 – 105об.).

Обратим внимание на пространственные указатели-ориентиры захоронения схимонахини на Троицком кладбище: «<...> похоронена была с *правого бока* церкви», «<...> *чугунную плиту* с могилы Серафимы сняли, отступив три сажня от *правого придела*», «<...> под полом церкви, т.е. в *правом приделе*» (выделено нами – Г.Т.). Заметим, что идентичные приметы захоронения называл и Г.М. Пясецкий: «*чугунная плита*» и склеп «*близ кладбищенской церкви у южной* (т.е. правой стороны – Г.Т.) *стены*»⁷ (с. 92).

Важным является высказывание одного из участников памятной для автора воспоминаний беседы – «старожила Троицкого кладбища» дьякона И.Ф.Каллиникова, деда писателя: «<...> а Серафима все-таки осталась у нас. Монашенки увезли кости, но неизвестно чьи. Если паче чаяния откроются ее мощи, тогда это будет принадлежать Троицкому кладбищу, но мы с вами до этого не доживем»¹ (л.106).

В 1861 году – через 16 лет после кончины схимонахини Серафимы – на Троицком кладбище в Орле был погребен «генерал от артиллерии, член Государственного совета» Алексей Петрович Ермолов. Академик архитектуры С.И.Федоров отмечал: «Знаменитый русский полководец и его отец Петр Алексеевич похоронены в *южном приделе Троицкой церкви* (выделено нами – Г.Т.), сооруженном по прошению сына героя – гвардии полковника Северина Алексеевича Ермолова»¹¹ (с. 59). Примечательно, что игуменья-подвижница, чей прообраз художественно воплощен в романе И.С.Тургенева «Дворянское гнездо», и легендарный герой 1812 года, «покоритель Кавказа» покоятся рядом. В этом памятном месте орловского

II

*Вокруг Тургеневской
энциклопедии*

СИБИЛЛА НЕМЕЦКОГО РОМАНТИЗМА

Немецкая писательница Беттина фон Арним (рожденная Brentano, 1785-1859), сестра Клеменса Brentano и супруга Людвиг фон Арнима – немецких писателей-романтиков, – гениальная представительница жанра переписки в немецком романтизме, занявшая именно благодаря своим письмам достойное место в мировой литературе.

В жанре переписки (Briefwechsel) написаны три из ее наиболее известных произведений.

Первое (вершина ее творчества!) – «Переписка Гёте с ребенком» (1835), вызвавшее бурю возмущения и восторга. В основу произведения, охватывающего период с 1807 по 1811 год, положена переписка Гёте с матерью Беттины Максимилианой фон Ларош, воспламенившая сердце будущей писательницы.

Второе – книга воспоминаний «Гюндероде» (1840), которую Беттина посвятила писательнице и подруге юности Гюндероде, покончившей с собой из-за несчастной любви.

Третье – изданный после смерти брата Клеменса Brentano «Весенний венок», своеобразный памятник ему.

Почти документально описанные встречи с великими людьми того времени раскрывают характер писательницы, ее мысли, эмоции, восприятие мира.

Три ее других произведения: «Эта книга принадлежит королю» (1843), «Книга бедности» (опубликована лишь в 1969 году), «Разговоры с демонами» (1852) – посвящены социально-политическим проблемам, в том числе женской эмансипации.¹

В знак выдающихся заслуг Беттины фон Арним перед немецкой культурой ее портрет помещен на одной из семи денежных купюр (5 марок, цвет оливковый), выпущенных германским федеральным банком и до последнего времени находившихся в обращении.

И.С.Тургенев познакомился с Беттиной фон Арним в 1838 году во время учебы в Берлинском университете (1838/41 г.г.). Принимая в период своего студенчества активное участие в культурной и общественной жизни Германии, он общался с «восторженно почитаемой»² им писательницей в ее литературном салоне в Берлине. При одном ее имени «воодушевлялись»,³ ею «восхищались многие студенты из-за ее идеальных отношений с Гёте, называя Сибиллой романтизма».⁴

В русской прессе имя Беттины фон Арним стало появляться уже в 1830-х г.г. и было встречено с восторгом. В 1838 году были опубликованы в переводе М.А. Бакунина отрывки из «Переписки Гёте с ребенком» («Сын отечества», 1838, т.2., с. 55-90).

С Беттиной Тургенев встречался и на вечерах у Е.П.Фроловой, о чем он сообщает в своих «Воспоминаниях о Н.В.Станкевиче». Беттина часто ходила к этой незаурядной женщине, которая невольно привлекала своим тонким женским умом и грацией. Сама она говорила немного, но каждое слово ее не забывалось. В ней было много наблюдательности и понимания людей. Беттина часто бывала у нее, хотя в душе ее побаивалась. Г-жа Фролова обходилась с Беттиной «немножко свысока». Уравновешенной светской даме, которая мало интересовалась общественной и политической жизнью, была глубоко чужда эта темпераментная и эксцентричная женщина, проявляющая жгучий интерес к современному революционному движению и социальным проблемам. Посещавший Фроловых Фарнгаген фон Энзе (известный знаток русской литературы) «любил выводить на свежую воду Беттину, которая его терпеть не могла и называла его «Giftesel» («Ядовитый осел»).

Имя Беттины фон Арним осталось для Тургенева неразрывно связанным с «литературой, философией, фантастической эпохой германской жизни»⁶ времен его студенчества. В романе «Рудин» герой провел студенческие годы в Германии. Дочь хозяйки дома, где он жил уже два месяца с лишком, Наталья Ласунская, переживала сладкие мгновенья, «когда, бывало, в саду, на скамейке, в легкой, сквозной тени ясеня, Рудин начнет читать ей гетевского «Фауста», Гофмана, или «Письма» Беттины, или Новалиса... Рудин был весь погружен в германскую поэзию, в германский романтизм и философский мир и уводил ее за собой в те заповедные страны».⁷

В рассказе «Татьяна Борисовна и ее племянник» сестра соседа Татьяны Борисовны, старая девица лет тридцати восьми с половиной, своими посланиями к молодому проезжему студенту, в которых «благословляла его на святую и прекрасную жизнь, приносила «всю себя» в жертву, требовала одного имени сестры, вдалась в описания природы, упоминала о Гёте, Шиллере и немецкой философии – и довела, наконец, бедного юношу до мрачного отчаяния».⁸ Этот образ, исполненный иронии, знаменует прощание Тургенева с романтической юностью.

Рольф-Дитер Клуге пишет о том, что И.С.Тургенев поддерживал «художественную» (schöngeistig) переписку с Беттиной фон Арним.⁹ Вместе с тем известно только одно черновое незаконченное письмо русского писателя к Беттине. Отправленный беловой текст неизвестен. Впервые оно опубликовано в статье Т.П. Ден «Bettine von Arnim und Russland» («Zeitschrift für Slawistik», Bd. IV, N.3, S. 344-347). Упоминания в письме «Die Gündertode» как произведения, написанного адресатом, дает возможность установить, что письмо обращено к Беттине фон Арним. Датируется предположительно зимой 1840/41 г. Содержанием письма является натурфилософский анализ мировоззрения писательницы. Письмо написано после того, как Тургенев прочитал два произведения немецкой писательницы («Переписка Гёте с ребенком» и «Гюндероде»), приобрел первое из них и беседовал с его автором. В письме подчеркивается неразрывное единство

человеческого духа и природы. Природа - чудо, которое содержит в себе мир чудес. Под пером адресата природа превращается в слово, а слово - это природа духа, природа мысли.¹⁰

Письма Беттины фон Арним к И.С.Тургеневу неизвестны.

В середине января 1842 г. М.А. Бакунин посещает в Берлине Беттину, которая расспрашивает его о Тургеневе; в письме к Т.А.Бакуниной просит сказать об этом Тургеневу и передать ему слова Беттины о том, что если он напишет к ней, то она будет отвечать ему. В начале 1847 г. писатель видится с Беттиной фон Арним; в декабре 1854 г. в письме к А.Видерту просит ей поклониться.

Государственный литературный музей И.С.Тургенева в Орле располагает двумя (из трех) частями произведения Беттины фон Арним «Переписка Гёте с ребенком» в оригинале (части II-III, 2-е издание, Берлин, 1837). Часть II – с автографом великого русского писателя: «Берлин. 40. Тургенев».

Примечания

1. История немецкой литературы в 3-х т.т., т. II (1789-1895). М.: Радуга, 1986 (пер. с нем.). С. 198-199; Pongs, H. Lexikon der Weltliteratur. Wiesbaden, 1981. S. 286-287. См. Также: Deutsche Literaturgeschichte in Bildern. Eine Darstellung von Anfängen bis zur Gegenwart. Bd. II-VEB Bibliographisches Institut Leipzig, MCMLXXI (1071, 503 S.). S. 44-45; И.С. Тургенев. ПСС и П в 30 т.т., издание 2-е. М.-Л.: АН СССР. Письма в 18 томах. Т. I, 1986. С. 550.
2. Reimann, U. Ivan Sergeevič Turgenev und seine Zeit. Baden-Baden: Kulturamt, 1993. S. 69. Каталог к выставке, состоявшейся в период с 20 августа по 27 сентября 1993 в Баден-Бадене
3. Курляндская Г.Б. Эстетический мир И.С. Тургенева. Орел: ОГТРК, 1994. С. 26.
4. Суньига Х-Э. Загадка Тургенева. Орел: ОГТРК, 1998. С. 42 (пер. с исп.).
5. Тургенев И.С. ПСС и П₍₁₎. Соч., т.6. М.-Л.: АН СССР, 1963. С. 390-391.
6. Тургенев И.С. ПСС и П₍₁₎. Соч., т.1. М.-Л.: АН СССР, 1961. С. 315.
7. Тургенев И.С. ПСС и П₍₁₎. Соч., т.VI. С. 290.
8. Там же. Т. IV. С. 204.
9. Kluge, Rolf-Dieter. Ivan S. Turgenev. Dichtung zwischen Hoffnung und Entsaugung. München:ewel, 1992. S. 54.
10. Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1818-1858 г.г.). Составитель Н.С. Никитина. С.-П.: Наука, 1995. С. 61, 67, 116, 277.

С.Л. ЖИДКОВА

К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА «ДЫМ»

Американский писатель Хьялмар Бойесен приводит слова Тургенева, сказанные им во время их беседы: «Я не знаю, как объяснить вам самый процесс развития характеров в моем уме. Всякая написанная мной строчка

вдохновлена чем-либо или случившимся лично со мной, или же тем, что я наблюдал. Не то, что я копирую действительные эпизоды или живые личности, - нет, но эти сцены и личности дают мне сырой материал для художественных построений».¹

Представляем здесь супругов Альбединских, которые послужили, говоря словами Тургенева, «материалом» в творческой истории романа «Дым».

АЛЬБЕДИНСКИЙ Петр Павлович (1825-1883), офицер, с 1853 года флигель-адъютант, с 1867 по 1870 генерал-губернатор и командующий войсками в Риге, с 1874 по 1880 в Вильно, с 1880 по 1883 — в Варшаве.

С невольным восхищением писал в своем «Дневнике» об Альбединском, создавая поистине демонический портрет, его товарищ по Пажескому корпусу А.В.Дружинин: «<...> Альбединский мне нравится и всегда нравился. <...> Я люблю умных и даже хитрых, но притом гордых людей, которые лезут вперед, дают толпу, продираются на первые места и радуются тому, что они первые. У них во всем глаз, расчет, сознание своей силы, энергия умственная. Они не будут хлыщами и фатами, ибо сознают бесполезность этого и сверх того всегда хотят большего, стало быть, не имеют должной доли глупого самодовольствия. Альбединский будет стоять высоко и стоит этого. В его сапоге больше ума, чем во всей первой Гвардейской кирасирской дивизии».²

Напротив, Е.М.Феоктистов, также близко знавший Альбединского, рисует образ совершенно лишенный романтической окраски:

«Альбединский как громадное большинство гвардейских офицеров николаевского времени, провел молодость в кутежах и светских развлечениях; он был очень умен и даже образован, если под образованием понимать умение превосходно говорить по-французски и по-немецки, но ни тогда, ни позднее не читал он ни одной серьезной книги на этих языках; редко приходилось мне встречать мужчину более красивого, с такими изящными манерами, — понятно, что он пользовался громадным успехом у женщин. Между прочим находился он в связи с известной писательницей графиней Ростопчиной и имел от нее сына. Во время Крымской кампании он обратил на себя некоторое внимание под Севастополем, <...> был даже ранен, но, как кто-то зло выразился о нем, ранен прилично, насколько было ему нужно, как выпадает на долю лишь подобных счастливых. <...> По окончании войны Альбединский <...> прикомандирован был к графу Орлову, когда тот отправился на Парижский конгресс. <...> Он так умел понравиться в Париже, что по окончании конгресса сам император Наполеон выразил, нельзя ли оставить его там в звании нашего военного агента. В течение немногих лет, проведенных им там, вращался он исключительно в водовороте светской жизни, содержал какую-то известную камелию, которая стоила ему огромных денег, наделал долгов, а заплатить их было нечем. Поневоле пришлось вернуться в Россию, тем более, что разгул никогда не подавлял в нем непомерного честолюбия. Нельзя было составить карьеру,

упиваясь веселюю, но праздною жизнью при французском дворе, — Альбединский понял это и задумал во что бы то ни стало быстро наверстать потерянное время. Руководствовался ли он исключительно расчетом, когда вступил в брак с княжною Долгорукой? <...> многое заставляет отвечать на вопрос этот утвердительно». Рассказывая о деятельности Альбединского на губернаторских постах, Феоктистов писал, что это был дилетант, «главная забота коего состояла в том, чтобы не испортить себе карьеру. Прежде всего он был придворный, случайно попавший на высокий пост и мечтавший лишь о том, чтобы сменить его на более почетный и выгодный. С присущей ему изворотливостью старался он угодить «и нашим и вашим». <...> относительно поляков оказался он столь же беспомощным, как и относительно прибалтийских баронов. Они, кажется, очень ловко подметили слабую его сторону — непомерное тщеславие — и как нельзя лучше пользовались ею для своих целей».³

Альбединский, с которым Тургенев мог встречаться в обществе, не однажды обратил на себя его внимание как ярко выраженный тип «баденского генерала» — беспринципного карьериста. В наброске «Главные лица будущей повести: «Дым», 1862» значится:

«Генерал [Олитанский] Селунский, [Григорий] Валериан Владимирович. 40. 1822. А». Буква «А» справедливо определена еще А.Мазоном как начальная буква фамилии Альбединского, прототипа героя, получившего затем фамилию Ратмиров.⁴ В «Подготовительных материалах к роману “Дым”» (1863) в «Формулярном списке действующих лиц новой повести» Тургенев прямо напишет: «Взять наружность и турнюру Альбединского <...>. - Тип образованного, учтивого, пронырливого и в сущности не только пустого, но на все гадости и притеснения способного генерала. <...> Валериан <...> был помещен в Пажеский корпус, отличился там добронравием и хорошими манерами <...> и вышел в гвардию. — Карьеру сделал скоро — скромностью и веселостью, танцами и прислуживанием не без легкого и очень общего либерализма <...>, который особенно пригодился ему после смерти императора Николая; которому он особенно нравился за луюкую верховую езду на ординарах (на чужих лошадях). <...> Старухи были от него без ума. — Необыкновенно чист, свеж, румян, гибок и липок; осторожен, молчалив где нужно — и всегда сдержан <...> Женился из расчета, но и не без любви. — Был очень счастлив с женщинами и сохранил необычайную молоджавость наружности. — В сущности ничего не знает и ни на что не способен — но себя вывезет».⁵ Как видим, характеристика героя во многом совпадает с портретом Альбединского в воспоминаниях Феоктистова.

Позднее, Тургенев еще раз воспользуется Альбединским как «материалом». В подготовительных материалах к роману «Новь» в разделе «Разные заметки», относящемся очевидно к 1875 году, читаем: «Надеть степенный картуз (Альбединский)» (9, 422).

По мнению комментатора Н.Ф.Будановой, «степенный картуз», подобный тому, какой носил Альбединский, по-видимому предназначался Тургеневым для Калломейцева или Сипягина. (9, 573).

АЛЬБЕДИНСКАЯ (рожд. княжна Долгорукая) Александра Сергеевна (1836-1913), фрейлина цесаревны, затем императрицы Марии Александровны, фаворитка Александра II.

А.Ф.Тютчева, зная Альбединскую еще до ее замужества, сообщила в своих воспоминаниях некоторые сведения о ней и дала ее романтический портрет: «Это была совсем молоденькая семнадцатилетняя девушка, один из самых сложных и самых интересных характеров, какие мне пришлось встретить в течение всей моей жизни. На первый взгляд, эта девушка, высокого роста, худая, развинченная, несколько сутуловатая, с свинцово-бледным лицом и стеклянными глазами, смотревшими из-под тяжелых век, производила впечатление отталкивающего безобразия. Но как только она оживлялась под влиянием разговора, танцев или игры, во всем ее существе происходило полнейшее превращение. <...> Все ее существо проникалось неуловимым и таинственным обаянием, которое подчиняло себе не только мужчин, но и женщин. Ее нравственное существо представляло те же контрасты, как и физическое. Высокомерная, молчаливая и мрачная, пренебрегавшая всеми житейскими отношениями, надменная, капризная и своевольная, она умела там, где хотела нравиться, с неотразимым воодушевлением пускать в ход всю вкрадчивость своей гибкой натуры, всю игру самого тонкого, самого смелого ума, полного колкости и иронии. Это был фейерверк остроумных слов, смешных замечаний. Она была изумительно одарена, совершенно бегло, с редким совершенством говорила на пяти или шести языках, много читала, была очень образованна и умела пользоваться всею тонкостью своего ума <...> Великая княгиня взяла ее к себе, чтобы вырвать из тяжелой обстановки, в которой она находилась в семье. Рассказывали, что она была всегда предметом ненависти со стороны матери, которая так ее била и подвергала таким лишениям, что развила в ней болезнь, похожую на падающую <...> Несмотря на свое обожание великой княгини, она не отказывает себе в удовольствии слегка пококотничать с великим князем и об этом много говорят при дворе».⁶

Ф. И.Тютчев, тогда же познакомившийся с Альбединской, посвятил ей стихотворение: «Un charme vit en elle – merveille de tact pur, / Un charme de mystère et de mélancolie, / Et sa douce présence est comme un rêve obscur / Don't, sans le s'expliquer on a l'âme remplie. («<Чудо> чистой гармонии — она полна очарования, / Очарования тайны и печали, и ее милое присутствие / Напоминает те неясные грезы, в которые порой / Погружается наша душа, не пытаясь дать им наименование»)).⁷

Несколько иными были впечатления Е.М.Феоктистова, также хорошо знавшего Альбединскую и ее мужа: «В жене его не было ничего, что могло бы прельстить именно такого человека, как он — не было ни красоты, ни грации, ни блестящего светского ума; она могла остановить на себе его

внимание только своим положением при дворе. Общий голос утверждал, что она находилась в связи с императором Александром Николаевичем и называли ее не иначе, как «la grande demoiselle» («августейшая девица»). Люди, близкие к ней, <...> утверждали, что это чистейшая ложь, и я охотно готов им верить. Говорю так потому, что я сам хорошо знал m-me Альбединскую. Это была пуританка в полном смысле слова, женщина чрезвычайно строгая и к другим и — главное — к самой себе, с каким-то восторженным настроением, способная до крайности увлекаться идеалами, иногда чрезвычайно странными и дикими, но в которые она слепо верила. <...> Александр Николаевич, при вступлении своем на престол, был проникнут возвышенными, или вернее сентиментальными стремлениями, <...>, и находил в княжне Долгорукой самый искренний отзыв своим задушевным стремлениям. <...> вероятно Альбединский изоощренным чутьем своим угадал, что узы, соединявшие княжну Долгорукую с императором, были другого рода, что она, хоть и не так как прежде, останется близка ему: только этим и можно объяснить его женитьбу. <...> m-me Альбединская, не будучи положительно глупой женщиной, поражала каким-то детским недомыслием и непростительной для ее лет наивностью. Не трудно было уразуметь отношения ее к мужу: он боялся ее, ибо она подавляла его своим нравственным превосходством, твердостью своих, хотя зачастую странных, но тем не менее достойных уважения принципов; <...> если бы она хотя на минуту усомнилась в благородстве своего мужа, то не задумалась бы отвернуться от него. Но великое искусство Петра Павловича заключалось в том, что он устранял всякую возможность подобных сомнений с ее стороны. Он играл на ней как играет Рубинштейн на фортепьяно и достиг того, что казался в ее глазах образцом добродетели».⁸

Тургенев, по-видимому, был знаком с Альбединской, и ее образ надолго запечатлелся в его творческой памяти. В подготовительных материалах к роману «Отцы и дети» (1860) читаем:

«Анна Сергеевна Одинцова <...> Наружность ее вроде княжны Долгорукой» (12, 569). Два года спустя, в наброске, названном «Главные лица будущей повести. «Дым». 1862» в списке действующих лиц женой будущего героя романа Ратмирова значится «К. Д.» — княжна Долгорукая (Мазон, р. 22) — прототип Ирины (7, 511-512). Не скрывал этого и сам Тургенев. 17(29) окт. 1872, отвечая на письмо П.В.Анненкова, который сообщал ему, что в Висбадене находится Альбединская, сделавшаяся «матроной», он писал: «...неужели «la grande demoiselle» так опустилась! Теперь скрывать незачем (впрочем. Вы, вероятно, это подозревали и прежде) - что фигура Ирины в «Дыме» большей частью списана с нее... Sic transit Gloria mundi! (Так проходит мирская слава)»

В <«Подготовительных материалах к роману “Дым”»> (1863) в «Формулярном списке действующих, лиц новой повести» Тургенев снова укажет на Альбединскую как прототип Ирины: «Наружность взять кн. Долгорукой - египетские глаза. - Странные противоположности: способность увлечься до страстности и расчет жидовский — каприз и frivolité – amour du

bruit et du luxe (любовь к шуму и роскоши), даже та развращенная меланхолия, которая рождается только среди этого шума».⁹

Если согласиться с мнением П.Уоддингтона, что в образе Ирины отразился в значительной степени характер Полины Виардо,¹⁰ то можно предположить, что Тургенев находил некоторое сходство в обоих прототипах. Позднее, по свидетельству Х.Бойесена, Тургенев пояснял: «Характер Ирины представляет странную историю. Он был внушен мне действительно существовавшей личностью, которую я знал лично. Но Ирина в романе и Ирина в действительности не вполне совпадают. Это то же и не то же <...>».¹¹

Примечания

1. Бойесен Х. Визит к Тургеневу (из воспоминаний) // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. Т.2. М.:Худож. лит., 1983. С. 331.
2. Дружинин А.В. Повести. Дневник. М.: Наука, 1986. С.262.
3. Воспоминания Е.М.Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. Л.: Прибой, 1929. С. 295-299, 303, 320.
4. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Изд. 2-е. Соч. Т.7. М.: Наука, 1981. С. 512. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы арабскими цифрами; письма сопровождаются пометой «П».
5. Тургенев И.С. Подготовительные материалы к роману «Дым» (публикация и послесловие П.Уоддингтона). Русская литература, 2000. № 3. С. 110.
6. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853-1882. Тула, 1990. С. 41-43, 93.
7. ЛН, т. 92. Кн.1. М., 1988. С. 176.
8. Воспоминания Е.М.Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. Л.: Прибой, 1929. С. 299, 300, 302.
9. Тургенев И.С. Подготовительные материалы к роману «Дым» (публикация и послесловие П.Уоддингтона). Русская литература, 2000. № 3. С.111.
10. Там же. С. 137-138.
11. Бойесен Х. Визит к Тургеневу (из воспоминаний) // И.С.Тургенев в воспоминаниях современников. Т.2. М.:Худож. лит., 1983. С. 331.

Л.М. АЛЕКСАНДРОВА

И.С. ТУРГЕНЕВ И БРАТЯ ЖЕМЧУЖНИКОВЫ

Братья Жемчужниковы (Алексей, Владимир, Александр, Николай, Лев), как свидетельствует «История русской словесности» П.Н.Полевого, принадлежали к старинному дворянскому роду, богатому и с большими связями.

Их отец Михаил Николаевич Жемчужников, участник войны 1812 года, занимавший пост гражданского губернатора в Костроме и Петербурге, завершил свой жизненный путь сенатором.

Детские годы братья Жемчужниковы провели в имении своего отца Павловке Елецкого уезда Орловской губернии, с детства полюбив великорусскую природу «за скромность, за простоту, за тишину».

Наиболее талантливый и известный из братьев – Алексей Михайлович Жемчужников (1821-1908), поэт, драматург, публицист, с 1900 г. почетный академик Петербургской Академии наук.

В середине 1840-х годов А.М.Жемчужников посещал пятницы М.В.Петрашевского, его комедии 40-х годов были запрещены цензурой.

В 50-е годы как один из авторов совместно с братом Владимиром и двоюродным братом А.К.Толстым «Козьмы Прутков», о котором И.С.Тургенев писал, как о «памятном всем Козьме Пруткове»,¹ А.М.Жемчужников становится деятельным сотрудником ж. «Современник», где публикует также комедии, стихи, лирические стихотворения.

«После моей отставки [1858 г. – Л.А.] я на полной свободе частной жизни сблизился с обществом писателей и со многими лучшими представителями 40-х годов, к которым питаю до сих пор особую симпатию и уважение. Они всегда были моими лучшими друзьями и наставниками», - писал Жемчужников в автобиографии.² С середины 1860-х годов до 1884 г. А.М.Жемчужников жил за границей.

Знакомство И.С.Тургенева с А.М.Жемчужниковым состоялось, вероятно, в начале 1850-х годов, сблизились же они позже – в конце 60-х годов в Германии.

Отношение Тургенева к Жемчужникову было, в общем, доброжелательно-ироническим. Он ценил его как человека, но далеко не все принимал в его творчестве. В письмах И.С.Тургенева к П.В.Анненкову о А.М.Жемчужникове читаем: «... поклонитесь от меня сему скучнейшему, но прекраснейшему смертному» (письмо от 20 дек. 1872 г.). Тургенев называет Жемчужникова «аспидом добродетели» (письмо от 18/30) янв. 1873 г.), а его творчество – «стихотворением» (там же) и даже пишет – «как писатель он ужасен» (письмо от 6 (18) марта 1874 г.) И, все же Тургенев советует Жемчужникову «собрать и напечатать все его «стихотворения» (письмо Жемчужникову от 18 (30) мая 1869 г.), высоко оценивает сюиту из 15 эпиграмм «В альбом современных портретов» («Санкт-Петербургские ведомости», 1870, 20 мая (10 июня) № 146), где в острых четверостишиях поэт высмеивает типы современных литературных и общественных деятелей России. «... эпиграммы мне понравились, - писал Тургенев Жемчужникову 5(17) июня 1879 г., - все метки и ловки...»

Высоко ценя эстетический и литературный вкус И.С.Тургенева, А.М.Жемчужников неоднократно обращался к нему с просьбой высказать мнение о его произведениях: «Я чувствую непреодолимую потребность прочесть Вам мои стихи»(письмо от 8 апр. н.с. 1869 г.). В конце 1860-х годов Жемчужников обсуждает с Тургеневым и Плещеевым план издания стихотворного сборника. (См. об этом: РП, биограф. словарь, т.2. С. 266).

В письме Тургеневу от 30 марта н.с. 1869 г. Жемчужников настоятельно просит писателя внимательно ознакомиться с его поэмой «Перед возвращением на родину» (1868-69 г.г.) и высказать свое нелицеприятное мнение о ней: « Я хочу узнать от Вас всю правду и воспользоваться ею».

Окончание поэмы было написано Жемчужниковым после свидания с Тургеневым в Карлсруэ.

Высоко оценив лирический цикл стихотворений Жемчужникова, посвященных памяти его жены, опубликованный в «Отечественных записках» (1876 г., № 4, с. 690-92), Тургенев отозвался о них как о «поразительно правдивых и искренних» (письмо к Жемчужникову от 26 янв. (7 февр.) 1877 г.), а стихотворение «Самому себе», высмеивающее шовинистические настроения реакционной части русского общества и правительственных кругов в период сербско-турецкой войны 1876 г., по мнению Тургенева, «дышит горьким и веским юмором» (там же).

По поводу статьи Жемчужникова «Русское общественное движение» («Голос», 1876, 20 окт. (1 ноября), № 290) Тургенев писал ему 26 янв. (7 февр.) 1877 г.: «... выраженные в ней мнения тесно совпадают с моими, надо было своего рода мужество, чтобы в то время говорить так».

В свою очередь, Тургенев 29 янв. н.с. 1867 г. в Баден-Бадене читал Жемчужникову и Н.Н.Рашет роман «Дым». Откликаясь на просьбу Жемчужникова услышать в авторском чтении повесть «Несчастливая», Тургенев приглашал его и Рашет в Карлсруэ (письмо от 30 ноября (12 дек.) 1868 г.). Тургенев с благодарностью воспринял замечания Жемчужникова о своем романе «Новь» (письмо Жемчужникова Тургеневу от 5 (17) марта 1877 г.). Прочитав с интересом «Воспоминания о Белинском» Тургенева, Жемчужников побуждал писателя продолжать работу над воспоминаниями: «Вы крупный и притом цельный представитель того времени, - не подточенный, не урезанный, не разочарованный, не повернувшийся к нему задом. - Вы, наверное, еще преисполнены мыслью и материалами».³

Из переписки Тургенева и Жемчужникова сохранилось 37 писем Тургенева к Жемчужникову (1866-1877), из 23 писем Жемчужникова к Тургеневу (1866-1869), хранящихся в ИРЛИ, полностью опубликовано лишь одно: от 30 марта н.с. 1869 г.

С писателем Владимиром Михайловичем Жемчужниковым (1830-1884) Тургенев встречался в 1870 г. у А.К.Толстого, в 1871 г. бывал у него на музыкальных вечерах, где бывали М.А.Балакирев, Ц.А.Кюи и М.П.Мусоргский.

Николая Михайловича Жемчужникова (1824-?), чиновника Министерства иностранных дел, в письме к А.И.Герцену от 23 мая (4 июня) 1860 г. Тургенев назвал «хорошим приятелем», который в июне 1860 г. доставил Герцену в Лондон разоблачительные документы, пересылавшиеся Тургеневым для публикации в «Колоколе».

По-видимому, о Н.М.Жемчужникове Тургенев писал его брату А.М.Жемчужникову 7 (19) апреля 1877 г.: «Мне было очень приятно встретиться с Вашим братом... Несмотря на его странности, он внушает несомненную симпатию».

Н.М.Жемчужников послужил одним из прототипов Сипягина в романе «Новь». В Формулярном списке лиц новой повести [роман «Новь»] в разделе

6 читаем: «Сипягин, Борис Иванович, р. 1820, 48 л. Средняя пропорциональная между Абазой и Жемчужниковым (и Валуевым).

Либеральный бюрократ. Высокого роста, голова маленькая, лицо внушительное и спокойное, манеры изящные, говорит отлично по-французски и даже по-английски – «haute école». Голос изящно-самоуверенный и тихий, движения рук благороднейшие – неизбежный министр».⁵

Лев Михайлович Жемчужников (1828-1912), рисовальщик, гравёр и живописец, также входил в круг приятелей Тургенева.

В 1856 г. (?) на квартире Тургенева в присутствии П.В. Анненкова Л.М. Жемчужников состязался в пении с художником К.А. Горбуновым: «Горбунов пел русские песни, а я малороссийские народные песни. Как Тургеневу, так и Анненкову пение русских песен пришлось более по душе. Горбунов выбрал две песни: «Ох, ты, степь моя, степь Моздокская» и «Ох, не одна-то во поле дороженька пролежала».⁶

Этот эпизод, по-видимому, связан с рассказом Тургенева «Певцы». В первоначальном варианте рассказа Я. Турок исполнял песню «При долинушке стояла». Решив заменить эту песню на более грустную «Ох, не одна-то во поле дороженька пролежала» и проверить ее действие на слушателей, Тургенев, возможно, и затеял это состязание певцов-художников.

Зимой 1853/54 г.г. Л.М. Жемчужников, часто бывая у А.К. Толстого и С.А. Миллера, встречал у них Тургенева, «который читал нам Пушкина, Шекспира и некоторые свои произведения».⁷

В 1855 г. Л.М. Жемчужников посылал Тургеневу в Петербург из Линов, имения графа С.И. де Бальмена, свои акварели, которые И.С. Тургенев продавал и высылал ему деньги.⁸

В конце 1850-х годов Тургенев встречался с Л.М. Жемчужниковым в Петербурге у редактора ж. «Основа» В.М. Белозерского и в доме В.Я. Карташевской на Большой Московской улице на музыкальных и литературных вечерах, где собирался «малороссийский мирок» (письмо Тургенева к В.Я. Карташевской от 31 марта (12 апреля) 1859 г.) - группа украинских писателей - В.М. Белозерский, П.А. Кулиш, Н.И. Костомаров, Н.Я. Макаров (брат хозяйки дома), Т.Г. Шевченко, М.А. Маркович.

Отношения И.С. Тургенева с братьями Жемчужниковыми лишней раз доказывают исключительную отзывчивость писателя к его современникам: он наделял «от щедрот своих» всех, с кем соприкасался в жизни.

Примечания

1. Тургенев И.С. ПСС и П. М.: Наука, 1983. Соч., т.11. С. 185.
2. Жемчужников А.М. Избранные произведения. М.-Л.: 1963. С. 63.
3. РО ИРЛИ 5813. хххб. 103, л. 37.
4. Мостовская Н.Н. И.С. Тургенев и А.М. Жемчужников (по материалам неопубликованной переписки 1866-1879 г.г.). Тургеневский сб. Орел: 1968. С. 219-225.
5. Тургенев И.С. ПСС и П. М.: Наука, 1982. Соч., т. 9. С. 405-406.

6. Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. Л.: Искусство, 1971. С. 89.
7. Там же. С. 159.
8. Там же. С. 179.

Е.Г. МЕЛЬНИК

КРЕПОСТНОЙ ТУРГЕНЕВЫХ АНДРЕЙ КАК ПРООБРАЗ ГЕРАСИМА В РАССКАЗЕ «МУМУ»

Как известно, работая над своими произведениями, Тургенев всегда отталкивался от жизненных впечатлений: будь то пейзаж, событие или мимолетно встреченное им лицо; так было и при создании «самого трогательного рассказа в мире – “Муму”».

Современники вспоминают, что прообразом главного героя рассказа - глухонемого Герасима, послужил немой Андрей - дворник в доме Тургеневых.

В.Н.Житова, воспитанница матери Тургенева, в своих воспоминаниях указывает, что Герасим в знаменитой повести «Муму» есть не кто иной, как немой Андрей, принадлежавший Варваре Петровне Тургеневой.

Двоюродная сестра писателя Е.Н.Конусевич также называет в качестве прообраза Герасима крепостного В.П.Тургенева, который был «дворником в Спасском, возил воду, колот дрова, топил в доме печи».¹

По словам Житовой, Варвара Петровна привезла Андрея в свое имение из деревни Сычи, что в 25 верстах от Спасского.

Е.Н.Конусевич вспоминает, что это был «красавец с русыми волосами и синими глазами, огромного роста и с такой же силой он поднимал десять пудов».² Но не столько внешние данные Андрея пленили Варвару Петровну, сколько его физический недостаток. Она посчитала, что это придает ему «оттенок оригинальности» и тут же решила судьбу бедного Немого.

По воспоминаниям Житовой, Варвара Петровна «щеголяла своим гигантом - дворником».³ «Одет он был всегда прекрасно, - пишет она, - и кроме красных кумачовых рубашек никаких не носил и не любил».⁴ Своеобразным подтверждением тому является сохранившийся документ «Сундук при гардеробе госпожи» [В.П.Тургеневой - Е.М.]. На странице 33 отмечено, что «шкурку черного 20 аршин» выдано «дворнику Немому на отделку красной рубашки».⁵

Отъезжая на зиму в Москву, Варвара Петровна забирала с собой и красавца - дворника. По словам В.Н. Житовой, в Москве «зеленая блестящая бочка и красивая серая в яблоках как заводская лошадь, с которыми Андрей ездил за водой, были очень популярны у фонтана близ Александровского сада. Там все признали тургеневского Немого, приветливо его встречали и объяснялись с ним знаками».⁶

Летом Андрей с барыней возвращался в Спасское.

Бывшая компаньонка В.П.Тургеневой В.Колонтаева в своих воспоминаниях сообщает интересные подробности из жизни Андрея.

Она пишет, что бедный Герасим одно время состоял «в должности скорохода» и обязан был, «не взирая ни на какую погоду, отправляться пешком с письмами и посылками от Варвары Петровны к ее знакомым». Так же посылали Герасима в село Лутовиново, что в 70 верстах от Спасского к Авдотье Ивановне Логривой, для того, чтобы бедный Немой принес своей барыне «маленький горшочек гречневой каши, на том основании, что повара села Спасского, по мнению Варвары Петровны, гречневую кашу приготавливать не умеют».⁷

По свидетельству современников, Андрей был очень привязан к своей барыне. В.Н.Житова отмечает, что Андрей после гибели Муму «остался верен своей госпоже, до самой ее смерти служил ей».⁸ Известно, что он остался в Спасском и после кончины матери Тургенева.

А.В.Дружинин, побывавший в Спасском в 1855 г. уже после смерти В.П.Тургеневой, в своем неоконченном юмористическом фельетоне «Записки Петербургского туриста» пишет: «Навстречу нам высыпала многочисленная дворня хозяина, между которой <...> глухонемой дворник Андрей, добродушнейшая персона, как кажется, послужившая оригиналом Герасима в повести Ивана Сергеевича «Муму».⁹

Детская память Е.Н.Конусевич, которая родилась в 1855 году и ранние годы своей жизни провела в Спасском, сохранила трогательный образ «Муму», как она называет глухонемого спасского дворника. «Любимое его занятие было ходить за курами, - вспоминает Екатерина Николаевна, - он кормил их, ухаживал за ними и собирал яйца. Когда он созывал их, то произносил: «эф, эф, эф». Они отлично его понимали и сбегались к нему.

Муму обладал такой огромной силой, что целую тушу вола взваливал на спину и нес на ледник, как-то неудачно поднял такую тушу и сразу почувствовал боль в спине. Его лечили, ухаживали за ним, а он охал и показывал на грудь и спину. После этого он уже не был таким работником, и все ему было холодно. Моя мать ему сшила на вате душегрейку, и с тем умер».¹⁰

Сквозь конкретные черты, мелкие детали Тургенев в своем знаменитом рассказе «добирается» до типа. Его Герасим встает перед читателем как символ русского народа. Вот как об этом писал И.С.Аксаков: «Под дворником Герасимом разумеется иное. Это олицетворение русского народа, его страшной силы и непостижимой кротости, его удаления к себе и в себя, его молчания на все запросы, его нравственных, честных побуждений. Он, разумеется, со временем заговорит, но теперь, конечно, может казаться и немым, и глухим...»¹¹

Примечания

1. Конусевич Е.Н. И.С.Тургенев // Литературное обозрение, 1993. № 11-12. С.8.
2. Там же. С.8.
3. Житова В.Н. Воспоминания о семье И.С.Тургенева. Красноярск: 1986. С. 99.
4. Там же.С.99.
5. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Изд. 2-е. М.: Наука, 1980. Соч. Т. 4.

С. 605.

6. Житова В.Н. Указ. соч. С. 99.

7. Колонтаева В. Воспоминания о селе Спасском // Исторический вестник, 1885. № 10. С. 50.

8. Житова В.Н. Указ. соч. С. 100.

9. Дружинин А.В. Дневник. М.: Наука, 1986. С. 481.

10. Конусевич Е.Н. Указ. соч. С. 8.

11. Тургенев И.С. Указ. соч. С. 606.

Л.М. АЛЕКСАНДРОВА

«ВАШ КОВАРНЫЙ ОБОЛЬСТИТЕЛЬ...»
(И.С. Тургенев и Д.И. Яздовская)

Отношения И.С.Тургенева с Дарьей Ивановной Яздовской приоткрывают малоизвестную сторону личности писателя.

Яздовская Д.И. (ум. 1883 г.) – вдова, жившая в семействе А.П. и Н.Н. Тютчевых.

Николай Николаевич Тютчев (1815-1878), переводчик, сотрудник «Отечественных записок», в 1840-х годах принадлежал к кружку В.Г. Белинского, сохранил близость с его участниками, особенно с Тургеневым, и после смерти критика.

В 1852-53 годах по просьбе Тургенева управлял Спасским и другими имениями.

Д.И.Яздовская была знакома с С.К.Кавелиной, И.Ф.Миницким, братьями Д.Я. и Е.Я. Колбасиными. И.С.Тургенев познакомился с ней в 1852 г. в Спасском, куда Н.Н.Тютчев приехал с семьей в качестве управляющего. Д.И.Яздовская выполняла некоторые хозяйственные поручения, «комиссии» Тургенева в эти и последующие годы. В письмах 1852-62 годов братьям Колбасиным, И.Ф.Миницкому и др. Тургенев пишет о Д.И.Яздовской с добродушной иронией. Письма же самого Тургенева к Д.И.Яздовской, написанные в шутовском, юмористическом тоне, пародируют любовно-мещанский стиль: «... драгоценные строки прелестной руки достаточно усладили мою душу. Ваш коварный оболъститель» (письмо от 26 сент./8 окт. 1862 г.).

2 (14) ноября 1856 г. Тургенев в письме в Д.Я.Колбасину из Парижа просит передать от своего имени сборник его повестей - «экземпляр моей книги <...> Дарии».

20 сент. (2 окт.) 1860 г. Тургенев в письме к Е.Я.Колбасину просит его «поблагодарить Дарию за присылку «Где тонко, там и рвется», и даже облобызать ее в фосфорические уста».

В последний раз Тургенев упомянул Д.И.Яздовскую в письме П.В.Анненкову от 28 дек. 1878 / 9 янв. 1879 г. по поводу смерти Н.Н.Тютчева.

Известны 2 письма Тургенева к Д.И.Яздовской (1859, 1862), её письма к Тургеневу неизвестны, но сохранилась её приписка на письме самого

Тургенева к И.Ф.Миницкому из Спасского 5 (17) окт. 1852 г.: «Мне позволил Тургенев писать на одном листке своего письма, но я боюсь, может быть, Вы не будете довольны: что я осмеливаюсь испортить знаменитый автограф.

Я прошу Вас быть посерьезнее в Ваших поступках, т.е. быть благоразумней и дельней: другими словами, приезжать в Спасское, а не затевать и не хлопотать о напечатании некоторых вещей. Право – пора бы Вам возвратиться и приняться работать с Тургеньевым. Тютчевы и тетеньки и все здоровы. Чего и Вам желают. Д. Яздовская».¹

Примечание

1. Речь идет о намерении И.Ф.Миницкого напечатать в Одессе, в обход цензуры, пьесы И.С.Тургенева «Нахлебник», «Месяц в деревне» и «Завтрак у предводителя». См.: И.С.Тургенев. ПСС и П. М.: Наука, 1987. Т. 2. С. 476.

Е.Г. МЕЛЬНИК

ФЕОКТИСТА

В галерее женских образов, чья судьба была связана с именем И.С.Тургенева, наименее известен сюжет о Феоктите Волковой.

По воспоминаниям современника Тургенева Н.Берга, Феоктиста находилась в числе прислуги двоюродной сестры писателя Е.А.Хрушевой: «Стройности она была поразительной, руки и ноги у нее были маленькие, походка гордая, величественная. Ни с какой стороны она не напоминала девиц и дворню».

По словам Берга, Тургенев и познакомился с Феоктистой в доме своей кузины: «В один из своих приездов в Москву Иван Сергеевич Тургенев заглянул как-то к кухне от нечего делать. Фетиска произвела на него сразу сильное впечатление».

Уже в 1852-53 г.г. спасское заточение с писателем разделяет Феоктиста. Об этом Тургенев писал из Спасского И.И.Маслову 18 июня 1865 года: «У меня в 1851-ом, 2-ом, и 3-ем годах в Петербурге и здесь жила девушка по имени Феоктиста, с которой я имел связь».

Однако, отношения его с «Фетиской» были более длительными.

По окончании спасской ссылки, в ноябре 1853 г., Тургенев возвращается вместе с Феоктистой в Петербург и продолжает поддерживать с нею связь и в 1854 году.

Весной 1855 года Тургенев уезжает в Спасское, Феоктиста остается в Петербурге. По свидетельству Берга «в предмете его [Тургенева] страсти оказались большие недостатки; прежде всего страшная неразвитость <...>. С нею не было никакой возможности говорить ни о чем другом, как только о соседских дрязгах и сплетнях. Она была даже безграмотна.

Иван Сергеевич пробовал, было, в первые месяцы (когда с нею почти не расставался) поучить ее читать и писать, но увы! Это далеко не пошло: ученица его смертельно скучала за уроками, сердилась...»

Из письма П.В.Анненкова Тургенев узнает о беременности своей любовницы. В ответном письме от 2 июня 1855 года он пишет Анненкову: «Насчет Феокисты дело выходит скверно – тем более, что это дело не моих рук – пожалуйста, оказывайте ей свое покровительство, а я ей на днях вышлю опять рублей 25, скажите ей это» (П., 3, 29).

Судьба Феокисты беспокоит Тургенева и в дальнейшем. Через две недели в очередном письме Анненкову он снова осведомляется о ней: «А что делает Феокиста?» (П., 3, 32). 27 июня того же года он шлет письмо Д.Я.Колбасину: «С будущей почтой я Вам вышлю 25 рублей (если смогу – то 50) для злополучной Феокисты, которую прошу Вас навещать, хотя изредка, и поддерживать в духе».

Видимо, в том же году Феокиста родила сына, названного Иваном. Тургенев сообщает об этом Маслову в письме от 18 июня 1865 года: «<...> у ней в Москве родился сын, которого она отдала в воспитательный дом». (П., 6, 144).

В начале 1857 года Феокиста вышла замуж за мелкого чиновника морского министерства, некоего Волкова. В цитированном выше письме, адресованном Маслову, Тургенев писал: «Я впоследствии помог ей выйти замуж за маленького чиновника морского министерства – и она теперь благоденствует в Петербурге» (П., 6, 144).

Уже будучи замужней женщиной, в 1861 году Феокиста навестила сына, который был отдан на прокормление мужику в деревню. Местоположение деревни Феокиста не запомнила, а потому, когда она собралась навестить мальчика в следующем году, оказалась в затруднительном положении.

Летом 1865 года Феокиста заезжает к Тургеневу в Спасское и, видимо, рассказывает ему о своих затруднениях. Обо всем этом Тургенев сообщает Маслову в письме от 19 июня 1865 года, обращаясь к нему с просьбой помочь Ф.П.Волковой: «<...> я направил ее к тебе с тем, чтобы ты помог ей в ее разысканиях. Если этот Иван жив и отыщется, – то я бы готов поместить его в ремесленную школу – и платить за него». (П., 6, 145).

Дальнейшая судьба мальчика, равно как и его матери – Феокисты Петровны Волковой – до сих пор неизвестна.

Примечания

1. Островский А.Г. Тургенев в записях современников. М.: Аграф, 1999. С. 112.
2. Там же. С. 112.
3. Тургенев И.С. ПСС и П в 30 т. Изд. 2-е. Соч. Т. 6. М.: Наука, 1986. С. 144. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы арабскими; письма сопровождаются пометой «П».
4. Тургеневский сборник: тургеневский кружок под руководством Н.К.Пиксанова. Петроград, 1915. С. 52.

БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ

(К 160-летию со дня рождения и 120-летию со дня смерти
М.Д.Скобелева).

... в политике, как и на войне только
невозможное – действительно возможно!¹
М.Д. Скобелев.

В 1879 году известный публицист, один из ведущих сотрудников журнала «Отечественные записки», С.Н.Кривенко возглавил литературную «артель», взявшую в свои руки небольшой подцензурный журнал «Русское богатство». Молодые энтузиасты нуждались в материалах и, набравшись смелости, обратились к И.С.Тургеневу с предложением сотрудничества. С.Н.Кривенко вспоминал: «В назначенный вечер собрались мы, и приехал Тургенев. <...> Перезнакомившись со всеми, Тургенев сел и сейчас же овладел разговором. Говорил он прекрасно, просто и образно, слегка пришамкивая по-стариковски.

- Сейчас я со Скобелевым² обедал, - сказал он. – Вот красная девушка: поминутно краснеет, скажет слово и покраснеет. И не подумаешь, что такой храбрый.

Потом рассказал, что говорили со Скобелевым, перешел к нашей политике по восточному вопросу...»³

Нами сознательно приведен объемный отрывок из воспоминаний редактора журнала «Русское богатство». Сама по себе интересная личность Михаила Дмитриевича Скобелева становится вдвойне интересной в связи с именем И.С.Тургенева. Приоткроем же отдельные страницы удивительной биографии любимого народом военачальника.

Михаил Дмитриевич Скобелев родился 17 сентября 1843 года в семье генерал-лейтенанта Д.И.Скобелева, кавалера ордена Св. Георгия 3-ей степени. С детства Миша Скобелев обладал независимым характером, был необычайно вспыльчив, ненавидел жестокое и несправедливое отношение к себе и окружающим. Однажды немец-гувернер ударил 12-летнего Михаила в присутствии знакомой девочки. Мальчик вспылал, плюнул немцу в лицо и дал ему пощечину. Его отец понял, что подобным образом невозможно справиться со строптивым подростком, поэтому отправил его в Париж в пансион Дезидерея Жирарде, благороднейшего человека и прекрасного воспитателя, имевшего большое влияние на Скобелева. Родители желали, чтобы Михаил все же закончил образование в России. Он учился в Санкт-Петербургском университете, но «возникшие в 1861 году в университете беспорядки, повлекшие за собой его временное закрытие, заградили Скобелеву путь университетского образования».⁴

Он служил юнкером в кавалергардском полку, был произведен в корнеты, участвовал в подавлении польского восстания в 1863 году.

Блистательно закончил Петербургскую академию генерального штаба. По его мнению, только участие в боевых действиях формирует армию и вождей. Из посмертных бумаг М.Д.Скобелева мы узнаем о его туркестанских походах, записки о которых свидетельствуют об отличном знании Азии и тонком уме их автора.⁵ За подвиги в туркестанской компании он «получил золотую саблю с надписью «За храбрость», орден Св. Георгия 4 и 3 степени и золотую шпагу, украшенную бриллиантами, а также звание флигель-адъютанта и чины полковника и генерал-майора с назначением его в свиту его величества».⁶

Талант полководца Скобелев проявил по-настоящему в русско-турецкой войне 1877-78 годов. В начале кампании он был в качестве простого добровольца и состоял при генерале М.И.Драгомирове. Только со второй половины июля ему стали поручать командование сборными отрядами.

Отчаянная смелость Скобелева порождала легенды. В некоторых воспоминаниях генерал предстает почти былинным героем. «В белом кителе пошел он тихую походкою; отправился он в самый жар сражения: слева наши стрелки в винограднике, а справа жарят с высот турки»,⁷ - писал один из участников войны на Балканах.

Он всегда был «солдатским» генералом и умел позаботиться о солдатах «более, чем о себе».⁸

«Кто не знает, как в траншеях под Плевной он спал в небольшой ямке на соломе под открытым небом и в то же время хлопотал, чтобы у солдат были и землянки и шалаши».⁹

По утверждению генерала Н.Духонина, Скобелев не получал жалованья, а оно прямо переводилось в помощь нуждающимся нижним чинам 4-го корпуса. Многие отставные рядовые селились на землях, принадлежавших Скобелеву.

После взятия Ловчи (совр. Ловеч – С.С.), боев под Плевной (совр. Плевен – С.С.), Шейновым и сдачи турецкой армии Вессель-паши за Скобелевым утвердилась блестящая репутация. Военный талант генерала изумлял современников.

«Бог создал его полководцем», - писал неизвестный автор в журнале «Русский вестник».¹⁰

Военный атташе Соединенных Штатов в России лейтенант Грин замечал: «... его военный гений так изумителен, что я твердо верю, что если он проживет еще 30 лет, он будет главнокомандующим <...> и займет тогда место среди почти величайших полководцев нашего столетия, рядом с Наполеоном, Веллингтоном, Грантом и Мольтке».¹¹

С Балкан он вернулся в Россию корпусным командиром в чине генерал-лейтенанта и в звании генерал-адъютанта. Уже признанный талант, прославленный на всю Европу покоритель Плевны и Шипки, Скобелев продолжает усердно изучать военную науку как опору народного

самосознания. Позорный для России Берлинский договор по варварскому разделу Болгарии, навязанный западными странами русской дипломатии, по мнению Скобелева, означал «плач оставленных на жертву православных братьев, вверивших нам свою судьбу».¹²

Никто из государственных деятелей не пользовался такой популярностью, какой мог бы гордиться Белый Генерал.¹³ «Михаил Дмитриевич, - пишет один из его современников, - никогда не популярничал, но всегда был популярен».¹⁴

Последним замечательным подвигом генерала было завоевание Ахал-Тепе,¹⁵ за которое он получил звание генерала от инфантерии и орден Св. Георгия 2-ой степени.

В начале 80-х годов Скобелев неоднократно выступал с антинемецкими речами и за границей, и в России. Одна из них, произнесенная 12 января 1882 года на праздновании годовщины взятия крепости Геок-Тепе,¹⁶ была проникнута патриотизмом и содержала в себе очередной резкий выпад против Германии, что вызвало недовольство и в Европе, и среди правительствующих кругов России.

Внезапная смерть Белого Генерала 25 июня 1882 года потрясла не только русских людей, но и весь славянский мир. «Эта утрата всенародная (подч. – авт.)», - отмечала одна из русских газет.¹⁷

В телеграмме, адресованной сестре покойного генерала графине З.Д.Богарне, представители болгарской интеллигенции писали:

«Плачь весь славянский мир, плачь о незабвеннейшем из незабвенных славянских героев, Михаиле Дмитриевиче Скобелеве, Белом Генерале».¹⁸

Отозвалась на смерть Скобелева и западная печать. Английская газета «Times» отметила генеральскую отвагу «выше меры» и «готовность на самопожертвование».¹⁹

Представители немецкой печати не могли скрыть своего ликования по поводу смерти «хитрейшего из панславистов».²⁰ Один немецкий генерал воскликнул: «Durch den Tod Scobelew's ist Russland um 300 000 Mann schwächer geworden (смертью Скобелева Россия ослабла на 300 000 человек)».²¹

Неожиданная кончина Белого Генерала потрясла и И.С.Тургенева. 27 июня/9 июля 1882 года он, тяжело больной, писал актрисе М.Г.Савиной из Буживаля: «... душа моя сегодня особенно опечалена: вчера пришло известие о смерти Скобелева. Долго не хотелось верить, что наш Ахиллес так рано погиб – и что обманулись те, которые предсказывали ему великую будущность. <...> Несчастлива Россия в своих великих людях».²²

Французский литератор Мельхиор де Вогюз, рассказывая о своей встрече с больным Тургеневым, вспоминал его слова: «Скоро я последую за ним (Скобелевым)».²³

Строки из стихотворения «На смерть Скобелева» поэта В.Попова, современника великого писателя Тургенева и знаменитого генерала Скобелева, в равной степени можно отнести к ним обоим:

Хоть нет тебя средь нас,

но дух твой вечно с нами,
И жизнь твоя всегда нам будет
образцом...²⁴

До нашего времени смерть Белого Генерала окутана тайной. Существуют предположения, что он был убит, так как его своеобразный и независимый характер вызывал раздражение в высших кругах. Интерпретация его смерти современным беллетристом, видимо, базируется именно на этих предположениях.²⁵

Примечания

1. Исторический вестник. Т. X. Санкт-Петербург: Тип. А.С. Суворина, 1882. С. 122. В дальнейшем ссылка на это издание дается с указанием названия журнала, тома и страницы.
2. И.С.Тургенев встречался также с дедом М.Д.Скобелева, генералом И.Н.Скобелевым, знал мать Михаила Дмитриевича, Ольгу Николаевну, и его сестер: Зинаиду, Надежду и Ольгу. Зинаида и Надежда брали уроки пения у Полины Виардо.
3. И.С.Тургенев в воспоминаниях современников в 2 томах. Т.1. М.: Художественная литература, 1983. С. 411.
Речь в цитате идет об итоговых соглашениях России и Запада в связи с окончанием русско-турецкой войны 1877-78 годов.
4. Исторический вестник. Т. IX. С. 396.
5. Посмертные бумаги М.Д.Скобелева // Исторический вестник. Т. IX. С. 122.
6. Всемирная иллюстрация № 704. Санкт-Петербург: Издание Г.Д. Гоппе, 1882. С. 27.
7. Там же. С. 22.
8. Исторический вестник. Т. IX. С. 397.
9. Там же. С. 397.
10. Русский вестник. Т. 160. М.: В унив. тип. М.Н. Каткова, 1882. С. 431.
11. Исторический вестник. Т. IX. С. 397.
12. Там же. С. 399.
13. Скобелев М.Д. сам создал этот образ, появляясь на поле сражения в белом кителе и на белом коне. Солдаты называли его Белым Генералом.
14. Русский вестник. Т. 160. С. 432.
15. Ахал-Теке, ряд оазисов в Закаспийской области, населенных туркменами. БЭ под ред. С.Н.Южакова. Т. 2. Санкт-Петербург: Просвещение, 1900. С. 311.
16. Геок-Тепе – несколько укрепленных поселков в Ахал-текинском оазисе. (Там же. Т. 6, 1903. С. 436).
17. Русь. № 27. 3 июля. 1882. С. 1.
18. Там же. С. 5.
19. Русь. № 28. 10 июля. С. 9.
20. Там же. С. 12.
21. Там же. С. 4.
22. Тургенев И.С. ПСС и П в 28 т. П. (1). Т. 13. Кн. 1. Л.: Наука, 1968. С. 292.
23. ЛН. Тургенев. Т. 76. М.: Наука, 1976. С. 417.
24. Всемирная иллюстрация. № 704. С. 22.
25. Акунин Б. Смерть Ахиллеса. М.: Изд-во «Захаров», 2001.

СЕМЬЯ ЛОБАНОВЫХ

Лев Иванович Лобанов, бывший крепостной Варвары Петровны Тургеневой, управляющий домовою конторой, жил в 80-е годы в городе Орле у своего сына Ивана в двухэтажном доме на углу улиц Новосильской (Пушкинской) и Старо-Московской.¹

Здесь же в семье Лобановых жила Евпраксия Ивановна, сестра жены Льва Ивановича Лобанова. Они умерли в 1888 году и были похоронены на Сергиевском кладбище Орла. Вообще этот год стал печальным для семьи Лобановых. 15 октября умерла и мать Ивана Львовича Ольга Семеновна Лобанова, а 19 ноября - отец Елизаветы Ивановны Иван Ильич Шестаков.

У Ивана Львовича была большая семья. В этом доме росли и учились двенадцать детей. Так как Иван Львович закончил во Мценске училище по лесному делу, то часто уезжал в другие города и населенные пункты России по делам службы.

Со своей женой Елизаветой Ивановной Шестаковой он познакомился так же во Мценске. Елизавета Ивановна была большой рукодельницей. Их семья принадлежала к мещанскому сословию.

В январе 1878 г. состоялось их бракосочетание, и в декабре этого же года родился их первенец Валериан. В семье Лобановых сохранились воспоминания о том, что Иван Сергеевич Тургенев, будучи в Орле, посетил дом Лобановых и держал на руках маленького Валериана.

В 1919 году врач Валериан Иванович Лобанов заразился тифом от больных солдат и 5 января умер на фронте.

В 1884 году родилась дочь Вера, которая вначале училась в Ярославской женской гимназии, а затем в Орловской Николаевской. Свою жизнь она посвятила учительству. Она преподавала русский язык и литературу в школах Тульской области и городе Орле. Последние годы Вера Ивановна жила у брата в городе Бронницы Московской области, где и умерла в 1960 году.

В 1885 году в семье появилась дочь Лиза. Вся ее сознательная жизнь прошла на Украине, в Переяславле Хмельницком, где она вышла замуж за человека, который нуждался в большом лечении; в 1958 году ее не стало.

В Киевской губернии в 1888 году родилась еще одна дочь Лидия. После окончания Николаевской гимназии в Орле она уезжает в Москву и выходит замуж за адвоката В.Я.Соколова; в Москве семья Соколовых жила до 1971 года.

В 1890 году в семье появился сын Иван, он закончил мужскую гимназию, а затем медицинский факультет Московского университета. До 1923 года он прослужил врачом в армии. После демобилизации Иван Иванович уезжает в город Сухуми. Всю свою плодотворную врачебную деятельность посвятил людям Абхазской республики. Его долготелная врачебная деятельность была отмечена присвоением ему звания

заслуженного врача Абхазской АССР. Он награжден значком отличника здравоохранения и многими медалями.

Последние годы до 1969 года Иван Иванович возглавлял больнично-поликлиническое отделение Сухумского порта. Он воспитал сына Николая, который стал инженером и работал в министерстве легкой промышленности Москвы.

В период службы Ивана Львовича в Управлении Е.А.Балашовой в г. Ярославле в семье рождаются две дочери: Любовь 1894 года и Ольга 1898 года, а также сын Илья 1896 года. Дети кончают гимназии, а сын Илья еще и медицинский факультет Московского университета. Илья работал врачом в Москве и Подмоскovie.

После окончания бухгалтерских курсов Любовь Ивановна работала до 1956 года главным бухгалтером Орловского хлебозавода № 1 и жила в семье сестры Ольги.

Самая младшая из сестер семьи Лобановых Ольга Ивановна несколько лет работала учительницей начальных классов, а с 1980 года, когда она вышла замуж за П.М. Петрова, воспитывала сына Владимира. После освобождения г. Орла в августе 1943 г. от фашистских захватчиков она отдала много сил на восстановление разрушенного войной города, неоднократно награждалась почетными грамотами, была избрана уличкомом и добросовестно трудилась на этом поприще двадцать два года, за что жители улицы любовно называли ее «хозяйкой улицы». Ольги Ивановны Лобановой (Петровой) не стало в 1989 году.

В этом многочисленном семействе дети Лобановых Ивана Львовича и Елизаветы Ивановны - Надежда, Николай, Зинаида - умерли в младенчестве.

Сам Иван Львович свою недолгую жизнь с полным знанием дела и добросовестно занимался разработкой и продажей леса в разных губерниях России.

В 1905 году Иван Львович тяжело заболел и в октябре 1906 г. скончался и был похоронен в Орле на Сергиевском кладбище. Его жена, Елизавета Ивановна, благодаря средствам, получаемым ежемесячно из Главного Управления именными Балашовых Санкт-Петербурга, воспитала и дала образование всем детям большой семьи Лобановых.

Взрослые дети служили во многих городах России, а некогда большой дом на углу улиц Пушкина и Старо-Московской был передан государству в 1937 году.

В 1938 году Елизавета Ивановна умерла и была похоронена на Афанасьевском кладбище в Орле.

Сын Ольги Ивановны Лобановой (Петровой) закончил Орловский педагогический институт в 1953 г. и после сорокапятилетней работы ушел на заслуженный отдых. Его сын Александр Владимирович Петров работает в Москве в Управлении президентской связи.

III

Наши публикации

Примечание

1. О семье Лобановых и их доме в Орле см.: Понятовский А.И. Тургенев и семья Лобановых // Тургеневский сб. Вып. I. М.-Л.: Наука, 1964. С. 270-276.

ГОЛОСА ИЗ ПРОШЛОГО

«<...> Орлу принадлежит великая честь быть родиной и колыбелью Ивана Сергеевича <Тургенева>.
«Орловский вестник», 1883, № 226, 26 августа (7 сент.)

Нельзя отрицать, что орловцы в те дни, когда Россия хоронила их великого земляка Ивана Сергеевича Тургенева, сознавали свою особую миссию в деле сохранения и увековечения памяти писателя в его родном городе. Сердечность слов: «<...> Он наш родной», - определила не форму, но суть этого отношения.

Понимая всю меру ответственности перед лицом просвещенного мира за сбережение тургеневских реликвий, самого духа тургеневских мест, в Орле приступили к этому практически сразу после 22 августа.

«Смерть и похороны Тургенева еще более объединили всех около имени художника русского слова и проводника любви и правды», - писала орловская печать. Начиная с 1883 года, усилия поколений орловской интеллигенции были направлены, в первую очередь, на сооружение памятника И.С.Тургеневу. Нельзя упрекнуть орловских интеллигентов в прекраснодоушии или ненастойчивости: нет – из года в год, из поколения в поколение на протяжении 85 (!) лет они добивались решения этой задачи. Памятник И.С.Тургеневу в Орле был открыт в 1968 году.

Примером служения памяти великого писателя является деятельность орловцев во имя Тургенева. Революции, войны, перевороты могли только приостановить, затормозить эту работу, но не прекратить. У ее истоков стояли многие замечательные орловцы: писатель Н.С.Лесков и предводитель орловского дворянства М.А.Стахович, страстная поклонница И.С.Тургенева краевед Р.И.Суслова и орловский присяжный поверенный, председатель Тургеневской подкомиссии при Орловской ученой архивной комиссии В.Н.Ильинский, председатель Орловского Общества любителей изящных искусств С.К.Живописцев, хранитель музея ученой архивной комиссии Ф.Ф.Похвалинский и многие другие.

К этой славной когорте орловцев следует, мы полагаем, отнести и Н.П.Галахова, и его жену, наследницу И.С.Тургенева О.В.Галахову. Как могли, они сохраняли тургеневскую усадьбу Спасское-Лутовиново, а когда сторел усадебный дом, восстановили в своем орловском доме его интерьеры. Н.П.Галахов видел способ сохранения усадьбы И.С.Тургенева в приобретении ее в государственную собственность. После 1917 года уже О.В.Галахова обратится к революционному правительству с предложением принять их орловский дом с тургеневскими вещами в собственность государства (1918).

Следует сказать, что деятельность орловцев не ограничилась только хлопотами о сооружении памятника, но направлена была на разыскание и соби́рание тургеневских реликвий.

Одним из центров, где была сосредоточена и собирательская, и хранительская, и просветительская работа «вокруг Тургенева», была орловская Ученая архивная комиссия, образованная в 1883 году, и существовавшая при ней Тургеневская подкомиссия, в которую входили В.Н.Ильинский (председатель), И.И.Лебедев, В.М.Турчанинов.

«Тургеневская» коллекция из Ученой архивной комиссии, наряду с мемориальными вещами писателя из дома Галаховых, была представлена на выставке Академии Наук (1909 г.) в Санкт-Петербурге в память Тургенева.

В фондах Государственного литературного музея И.С.Тургенева хранятся многочисленные материалы (многие из них еще не введены в научный оборот), касающиеся деятельности частных лиц и общественных организаций по увековечению памяти И.С.Тургенева (за период с 1883 по 2000 г.).

Наряду со многими документами там находятся поистине драгоценные свидетельства искреннего участия и сочувствия делу земляков Тургенева. Это письма людей из близкого окружения Тургенева, направленные в Орел в поддержку идеи сооружения памятника писателю:

«<...> Инициатива открытия памятника в Орле Тургеневу из Орла громким эхом откликнулась по всей России и за границей, отовсюду поступают сочувственные письма <...>» («Орловский вестник», 1897, № 85, 30 марта).

Предлагаемая нами к публикации следующая часть писем (мы ограничились XIX в.) друзей и современников Тургенева, подтверждает справедливость высказывания «Орловского вестника» и сообщает интересные подробности об отношении к памяти Тургенева его современников:

- Письмо Полонского Я.П.Балашову З.Ф. [Петербург, 1883]. Публикуется впервые.

- Письмо Э.-М де Вогюз Живописцеву С.К. Париж, 1897, февраль. Публикуется впервые.

- Письмо П.Виардо Живописцеву С.К. Париж, 1879 9/21 февр. На фр. яз.

Последняя публикация на русском языке: ж. «Подъем», 1968, № 1, с. 197.

- Письмо П.Виардо Похвалинскому Ф.Ф.. Первая публикация в оригинале (без перевода) в г. «Орловский вестник», 1897, № 85, 30 марта. Последняя публикация в переводе на русский язык: ж. «Подъем», 1965 г., № 1, с. 147.

- Письмо Полонского Я.П.Живописцеву С.К. Петербург, 1897, 14(26) марта. Первая публикация: «Орловский вестник», 1897, № 92, 6 апреля. Последняя публикация: Тургенев. сб. (Алексеев). Орел, 1960. С. 197-598.

- Письмо Полонского Я.П. Живописцеву С.К. Петербург, 1891
8(20) апреля. Публикуется впервые.

Письма Я.П. Полонского З.Ф. Балашову (1) и С.К. Живописцеву (2).

Полонский Яков Петрович (1819-1898) поэт, прозаик и художник-любитель, один из самых близких и преданных друзей И.С. Тургенева. Они познакомились в 1841 г. в Москве, последующая дружба продолжалась более сорока лет и оборвалась только со смертью И.С.Тургенева.

Их отношения отличались искренностью и сердечной теплотой. Полонский высоко ценил мнение Тургенева о своем творчестве и его поддержку. Тургенев, в свою очередь, не оставлял его дружеским вниманием. «Мне кажется иногда, что не будь ты моим другом я бы погиб <...>», - признавался Полонский Тургеневу.

В 1881 году Полонский вместе с семьей поселился у Тургенева в Спасском и впоследствии написал воспоминания «Тургенев у себя в его последний приезд на родину».

Публикуемые письма, первое из которых адресовано бывшему камердинеру Тургенева З.Ф.Балашову, а два последних – председателю Орловского общества любителей изящных искусств С.К.Живописцеву - объединяет Память о покойном друге и интерес к тому, что происходит на его родине: касается ли это конкретных судеб людей, связанных с Тургеневым или проблемы увековечения его имени в родном городе.

Милый мой, Захар Федорович.¹ Извини, что так поздно откликаюсь тебе на наше общее горе. Спасибо тебе, что ты обо мне вспомнил. Я получил твое письмо и долго не мог догадаться, от кого оно – никогда в Спасском² не слышал я твоей фамилии и думал, что письмо получено от неизвестного. Но слава Богу, по букве «З» догадался и исполнил твое желание, но не в самый день похорон, а когда служили панихиду...

Как хромой, на костылях, я не мог и пробраться к могиле, когда хоронили нашего друга. Да и Дмитрий Васильевич Григорович не пускал меня в толпу, боясь, что меня сомнут или раздавят.

Поверь мне, что для души покойного слезы твои дороже венка – а наши молитвы о нем и слез дороже.

Не одному тебе было горько... Ты потерял доброго господина, а я потерял доброго, последнего друга...

Где ты теперь? Что с тобой? Здорова ли твоя дочь Маша и жена? Всех вас я помню и никогда не забуду.

Это письмо, надеюсь, доставит тебе А.М. Щепкин,³ так он лучше знает, где ты.

Что сказать о себе – старею я. Часто болею... и не знаю, долго ли еще проживу. Жена моя и дети все тебе и твоей семье кланяются.

Обнимаю тебя и остаюсь твой старый приятель

Я. Полонский.

Примечания

1. Балашов Захар Федорович, бывший камердинер И.С.Тургенева, пользовавшийся неизменным расположением писателя. В 1870-х годах он потерял зрение и остался проживать в Спасском на пенсии, выдававшейся ему Тургеневым.

Публикуемое письмо хранилось в семье Балашова и было передано в музей И.С. Тургенева его дочерью М.З. Балашовой.

Оно является ответом на письмо З.Ф. Балашова, которое он отослал в Петербург Полонскому с просьбой прочесть его при погребении писателя: «К вечной памяти Ивана Сергеевича Тургенева. Дорогой благодетель мой, посылаю тебе на гроб твой мои душевные горькие слезы вместо дорогого венка. Любил и предан тебе был всей душой и гордился тем, что был твой слуга.

1840-го 1888 года <> З. Балашов.

30 августа село Спасское.

«Просьба, чтобы при похоронах было прочтено». <Рукой Я.П. Полонского>
ИРЛИ 11.824.LXIX б.1.

2. Н.А. Щепкин – управляющий И.С. Тургенева в 1876-1883 г.г.

С. Петербург.
Знаменская ул.
д. 26.

Глубоко сожалею, что по болезни и слабости так поздно откликнулся Вам.

Вы имеете полное право усомниться в моем сочувствии к Вашим благим намерениям так или иначе почтить память одного из наших знаменитых писателей, уроженца Орловского края Ив<ана> Серг<еевича> Тургенева. Но могу ли я быть равнодушен к памяти человека, которого дружеское ко мне расположение давало мне так много отрадных минут и ободряло меня на трудном и скользком пути моего поэтического творчества.

Что бы Вы не сделали во имя Ив<ана> Серг<еевича> Тургенева – народную ли школу в Спасском приходе, читальную или библиотеку – или памятник – все это отзовется добром не для самого покойного писателя, а для его родины.

Как бы изумился Тургенев, если бы я мог передать ему, что Орел готовится поставить ему памятник. При жизни своей он был убежден, что Орел не читает его произведений и едва ли слышал о нем.

Такого мнения был он об орловской интеллигенции.

Дай же Бог успеха, этой, им неведомой или вновь народившейся губернской интеллигенции.

Соблаговолите прислать мне адрес - на чье имя в Орел я могу послать деньги в пополнение Тургеневского фонда.

С уважением и преданностью

Ваш Я. Полонский.

1897. 14 марта.

Глубокоуважаемый
Семен Константинович

Не помню, отвечал ли я Вам на Ваше любезное письмо от 14 января, и если не отвечал, то простите мне мою забывчивость.

Говорят у меня малярия – и вот ежемесячно повторяющаяся лихорадка <нрзб.> и так как мне уже 78 год <нрзб.>, - то Вы поймете, как после каждого припадка я ослабеваю и нравственно и физически. При этом часто полученные мною письма исчезают в массе других писем и, что всего досаднее, – я не могу работать – начинаю что-нибудь писать и не кончаю.

В заключение же я начинаю слепнуть – и по словам лучшего окулиста в Петерб<урге> Беллерманова левый глаз мой я должен считать как бы навсегда для меня потерянным.

Вот причина почему я оказался таким тупым, таким неотзывчивым на Ваш призыв по поводу Тургеневского праздника.

Читал я Ваш юбилейный «Орловский Вестник»¹ – и, радуясь за общественное настроение орловского общества, все же не могу Вам не признаться, что нахожу в известиях о И.С.Тургеневе много неверного и даже невероятного. Особливо странно мне было читать показание какой-то г-жи Х-о в с. Спасском.² Во всех заграничных русских церквах (я был в церквах в Женеве, в Берлине, в Париже и Вене, и в Неаполе) точно такие распорядки, как в России – нигде нет такого правила, чтоб публика оставляла в середине проход и становилась или двигалась направо или налево. И.С.Тургенев за день до своей смерти не был в Баден-Бадене – и при нем русская церковь едва ли существовала.

Какой прислужник мог заметить Тургеневу, что он в церкви нарушает порядок, - что, конечно, могло бы еще смутить Тургенева, но что он покраснел при этом – сильно сомневаюсь.

О смерти Тургенева узнал я в Одессе, в окрестностях которой лечился я, купаясь в грязи Соленого (?) озера – и, стало быть, физически не мог увезти письменного стола И.С., да и какое на это имел я право?

Вместе с этим письмом посылаю Вам два экземпляра моих рассказов (I и II том), где помещен рассказ мой о Тургеневе – или нашу с ним жизнь в с. Спасском в 1881 году.

Один экземпляр передадите Вашему обществу и извинитесь перед ним за меня. Написывая этот экземпляр, я буквально списал с <нрзб.> Юб<илейного> N. «Орловского вестника» - Общество изящных искусств – вместо Общество любителей изящных искусств – очень мне совестно, что вдался в такую нелепую ошибку, хоть про себя и недоумевал, что за странное Общество из<ящных> иск<усств>!!

Второй экземпляр передайте, ежели Вас не затруднит, книгопродавцу А.Н.Хализеву, - если не ошибаюсь, редактору «Орловского вестника».

Не знаю, будете ли Вы на меня в претензии, если я скажу Вам, что еще неверного было в Юб<илейном> номере «Орловского вестника»

Не правдоподобен «рассказ священника». ³ Фет не мог рассказывать И.С.Тургеневу то самое, что я ему рассказал в 1881 году, и что он впервые от меня выслушал. Рассказ этот о появлении какой-то таинственной тени в окне, вызывающей семинариста Ивана идти за ним – рассказ этот Вы прочтете в статье «Тургенев у себя» - сами поймете, что никто по этому случаю не скликал окрестных священников и что отцы не собирались – и Фет был вовсе не такой человек в этом вопросе.

Но прощайте. Пишу нескладно и неразборчиво...

Вам преданный и готовый к услугам Я.Полонский.

Примечания

1. Орловский вестник, 1897, 30 марта, № 85.
2. «Из Орла в Спасское» - там же.
3. «Рассказ священника» - там же.
Подчеркнуто Полонским.

Письмо А.В. Топорова Н.А. Щепкину.

Топоров Александр Васильевич (1831-1887), познакомился с И.С.Тургеневым в 1874 году через посредство Я.П.Полонского. С той поры до конца жизни писателя был ему исключительно предан, выполнял многочисленные и разнообразные поручения. По воспоминаниям современников, во время своих приездов в Петербург Тургенев всюду появлялся с Топоровым, который «по-видимому молился на него, предупреждая малейшее желание...»

В 1879 году Топоров по поручению И.С. Тургенева посетил М.Г.Савину, чтобы передать ей разрешение автора на изменения в пьесе «Месяц в деревне», которую актриса взяла для своего бенефиса. Впоследствии Топоров по просьбе Тургенева неоднократно посещал Савину, которая не могла не оценить его преданность писателю... «И в углу комнаты фигура, окаменевшая в почтительном восхищении <...>. Это был Топоров – неугасимая лампада перед Иваном Сергеевичем», - вспоминала Савина. Знакомство с Савиной продолжалось до самой кончины Топорова, который пережил Тургенева всего на четыре года.

С. Петербург
Сергиевская, 3
23 октября. 83

Любезнейший Николай Александрович,¹ обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, дело идет вот о чем:

М.Г.Савина² – очень скучает об Иване Сергеевиче, не может никак привыкнуть к мысли – что его уже нет.³ И вот, ей пришло в голову прокатиться в Спасское. Хочется еще раз посмотреть те места и комнаты, где ей было так весело всего два года тому назад.

Будьте любезны, по получении сего, не откажите написать мне, как это лучше сделать; т.е. когда удобнее выехать из Москвы, чтобы в Спасском пробыть несколько часов дня – ведь не ночевать же там – и воротиться в Мценск к вечернему поезду; где удобнее достать лошадей и карету, чтобы съездить из Мценска в Спасское. Да и вообще, прошу Вас написать Ваш взгляд на это дело. Я, со своей стороны, советовал М.Г. отложить эту поездку до весны, говорил ей, что теперь и темно и холодно, да она слушать ничего не хочет. Поэтому я и позволяю себе просить Вас не отказать в Вашем совете. Напишите так же, найдет ли она Вас в Спасском, а если нет, то к кому ей нужно будет обратиться, чтобы впустили в дом осмотреть комнаты.

Напишите так же мне, что делать с лентами от венков, они пока хранятся у меня. Если крестьяне пожелают, то я пришло их в Спасское, а если нет, то не отдавать ли в Публичную библиотеку, где хранятся некоторые ценные венки.

Присылки писем Ив.<ана> С<ергеевича> к его брату Н.С. <Тургеневу> я все еще жду. Надеюсь, что Вы исполните Ваше обещание.

Как Вы поживаете? Что у Вас нового, кто предъявляет права на Спасское? Из газет Вы знаете о содержании завещания И.С. <Тургенева>, оно коротко и ясно. СПб Окр<ужной> Суд утвердил его, о чем поверенный г-жи Виардо Герард, вероятно, уже писал Вам.

Итак, желаю Вам всего хорошего и доброго. Остаюсь в ожидании ответа.

Готовый к услугам А.Топоров.

Примечания

1. Щепкин Николай Александрович (1850-1914), внук великого русского актера М.С.Щепкина. С 1876 года и до самой смерти И.С.Тургенева был управляющим его имением и жил в Спасском.
2. Знакомство Топорова с Савиной состоялось в 1879 г. Он посетил актрису по поручению И.С.Тургенева в связи с постановкой пьесы «Месяц в деревне». В последствии оно неоднократно встречались при жизни И.С.Тургенева и продолжали поддерживать отношения после кончины писателя.
3. О состоянии М.Г.Савиной после смерти И.С.Тургенева свидетельствуют ее письма к А.Ф. Кони: «<...> Мне кажется, что я ослепла наполовину или сплю летаргическим сном: слышу, чувствую и не могу крикнуть». (29 авг. 1883 г.). «<...> сегодня я отслужила раннюю (чтоб никого не встретить) обедню в Лавре – и, наконец, могла заплакать (30 авг. 1883) и т.д. (См. Тургенев и Савина. ПТг., 1918. С. 91).

Письма П.Виардо.

Виардо Мишель Фернанда Полина, рожд. Гарсиа (1810-1921), - французская певица, выступавшая на оперных сценах Европы в 1839-1861 г.г.; композитор, автор романсов на стихи Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Фета, друг русских и европейских поэтов. Ею написана музыка к четырем опереттам на тексты Тургенева. Полина Виардо дважды гастролировала в России в сезоны 1843-1846 г.г. и 1852-53 г.г. С Тургеневым познакомилась в 1843 году, в первый свой приезд в Петербург. «Жизнь Тургенева и Виардо не есть жизнь обыкновенных людей. Полина Виардо была, по-моему, с Иваном Сергеевичем истинная пара по умственным достоинствам <...> все <...> было для него ничтожным [рядом] с теми высокими моментами, которые приковали его к дивной женщине, безобразной красавице <...>. Он был счастлив до гроба <...>. Деньги – вздор перед моментами наслаждения ума и сердца, которые дала ему m-me Viardot <...>», - писал близко знавший Тургенева в Париже в последнее десятилетие А.П. Боголюбов.¹

Кончина Тургенев была тяжелым ударом для П.Виардо. С 1883 года и до конца жизни свои письма Виардо писала на почтовой бумаге с траурной каймой и запечатывала их в траурные конверты.

В России помнили о Виардо, едва ли не больше, чем во Франции в тот период. Об этом свидетельствует и обращение к знаменитой певице Орловского Общества любителей изящных искусств с приглашением принять участие в концерте, посвященном 50-летию рассказа «Хорь и Калиныч», сбор с которого должен был пойти на основание фонда для сооружения памятника Тургеневу в Орле.

Предлагаемые к публикации два письма П.Виардо являются ответами на это приглашение. Чрезвычайно любопытным, на наш взгляд, является предложение, прозвучавшее в ее письме Ф.Ф.Похвалинскому о присылке в дар Обществу «рукописи И.С. Тургенева»!!! Известно, что по завещанию писателя, весь рукописный архив поступил в собственность П.Виардо и был передан впоследствии в Парижскую национальную библиотеку. Другьям Тургенева не хватило настойчивости, чтобы склонить Дирекцию Публичной библиотеки к приобретению этого бесценного архива для России.

В период написания П.Виардо письма землякам Тургенева рукописи великого писателя были еще в ее распоряжении. И одну из них она готова была прислать в Орел!!! Какую?! Почему не прислала? А если прислала, то где же она находится теперь? Увы! Вряд ли мы получим ответы на эти вопросы. Но...

Письмо П.Виардо Ф.Ф. Похвалинскому.²

(Перевод с франц. Л.А. Балыковой)

Милостивые государи, сожалею, что не располагаю библиотекой покойного Ивана Сергеевича, ибо я была бы счастлива иметь возможность принести ее вам в дар для музея И.С.Тургенева,³ который вы создаете.

Несколько русских книг, что были у меня в Париже, переданы мною русскому кружку в ту пору, когда его возглавлял г-н Боголюбов.⁴ Что же касается рукописей других авторов, их в Париже никогда не было. Библиотека, о которой пишут в газете,⁵ что вы мне прислали, находится в Спасском.

Но я могу вам предложить нечто лучшее: рукопись Тургенева! Рукопись одного из его произведений!⁶ (Подчеркнуто – П.Виардо). Будьте любезны указать мне самый верный способ переслать вам ее, и я поспешу выслать ее точно по адресу, который вы мне укажете.

Будьте любезны, сударь, принять выражение моих самых искренних чувств.

Полина Виардо.

20 марта 1897 г.

243 Бульвар С.-Жермен. Париж.

Примечания

1. А.П.Боголюбов посетил П.Виардо после кончины И.С.Тургенева и получил от нее в дар «для России» целый ряд тургеневских реликвий. Впоследствии они были переданы в собственность музея И.С. Тургенева в Орле, где находятся и поныне.
2. Письмо адресовано: Орел «Замок Башня», без указания фамилии Похвалинского - хранителя музея при Орловской ученой архивной комиссии.
3. Музей при Ученой архивной комиссии, на протяжении ряда лет собиравший и хранивший материалы, связанные с И.С.Тургеневым.
4. Имеется в виду «Общество вспоможения русским художникам в Париже», председателем которого был А.П.Боголюбов, близкий знакомый писателя.
5. Вероятно, имеется в виду газ. «Орловский вестник» с публикацией материалов о Тургеневе.
6. Осталось неизвестным, рукопись какого произведения собиралась прислать П.Виардо в подарок Орлу. Может быть, это был оставшийся неопубликованным последний роман писателя «Жизнь для искусства», о котором примерно в это время писали в русской прессе? Местонахождение рукописи остается неизвестным.
Подчеркнуто П.Виардо.

Письмо П.Виардо С.К. Живописцеву.¹

(Перевод с франц. Л.А. Балыковой)

243 Бульвар С.-Жермен

21 февраля 1897 г.

Милостивые государи!

Письмо, которым вы оказали мне честь, повергло меня в большое затруднение! Вы просите о моем музыкальном или литературном участии в юбилее вашего великого поэта Ивана Тургенева.²

Будьте любезны сообщить, что вы ожидаете от меня, и я с поспешностью постараюсь доказать вам мое огромное желание быть вам полезной и вместе с вами отдать дань памяти моему незабвенному великому другу!

В ожидании ответа я прошу вас, милостивые государи, принять выражение моих самых искренних чувств.

Полина Виардо.

Примечания

1. Председатель Общества любителей изящных искусств. Фамилия Живописцева устанавливается по адресу на конверте.
2. 30 марта 1897 года в Орле состоялся тургеневский вечер, посвященный 50-летию 1-й публикации рассказа «Хорь и Калиныч» и для основания фонда на памятник И.С. Тургеневу. Вечер был организован Орловским обществом любителей изящных искусств.

Письмо Мельхиора де Вогюз С.К. Живописцеву.¹

(Перевод с французского)

Париж, февраль 1897

Милостивый государь, от всего сердца присоединяюсь к соотечественникам Тургенева, желающим ознаменовать в его родном городе полувековой юбилей его первого шедевра. Я едва ли могу найти еще новые выражения, чтобы воспроизвести то восхищение, которое я неоднократно высказывал в своих прежних трудах о творчестве Ивана Сергеевича.

Я лучше послужу памяти великого покойного, возложив на его монумент венец, которым его украсил другой покойный. Наш знаменитый Тэн,² лучший критик всех величайших творений искусства, каких я знаю, ставил Тургенева выше всех художников, создававших жизненные образы в нашей современной литературе. Я часто слышал от него выражение этого чувства, выражение, полное силы и убежденности; он дал трогательное доказательство этой высокой оценки Тургенева в момент своей смерти.

В последний раз, когда я видел Тэна, за два или три дня до его смерти, он был сильно изнурен болезнью, запрещавшей ему всякое напряжение.

«Я уже не в состоянии читать, но мне читают повести Тургенева: они доставляют мне величайшее духовное наслаждение, не вызывая не малейшего усилия». И он еще раз повторил то, что часто говорил мне: «Тургенев принадлежит к самым совершенным художникам, которые когда-либо существовали со времен Древней Греции, и никто не может сравниться с ним в обоснованном выборе материала, в чувстве меры и скульптурной красоте форм. Каждая из его небольших повестей заставляет думать о безупречной античной камее».

Так Тэн погружался в это возвышенное видение духовной красоты, которой никто не мог достичь, по его мнению. И пока будут люди, чувствующие подобную красоту, Тургенев будет вызывать в них такое же восхищение.

Его слава как будто померкла в России и за границей в течение последних пятнадцати лет: наш век, шумный, стремительный, жадный до новизны отдался иным проявлениям искусства и, казалось, забыл тот путь, который вел в это святилище совершенства. Но к нему все же возвратятся. Так некогда мистическая красота готической архитектуры заставила наших предков забыть на долгое время чистую красоту Парфенона, но затем человечество вернулось к этим божественным формам Разума и к этой музыке камня, которая воспеваает совершенство человеческого гения на скалах Аттики.

Произведения Ивана Сергеевича будут вечны, как древне-греческие. О них можно сказать то же, что сказано в его «Дворянском гнезде». Старый Лаврецкий, возвратившись после многих лет разлуки, видит жизнь молодеющей и яркой... «Дом Марии Дмитриевны как будто помолодел <...> опять повеяло с неба сияющим счастьем весны; опять улыбнулась она земле и людям, опять под ее лаской все зацвело, полюбило и запело <...>»³

Примите уверение, м. г. в том, что я искренне сочувствую Вам и всегда остаюсь признательным поклонником... великого писателя, который дал мне столько приятных и мощных впечатлений и волнений, славного уроженца Орла И.С.Тургенева, нашего учителя и путешителя.

E.M. de Vogüe,

Член французской Академии

Примечания

1. Письмо Мельхиора де Воюэ, члена Французской Академии, председателю Орловского общества любителей изящных искусств С.К.Живописцеву является ответом на предложение последнего принять участие в праздновании 50-летнего юбилея со дня выхода в свет первого рассказа из «Записок охотника» – «Хорь и Калиныч» («Современник», 1847, № 1).
2. Тэн (Taine) Ипполит (1828-1893), французский историк, философ-позитивист, исследователь литературы и искусства. Известен его интерес к творчеству Тургенева в 1870-х – 1880-х годах. К этому же времени относится его переписка с Тургеневым. «Перевод «Живых мошей» появился в «Temps» - и поэтому поводу Тэн (Taine) написал мне энтузиастическое письмо !!! Вот не думал не гадал». (Тургенев П.В. Анненкову, 1874 30 марта (11 апреля) Париж). Тургенев отослал Тэну роман «Дым».
3. Цитата из романа «Дворянское гнездо» приведена по-русски.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О СПАССКОМ-ЛУТОВИНОВЕ С.С.ТОЛСТОГО И Н.П.ПУЗИНА¹

(Публикация и комментарии Л.В.Дмитрюхиной)

Я, С.С.Толстой, был с моим отцом С.Л.Толстым и своей мачехой в Спасском-Лутовинове летом 1911 г. Я, Н.П.Пузин, был в Спасском-Лутовинове вместе с матерью М.А.Кологривовой-Пузиной в 1916 году и затем многократно до настоящего времени.

Дорога в усадьбу со станции Бастыево проходила примерно мимо того места, где в настоящее время находится сельпо, и вела к месту, где стоял дом Тургенева, мимо конного двора. Напротив флигеля стоял одноэтажный бревенчатый дом, расположенный возле ясеня (ясень был подрезан в виде бокала садовником-латышом при Галаховых). Когда и кем был разобран так называемый «галаховский дом», я не помню, но его не было и в 1926 году. [Н.П. Пузин]. Этот дом помнит и С.С.Толстой.

В 1911 году О.В.Галахова² принимала Толстых в саду. Флигель был необитаем. На месте сгоревшего дома и каменной галереи остались груды кирпича. В зарослях бурьяна возле дома было много цветов (одичавшие розы, пионы, маргаритки, колокольчики и другие). Лишь одна клумба была обработанной. На всем лежал отпечаток запущенности. Сады были сданы в аренду.

На хуторе Петровском велось хозяйство, за которым, главным образом, наблюдала дочь О.В.Галаховой К.Н.Галахова.³

Старшие Галаховы считали своей основной усадьбой Клейменово, очень мало заботились о Спасском. С.С.Толстой и Н.П.Пузин помнят, что им не раз приходилось слышать от родных и знакомых, что Галаховых упрекали в запущенности Спасской усадьбы.⁴

Мавзолей был уже полуразрушен, возле него росли ели, кусты сирени и бузины. Камень на могиле француза-гувернера находился в зарослях возле мавзолея. Вокруг усадьбы была канава. По ней росло много старых плакучих берез. Березы также росли вдоль дороги мимо богадельни к конному двору; так называемая «водовозная дорога» (ныне главная).

Чугунной ограды возле церкви мы не помним. В церкви Н.П.Пузин помнит распятие итальянской работы, дар В.П.Тургеневой, которое стояло на жертвеннике в алтаре, и ряд старых икон, о которых Н.П.Пузину рассказывал священник Спасской церкви.

Возле церкви было много памятников и могильных плит. С.С.Толстой смутно помнит, что у самой церковной стены находилась плита с надписью, обозначающей место погребения Тургеневых или Тургенева (одного из родственников). Н.П.Пузину К.Н.Галахова и управляющий Спасской усадьбой А.И.Дубец показывали место возле церкви, где был, по их словам, погребен «Степной король Лир».

От церкви к дому шла выложенная белыми каменными плитами, так называемая со слов К.Н.Галаховой «господская дорожка», которая приводила к паперти храма. Лужайка для игр была, как и теперь, обсажена акацией, а около акации росли березы. На лужайке росло несколько старых яблонь.

Партер до поперечной аллеи представлял собой «аглицкий сад» с большими светлыми лужайками, на них росли куртинами группы деревьев, обсаженные кустарниками жимолости, акаций, барбариса, спиреи, жасмина и др. кустарников. Вообще для парка были характерны заросли этих кустарников. Дуб рос на открытой полянке.

К.Н.Галахова показывала, со слов своей матери, Н.П.Пузину место возле дуба, где Тургенев закопал свою любимую охотничью собаку, но точно этого места он не помнит.

Возле конюшни, на месте огородов, был круг из пихт еще не очень старых, который существовал до 1941 года. У Н.П.Пузина - этюд этих пихт с натуры, выполненный в 1939 году Е.К.Бруни.

На склонах к «Савинскому пруду», начиная от плотины, до ели «Два брата» находились густые заросли хвойных деревьев. Там росли пихты, кедры, серебристая ель, Ваймаговские сосны и ели. Заросли обрамлялись мелким кустарником. Справа от дорожки росли серебристые тополя, а на другом берегу пруда росло несколько дубов, начиная от места, где был устроен слив вод из пруда. Около пруда росло много берез и плакучих ив.

Рядом со старыми елями была так называемая «фруктовая поляна», где росли сливы, груши, малина, смородина, в клиньях регулярного парка росло несколько яблонь.

Запись сделана 30 июля 1959 года в Государственном заповеднике-усадьбе И.С.Тургенева Спасском-Лутовинове старшим научным сотрудником музея И.С.Тургенева Б.В.Богдановым.

Правильность записанных с наших слов воспоминаний подтверждаем.

С.С.Толстой.
Н.П.Пузин.

Примечания

1. В рукописном фонде Государственного литературного музея И.С.Тургенева хранятся документы и воспоминания разных лиц, касающиеся истории родовой усадьбы писателя Спасское-Лутовиново. Несомненный интерес по своей достоверности представляют предлагаемые читателям «Тургеневского ежегодника» воспоминания внука Л.Н.Толстого – Сергея Львовича Толстого (1897-1974) и старейшего музейного работника России Николая Павловича Пузина (род. в 1914 г. в Орле), который многие годы проводил летний отдых в Спасском. Эти воспоминания были записаны 30 июля 1959 года старшим научным сотрудником музея И.С.Тургенева Борисом Викторовичем Богдановым. Машинопись воспоминаний заверена собственноручными подписями С.С.Толстого и Н.П.Пузина.
ОГЛМТ. ПП. Фонд №1, ед. хр. 4401 оф., лл. 1-3.

2. Галахова Ольга Васильевна (1858-1947), племянница поэта А.А.Фета, жена орловского вице-губернатора Н.П.Галахова, одна из наследниц И.С.Тургенева, унаследовавшая Спасское-Лутовиново.
3. Галахова Кира Николаевна (1886-1967), дочь О.В. и Н.П. Галаховых. Жила после 1919 года и умерла в Париже. Ее портрет работы худ. А.Столыпина представлен в экспозиции музея И.С.Тургенева.
4. Следует отметить, что семья Галаховых видела способ сохранения Спасского-Лутовинова в приобретении его в государственную собственность, о чем они хлопотали перед российским правительством. Галаховым удалось сберечь вещи И.С.Тургенева из усадебного дома и организовать в своем орловском доме спасские интерьеры. В 1918 году в доме Галаховых был открыт музей И.С.Тургенева.

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО М.С.ЩЕПКИНА К И.С. ТУРГЕНЕВУ

(Публикация текста Н.П. Генераловой. Вступительная статья и примечания
Е.В. Проца)

Письмо М.С.Щепкина к И.С.Тургеневу - первое и на сегодняшний день единственное, ставшее нам известным благодаря поиску д.ф.н. старшего научного сотрудника ИРЛИ (Пушкинский Дом) Натальи Петровны Генераловой. Она разыскала его в Национальной библиотеке (Париж).

Письмо представляет собой два листа, исписанных чернилами с лицевой и оборотной сторон характерным почерком Щепкина. Окончание его утрачено. Дата отсутствует, но можно с достаточной уверенностью определить время его написания, исходя из содержания послания.

Автор письма упоминает о петербургских гастрольях, а затем о двух спектаклях комедии «Холостяк» И.С.Тургенева, сыгранных им в Москве (25/6 февраля и 6(18) февраля) на сценах Большого и Малого театров в 1850 году (см. Гриц Т.С. М.С.Щепкин. Летопись жизни и творчества. М.: Наука, 1966. С. 451-452; История русского драматического театра. В 7-ми т. Т.4. М.: Искусство, 1979. С. 409). Следовательно, письмо было написано после 6(18) февраля 1850 года, но не позднее времени отъезда за границу купца А.П.Варенцова, с которым М.С.Щепкин собирался отправить свое послание. (К сожалению, дату отъезда выяснить пока не удалось).

Знакомство И.С.Тургенева с М.С.Щепкиным состоялось в мае 1846 года. Сложившиеся дружеские отношения, восхищение талантом артиста в большой степени способствовали обращению писателя к драматургии. Тургенев посвятил Щепкину комедию «Нахлебник» (1848), для него же написал комедию «Холостяк» (1849), отдал актеру для бенефиса «Провинциалку» (1850). «Я не могу ни в чем отказать этому прекрасному и достойному человеку», - признавался И.С.Тургенев в письме к П.Виардо (Тургенев И.С. ПСС и П, П (2). Т.2. С. 85). В свою очередь Щепкин тринадцать лет не оставлял попыток добиться цензурного разрешения на постановку «Нахлебника», живя мыслью о роли Кузовкина (см. статью Грица

Т.С. «М.С.Щепкин и Тургенев» в изд.: Тургенев И.С. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1967. С. 549-567 (Литературное наследство. Т. 76).

В конце 1849 года Тургенев жаловался А.А.Краевскому: «Мои петербургские приятели словно забыли о моем существовании, хоть бы один мне строчку написал. Без писем, без журналов я совершенно отрезан от России: это мне тяжело...» (ПСС и П, П (2). Т.1. С. 337). Судя по началу публикуемого письма, М.С.Щепкин тоже не был образцовым корреспондентом, но он всегда оставался для писателя одной из важных связующих нитей с живым театральным процессом.

Его письмо - ответ актера на неизвестные нам письма Тургенева. Щепкин сообщает писателю сведения о том, как он распорядился комедией «Завтрак у предводителя», рассказывает о прошедших четырех спектаклях «Холостяка» во время его гастролей в Петербурге, а также двух спектаклях в Москве. Но главное, по просьбе Тургенева излагает свои впечатления от комедии «Холостяк», пытаясь сам понять и объяснить писателю, отчего происходят колебания в настроении публики, принимающей «Холостяка» то восторженно, то неудовлетворительно. Анализируя пьесу, Щепкин особое внимание обращает на 2 акт, находя в нем недостатки и тут же утверждая, что в нем «все так умно, так необходимо для целого», трогательно оберегая самолюбие автора. Он как бы предлагает Тургеневу самому сделать выводы из его предположений. Отвергая необходимость в действии комедии литератора Созомэноса - «поэта, который, простите, право, тут ни к селу ни к городу» - Щепкин в этом утверждении не оригинален: об этом же писал ранее Н.А.Некрасов в рецензии на пьесу и анонимный критик из «Северного обозрения», который удалил бы, будь его воля, из пьесы не только Созомэноса, но и Пряжкину (см.: Современник, 1849, № 11, 1849. Т.11, кн. 2, отд. «Смесь». С.138-142; Северное обозрение, 1849. Т. II, кн.2, отд. «Смесь». С.642-658). Но после утверждения, что Созомэнос лишний, артист неожиданно продолжает: «Конечно, постороннее лицо тут нужно, потому что положение Виллицкого делается драматичнее...». В этом замечании - удивительное прозрение Щепкина, идущее от его богатого артистического опыта, глубокой актерской интуиции. И это дорогого стоит. Щепкин совершенно точно уловил, что именно смех Созомэноса, подслушавшего объяснение Маши и Виллицкого, приводит к последствиям необратимым: герой окончательно утверждает в своем решении расстаться с невестой.

Иное дело, что Щепкин чувствует, но не может объяснить и осознать: почему «второй акт тянется холодно» до появления Мошкина? Артист ставит под сомнение интерес зрителя к образу Виллицкого, как ему кажется, «добренькому, необразованному» легкомысленному человеку, укоряет актеров Максимова и Самарина в плохом исполнении этой роли, но не осознает истинной причины: новизны драматургического письма Тургенева, которое уже невозможно в полной мере выразить средствами традиционного театра. Столь же необоснованно его отрицание причитаний Пряжкиной в финале: «Ах... удар... удар... голубчик мой, помоги... удар...», когда она увидела, как ей показалось, искаженное лицо Мошкина. Щепкин совершенно

прав с точки зрения здравого смысла, но впервые, пожалуй, забывает о правде характера, выписанного Тургеневым - характера Пряжкиной, чья фантазия далека от подобной рассудительности.

Нам неизвестно, как воспринял Тургенев письмо Щепкина и его замечания. Известно лишь, что он позднее возвращался к тексту комедии, тщательно редактируя его, убирая длинноты, повторы, но «лишние» Созомнос и Пряжкина из пьесы удалены не были. При всей внешней мягкости и неумении порой отказать актеру, талант которого писателю был дорог, прощая, положим, А.Е.Мартынову даже незнание текста в «Провинциалке», очевидно, за блистательную импровизацию, Тургенев был крайне неуступчив, когда дело касалось найденных им основополагающих принципов его драматургии. Но отстаивать их писатель мог только при публикации, но не в современном ему театре.

Текст пьесы М.С.Щепкина к И.С.Тургеневу публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Slave-81
ff.22-23

Милостивый государь
Иван Сергеевич

Много, много я виноват перед Вами не отвечая на Ваши приятные письма,¹ и до сих пор не сказал вам огромное спасибо за комедию² и еще более за роль Мошкина которая сделалась моей любимой ролью хотя я и не овладел ею еще вполне: что делать старость имеет свои привилегированные неудобства. Без вашего ведома я распорядился комедией «Завтрак у предводителя»³ в Питере я отдал ее на бенефис П.Каратыгину а здесь Живокини в Питере она имела огромный успех а в Москве не совсем удачно, но с каждым представлением она более нравилась публике. Холостяка // в Питере я играл четыре раза в первые разы она принята ни хорошо ни дурно но в последний раз принята с восторгом:⁴ в Москве играли два раза⁵ ее принимали но неудовлетворительно второй акт налагает на пизсу какую-то тяжесть хотя совершенно не видишь что бы в нем изменить все так умно так необходимо для целого Кроме поэта который простите право тут ни к селу ни к городу. Конечно постороннее лицо тут нужно потому что положение Виллицкого делается драматичнее. Но почему-то хотя и в такой форме сцена Маши с Виллицким не достигает чего бы должно я думаю // Причиною тому, что это добренькое не образованное существо, но шалун (?), не лишенное своего рода гордости не настолько для зрителей интересно что бы принять в ней участия, так что до появления Мошкина второй акт тянется холодно, хотя этому еще главною причиною: и в Питере и здесь он выполняется плохо: в Питере Максимов⁶ совсем не понял своего положения, здесь Самарин⁷ понял но зато слишком переактерил так что естественного наивного страдания в роли Петруши ни на одно мгновение не было. Но за то третий акт удивительно хорош и всегда принимается прекрасно роль

Пряжкиной превосходна в Питере ее играла Линская⁸ здесь Сабурова⁹ обе превосходно.

За исключение последней сцены где Пряжкина говорит глядя на восторженного Мошкина Удар, батюшка, удар, кажется это маленькая коррекция (?) она могла бы об нем подумать что с ним сделалась белая горячка, что он с ума сошел; но что бы про бегаящего человека можно было подумать что с ним удар немного неестественно: не осудите меня за мое мнение о пизсе. Я это делал по вашему собственному желанию и не слишком полагайтесь на мой взгляд хотя в настоящее время это мои убеждения

На днях едет мой знакомый купец Варенцов¹⁰ за границу я с ним посылаю к вам комедию наделавш¹¹!...! /письмо обрывается/ конец письма утрачен/.

Примечания

1. Эти письма И. С. Тургенева к М. С. Щепкину неизвестны.
2. М.С. Щепкин имеет в виду комедию И. С. Тургенева «Холостяк».
3. Премьера комедии И.С.Тургенева «Завтрак у предводителя» состоялась в 1849 году - в Петербурге в бенефис П.А.Каратыгина 9(21) декабря и в Москве - в «полубенефис» актеров И.В.Самарина и В.И.Живокини 23 ноября (5 декабря). И в том, и в другом городе комедия шла под названием «Завтрак у предводителя, или полюбовный дележ». М.С.Щепкин играл в московском спектакле роль Балагалаева.
4. Премьера комедии И.С.Тургенева «Холостяк» состоялась на Александринской сцене 14 (26) октября 1849 года во время гастролей М.С.Щепкина в Петербурге. Кроме этого спектакля, прошли еще три: 17(29) октября, 20 октября (1 ноября) и 31 октября (12 ноября) 1849 г.
5. Премьера комедии И.С.Тургенева «Холостяк» состоялась на сцене Большого театра в Москве в бенефис М.С.Щепкина 25 января (6 февраля) 1850 года. Второе представление прошло на сцене Малого театра 6 (18) февраля 1850 года.
6. Максимов 1-й, Алексей Михайлович (1813-1861), актер Александринского театра 1833-1861 г.г.
7. Самарин-«младший» Иван Васильевич (1816-1885), ученик М.С.Щепкина, актер Малого театра 1837 - 1885 гг.
8. Линская (урожд. Коробьина) Юлия Николаевна (1820-1871), актриса Александринского театра 1841-1850 гг., 1853-1871 г.г.
9. Сабурова 1-я (урожд. Окунева) Аграфена Тимофеевна (1795-1867), актриса Малого театра 1814-1867 г.г.
10. Варенцов Александр Петрович, купец, в 1850-е годы - директор нижегородской ярмарочной конторы и театра.
11. «Комедия, наделавш...» - очевидно, «много шума в Москве». С большой вероятностью речь идет о комедии А.Н.Островского «Банкрот» («Свои люди сочтемся»). 3(15) декабря 1849 года М.С.Щепкин присутствовал на вечере у М.П.Погодина, где А.Н.Островский и П.М.Садовский читали ее приглашенным слушателям, среди которых были Н.В.Гоголь, А.Ф.Вельтман, Н.В.Берг и др. (См.: Гриц Т.С. М.С.Щепкин. Летопись жизни и творчества. С. 450).

СОХРАНИМ ЛИ СВЯЗЬ ВРЕМЕН?

«Слушали доклад Ткачевского и Португалова об осмотре дома и усадьбы Гермута в III части г. Орла, которым народным говором (выделено мною. – А.Г.) присвоено название «Дворянского гнезда» как месту, где разыгралась печальная история главных действующих лиц в романе Тургенева - Лаврецкого и Лизы Калитиной», - записано в протоколе заседания комиссии по охране памятников искусства и старины 9 октября 1921 года.

А в последний год двадцатого столетия в Орле возникла реальная угроза уничтожения дома № 1 по ул. Октябрьской, дома, почти полтора столетия считавшегося «калитинским». В 1903 году здесь был установлен памятник И.С.Тургеневу и открыт сад «Дворянское гнездо». В спорах и разногласии лишь вскользь упоминается об Орловском обществе любителей изящных искусств, по инициативе и усилиями которого было увековечено имя писателя. А между тем члены общества уж наверняка знали историю дома. Это были представители лучшей части орловской интеллигенции.

Среди них Сафонов Василий Африканович, сын Африкана Васильевича Сафонова, хорошего знакомого И.С.Тургенева, владельца «калитинского» дома с 1859-го до середины 80-х годов; Галахова Ольга Васильевна, родственница Тургенева, наследница Спасского-Лутовинова, в орловском доме которой в 1918 году был открыт музей И.С.Тургенева; литератор и краевед Лясковский Валерий Николаевич; общественный деятель и меценат Живописцев Семен Константинович, ценные дары которого до сих пор хранятся в Тургеневском музее. Это первые хранители губернского музея Ферро и Похвалинский, семьи Тарачковых, Юрасовских, Офросимовых, Кашкиных - ученых, краеведов, музыкантов.

В Орле жил Леонид Бенедиктович Генчель - сын того самого австрийского немца Венедикта Флориановича Генчеля, который работал капельмейстером в Болхове, а в самом конце пятидесятых - начале шестидесятых годов прошлого века переехал с семьей в Орел и открыл на Болховской улице музыкальный магазин в доме Петрака на втором этаже. Это произошло, когда только что вышел в свет роман «Дворянское гнездо», которым зачитывались орловцы. В семье Генчелей жило предание о том, что дед был знаком с Тургеневым, и что многие черты его воспроизведены в образе Лемма: музыкальный талант, любовь к серьезной классической музыке, ершистость характера.

Генчели дружили с семьей Сафоновых. Александр Леонидович Генчель, внук музыканта, хорошо знал и встречался после революции с Надеждой и Африканом Африкановичем (это редкое имя в семье Сафоновых было в каждом поколении), а в двадцатые годы еще жила в Орле грозная начальница Николаевской женской гимназии Зинаида Африкановна Сафонова. Автор этих строк встречалась с Верой Африкановной Сафоновой

(по мужу Табульская), приехавшей в Орел в 1965 году из Риги. Все они, их друзья когда-то жили на Дворянских улицах, на Садовой, Болховской, в соседстве друг с другом, встречались в одних домах, составляли культурное общество Орла. Для орловской интеллигенции и «отцов» города (многие из них тоже были членами общества любителей изящных искусств) в конце девятнадцатого и начале двадцатого века не было ни малейшего сомнения в подлинности «дома Калитиных».

Во время революции и гражданской войны было разрушено немало усадеб, дворцов, храмов. В бывших богатых домах большие залы делились на клетушки «в порядке уплотнение населения». Но новая власть понимала, что с гибелью «старой» культуры обрушатся основы любого государства. Тогда выходили многочисленные декреты и постановления о взятии на учет, регистрации и сохранении памятников искусства и старины, создавались и на местах коллегии, комиссии, отделы, проводившие всю эту работу. На защиту памятников встала «старая» интеллигенция (другой не было), ее представители возглавляли музеи, работали в комиссиях.

В 1921 году при губмузее была создана такая комиссия в Орле. Ее возглавил художник и археолог Петр Сергеевич Ткачевский, в комиссию вошли заведующий музеем И.С.Тургенева Михаил Вениаминович Португалов, заведующий губернским архивом Иван Стефанович Комягинский (бывший секретарь Орловского Церковного историко-археологического общества), художник Александр Лаврентьевич Лаврентьев, фотограф Афанасий Высоцкий (бывший священник) и другие.

Эти люди обследовали, описали, сфотографировали или зарисовали сохранившиеся тогда ценные в историческом и художественном отношении здания. Португалов вместе с Ткачевским не раз выезжали в Спасское-Лутовиново, собрали большой печатный материал, сделали рисунки, фотографии. В протоколах комиссии отмечены трудности, с которыми была сопряжена ее работа. В протоколе 30 октября 1921 года записано:

«Слушали Португалова о невозможности выехать в Спасское-Лутовиново 15 октября, так как поезд № 21 потерпел крушение недалеко от города Курска, и служебный не пошел по причине отсутствия паровоза. Кроме того, **за отсутствием теплой одежды и обуви** (выделено мною. — А.Г.) поездка не состоялась и в другие дни».

На заседании 5 августа 1921 года был впервые поставлен вопрос об осмотре «Дворянского гнезда» и «определении здесь мест, которые следует так или иначе запечатлеть в рисунке, плане или фотографии и сохранить от разрушения». Комягинскому было поручено выяснить обстоятельства жизни Евдокии Коротневой. 15 октября он уже докладывал об осмотре им келии схимонахини Макарии во Введенском женском монастыре. Он выяснил, что у монахини Марии, бывшей келейницы Макарии, хранится ее портрет, и что на станции Домнино живет сестра Макарии. «Постановили. Поручить Комягинскому взять на время портрет схимонахини Макарии для переснятия и снести с ее сестрой относительно установления биографии схимницы Макарии для выяснения художественного творчества И.С.Тургенева».

Иван Стефанович составил биографию Макарии, сделал рисунки и чертежи келий, могилы и представил на заседание комиссии. Все, что относилось к тургеневской теме, передавалось через Португалова в музей И.С.Тургенева. Так в нем оказались рисунки келий, могилы, фотографии. Фотография Макарии (Евдокии Коротневой) почти 80 лет хранится в музее И.С.Тургенева — это ли не доказательство жизненной силы легенды о Лизе Калитиной!

В список домов, подлежащих обследованию и описанию, Ткачевский и Португалов внесли и «дом Гермута» (последнего владельца «дома Калитиных»). Обследованием дома занялись сами и вскоре уже докладывали комиссии о своих выводах: «На улицу фасадом выходит каменный одноэтажный дом, комнаты в доме небольшие <...>, дом каменный имеет недавние переделки <...>. Вплотную к каменному дому находился деревянный двухэтажный дом-флигель <...>». Краеведы отметили, что в доме уже нет «обширных залов и гостиных, которыми отличались постройки сороковых годов прошлого столетия».

При доме находился большой сад, который «расположен на высоком берегу Орлика и открывает превосходные виды на город с одной стороны и на поле с другой», - записано в протоколе. Связь дома Гермутов с романом И.С.Тургенева у Ткачевского и Португалова не вызвала сомнения. Они ощущали свой долг перед потомками и в то трудное время стремились собрать как можно больше сведений о городе. За семь месяцев, ими сделаны 103 рисунка, 56 фотографий, описаны кроме дома Гермута дом Фомичевых - памятник деревянного зодчества первой половины прошлого века, Архиерейский собор, Троицкая церковь XVII в. в Болхове и другие выдающиеся здания.

В краеведческом музее сохранились двадцать три протокола заседаний, исторические справки, рисунки и чертежи Ткачевского и Комягинского. Долг наш с вниманием и благодарностью относиться к трудам своих предшественников, не разрывать, а укреплять связующую нить времен.

Приложением к статье А.В. Гольцовой мы публикуем письма к ней А.Л.Генчеля, потомка Венедикта Флориановича Генчеля, упоминаемого в статье.

4/VI-65.

Уважаемая Антонина Васильевна!

Я очень обрадовался Вашему письму и фото, за которое спешу поблагодарить. Вы ждали моих строк, а я Ваших.

Жена вынула письма из самодельного ящика на нашей входной калитке (которую, я надеюсь, Вы в один превосходный день откроете своей рукой), вручила мне письмо и упрекнула, что я не заглядываю в ящик.

Жена всегда находит повод, чтобы за что-нибудь упрекнуть, а то и ругнуть...

Так уж водится! Мы внимательно рассмотрели группу¹ и та положительно отозвалась о Вашей внешности, с чем я согласился не только из покорности своей супруге.

Письмо Ваше, как и прежние, написаны так искренне, тепло, что мне кажется – будто мы с Вами давно знакомы и чуть ли не сродни.

Сочувствую Вам в потере старого и хорошего знакомого, а еще больше в трагической гибели В[ашего] отца. Но, милый историк, зачем же распускать свои нервы? У Вас повседневная и интересная работа, и в ней надо находить утешение.

Я рад, что в Орле, помимо глупостей (как везде), делаются и полезные вещи. Относительно своей поездки еще не решил. Сообщу Вам, что когда Сергей² был этой весной у меня, то я расхрабрился и сказал следующее: «Когда у тебя будет отпуск, то я приеду на несколько дней в Орел, а потом мы с тобой вместе поедem в Москву». Ему этот план понравился, и вскоре он сообщил, что с 15 июня предполагает взять отпуск. А жена моя что-то неохотно относится к моей поездке – не хочет одна оставаться. Так что я не решил этого вопроса.

Ваше сообщение о Табульской³ развернуло передо мной целую страницу воспоминаний о семье Сафоновых. Семья эта давно знакома была с моими родителями. Как показывает набросок,⁴ усадьба Сафоновых находилась между ст. Отрадой и платф. Железница, недалеко от с. Воин, а от нашей Слободки верстах в 8-9.

Эта усадьба возле села Сергиевское мне очень памятна. В течение лета, бывало, посещали мы друг друга раза 2-3, обычно в семейные праздники. Ехали в пролетке мимо ст. Отрада по бывш. «Большаку», через дер. Лисица, потом сворачивали вправо, через переезд (пунктир).

Усадьба была старая, с 2-эт. домом – низ кирпичный, верх деревянный, у дома довольно большой, запущенный сад с липовыми тенистыми аллеями и курганом, откуда видны были поезда. Я помню в детстве еще старушку Юлию Петровну Сафонову,⁵ которой уже тогда было лет под 80: худая, желтая, глухая, но всегда по-старинному прямо державшаяся.

У нее было несколько сыновей и дочерей. Вспоминаю Петра Африкановича, затем Надежду Африкановну, Зинаиду Африкановну, грозную начальницу гимназии. У нее от природы даже была заложена на лбу грозная складка. А Надежда Африкановна, тетя Надя, была подругой моей мамы, - небольшого роста, худенькая, очень добрая, веселая и остроумная.

Её сыновья, Сергей, Николай и Борис, были моими приятелями. Борис (Бобка) был, впрочем, моложе, и мы всегда старались от него отделаться во время наших прогулок. Братья обычно принимались его дразнить, коверкая слова: «Бобка гаусь, Бобка лянь!» Тот начинал реветь и шел жаловаться, а нам только этого и надо: задавали от него стрекача! При этом говорилось: «Бобка поехал на станцию «Ревякино!»

Бродили мы около высокого жел. дор. моста через речку Лисицу и ручей Воин. Сергей учился в Орл. Бахтина кад. корпусе и позже был офицером. Николай кончил 1-ю гимназию, затем Петрогр. Морской корпус (погиб в гражданскую войну), а Борис был в Петрограде, работал вагоновожатым трамвая, а позже я о нем ничего не слышал.

С девочками в наших играх мы «не водились»; но хорошо помню Веру, дочь Африкана Африкановича. Она тоже приезжала к нам в гости, в Слободку. Сохранилась у меня группа, снятая у нас в саду в 1912 г., и там Вера сидит на песке.

Очевидно это и есть В.А. Табульская. А что она носит фамилию Табульской, то этого я не знал. Фамилия эта мне знакома: в 1920 г. я служил в Орле в запасной Автороте, и у нас служил молодой человек Табульский, тонкий, стройный, с интеллигентным лицом. Не он ли муж Веры Афр.? Если увидите ее, то скажите, что я ее помню и прошу передать искренний привет.

Кстати, редкое имя Африкан было издавна в семье Сафоновых. Отец мне говорил, что еще в прошлом веке известный поэт Апухтин, большой остролов, придумал для них ботаническое название – «Saphonica Africonica». А известную какую-то орловскую старушку по имени Варвара, маленькую, кругленькую и любившую пить чай, Апухтин называл: «Самоваринька – Шароваринька».

Чтобы не забыть: когда будете проезжать с поездом по перегону Думчино-Отрада (конечно, не ночью), то посмотрите в сторону Сергиевского и увидите, примерно в полукилометре от ж.д. остатки усадьбы Сафоновых: сад, конечно, был вырублен, но, видимо, что-то выросло опять. А дальше (к Орлу) на берегу р. Лисицы, на месте деревеньки Колотовки, построен сахарный завод.

Ну, заболтался! Только что узнал о своих фото. Их уже пересняли, но учащийся [технику]ма был это время занят на экзаменах, а теперь освободился и будет их отпечатывать. Надеюсь скоро их Вам выслать.

До свидания. Не грустите, боритесь, не болейте, пишите.

Ваш А.Генчель.

13/VI-65.

Уважаемая Антонина Васильевна!

В дополнение к моему письму, которое Вы, вероятно, получили, хочу обратиться к Вам с просьбой. Если увидите Веру Африкановну, то попросите ее мне написать об известной ей судьбе всех членов семьи Сафоновых. После революции я еще видел тетю Надю, Афр. Афр., знаю, что в 20-х г.г. была еще жива Зин. Афр., видел Сергея Александровича, знаю, что его брат Коля погиб в 1919 г., но с тех пор не слышал ничего ни о ком.

Буду очень благодарен за сведения. Жду известий. С приветом Ваш корреспондент А.Генчель.

Примечания

1. ... рассматривали группу – речь идет о фотографии, на которой изображены сотрудники Областного краеведческого музея.
2. Сергей Леонидович Генчель, младший брат Александра Леонидовича Генчеля, живший в эти годы в Орле.
3. Ваше сообщение о Табульской... - Вера Африкановна Табульская (в девичестве Сафонова) – племянница Зинаиды Африкановны Сафоновой, директрисы Орловской женской гимназии в дореволюционные годы.
4. «Набросок» - речь идет о плане расположения дореволюционной усадьбы Сафоновых в письме А.В.Гальцовой А.Л. Генчелю.
5. «...старушку Юлию Петровну Сафонову» - дочь Петра Африкановича Сафонова.

В.П.ВОЛЧИХИНА

ИЗ ИСТОРИИ ТУРГЕНЕВСКОЙ МЕБЕЛИ

Иных уж нет, а те – далече.

А.С.Пушкин

«Посетители, столько раз подробно описывавшие тургеневское Спасское, не могли не заметить тёмных ширм покрытых прекрасными акварельными букетами», - писал в своих воспоминаниях поэт А.А.Фет.¹ Самого же И.С.Тургенева ширмы приводили в умиление. До сих пор в усадебном доме писателя находятся ширмы с уникальной росписью, которые стоят в кабинете.

В начале 19 века в мебельном искусстве вырабатывается целый ряд приёмов расстановки мебели в жилых комнатах дворянских усадеб. Внутреннее их убранство было одинаково везде; повторялось без всяких почти изменений в Костромской, Калужской, Орловской и др. губерниях. Постепенно становится традиционным расположение мебели с акцентом на уютные «уголки», при котором у одной из стен располагается диван, перед ним стол, чаще овальный, вокруг стола кресла.² В связи с новым осмыслением гостинного интерьера в нем появился новый предмет - ширмы, которые состояли из нескольких секций. В 18 веке они занимали прочное место в интерьере спальни, обязательно отделяя кровать от остальной части комнаты.³ Это своё назначение они сохранили и в 19 веке и стали неотъемлемой частью дворянского интерьера. В гостиной их роль была иной. Ширмы имели не только функциональное значение, но и декоративное. Особенной любовью они пользовались в провинции. Крепостные мастера делали их из красного дерева, карельской берёзы, клёна или ясеня в зависимости от благосостояния хозяев и их культуры. Вид имели разнообразный.

Описание кабинета Тургенева с упоминанием ширм встречается почти у всех современников, начиная с того момента, когда писатель стал хозяином Спасской усадьбы: Д.Григоровича, А.Половцева, А.Фета, Е.Ардова

(Апрелевой), М.Щепкина, Е.Гаршина, Я.Полонского. Первая по времени фотография была сделана петербургским фотографом В.Карриком, сразу же после смерти писателя, на ней - половина створки ширм. Описание кабинета имеется в книге Ж.Мурье «Тургенев в Спасском», где автор поместил рисунки С.Кольман, датированные 1884 (?) годом. На рисунке «Рабочий кабинет и спальня И.С.Тургенева в с. Спасском» видна вся ширма со створками с изображением цветов. На выставке в память И.С.Тургенева в С.-Петербурге в 1909 году ширмы были представлены вместе с другими тургеневскими вещами. В Каталоге выставки в разделе «Комната И.С.Тургенева в селе Спасском-Лутовинове» ширмы значатся под порядковым номером 12 как собственность О.В. Галаховой, наследницы тургеневской усадьбы.⁴ Позднее ширмы были переданы О.В.Галаховой в музей, где вошли в первую экспозицию тургеневского музея г. Орла. В инвентарных книгах за 1919 и 1924 гг. ширмы значатся под номером 61 и 20, последний с таким пояснением: ширма с цветами из 6 створок с красноватой материей.

Обратимся к сухому музейному описанию ширм. Ширма - складная, переносная, состоящая из шести деревянных створок. Створки фанерованы клёном, окаймлены планкой чёрного дерева, скреплены тремя латунными петлями каждая и передвигаются с помощью роликов. В створки вставлены филёнки, разделённые рейками, которые сходятся к сердцевине, образуя восьмигранные медальоны. Пространство между рейками затянуто тканью. На внешней части филёнок и медальонов роспись темперными красками: композиция с изображением ваз, корзин и гирлянд с цветами и фруктами. Каждая композиция из цветов и фруктов расположена на створках поочерёдно.

Первая створка состоит из двух филёнок и медальона с изображением на них цветов в основном садовых: розы, гвоздики, левкой, эпомеи, пионы, морщинистые розы, тюльпаны, тагетес, астры, сирень. Вторая - с фруктами, выращенными не только в огородах, но и в теплицах и оранжереях: сливы ренклюд, вишни испанские, яблоки, груши, виноград разных сортов, ананасы, персики, малина, ежевика.

Исходя из мемуарной литературы, кабинет Тургенева не производил какого-то определённого впечатления, носил своеобразный отпечаток смеси старого с новым; впрочем, первый элемент преобладал, что важно в исследуемом вопросе. Не случайно свой кабинет писатель называл «старомодным»,⁵ хотя и признавал, что «в доме мебель отличная».⁶ Наиболее полное описание кабинета с подробным указанием местоположения мебели находим у Ж.Мурье: «Спальня Тургенева, которая служила ему рабочим кабинетом, была расположена рядом с гостиной. Она небольших размеров, оклеена темными обоями в цветах. Обитые оранжевым кашемиром ширмы из полированного ясеня, украшены рисунками, изображающими гирлянды фруктов и корзины цветов; они скрывают постель, очень простую <...> и ночной столик <...>. Перед широким, массивным письменным столом красного дерева, расположенным перпендикулярно к окнам, на которых висят занавеси из пёстрой шерстяной

материи смесь жёлтого с красным, стоит плетёное кресло. На письменном столе крытом зелёным сукном, бронзовый подсвечник, снабженный прозрачным экраном, на котором нарисованы на фоне пейзажа маленькие фигурки, которые прогуливаются и танцуют. В <...> углу старая икона, изображающая голову Христа, в серебряной ризе. Большое кресло, обитое рыжеватой кожей с высокой спинкой, глубоким и просторным сидением, канapé того же стиля, два стула и небольшой шкаф составляли всю мебель этой комнаты. На стенах: диплом на немецком языке Ивана Сергеевича Тургенева, выданный Берлинским университетом, дата - 18 ноября 1839 г. и два указа о присвоении звания его отцу».

Свидетельства современников, письма матери Тургенева рассказывают о «затях» Варвары Петровны. Она была натурой незаурядной. Свои неистраченные силы, нереализованные мечты она воплощала в разные занятия. Её увлечение садоводством в последние годы жизни было настолько серьёзным, что осталась подборка книг по этой теме. А так называемая «флёромания» не знала границ.⁸ Возможно, цветы для Варвары Петровны - это символ гармонии, упорядоченности. В этом увлечении сказалась тяга её души к Прекрасному, Вечному. С другой стороны цветы были предметом её гордости. Цветы не только в саду, они на клумбах вокруг дома, на подоконниках: «Я вся в цветах. Розы...резеда...желтофиоли - полная гостиная», - признаётся она сыну.⁹ Дополняют картину материального благополучия воспоминания В.Н.Житовой: «<... > цветники перед домом обещали самые разнообразные оттенки зелени и цветов. Уже распустившиеся померанцевые деревья были расставлены вокруг балкона в огромных зелёных кадках.<...> испанские вишни и сливовые деревья ренклюд были перенесены из грунтовых сараев. А в фруктовых грунтовых сараях обильные завязи на громадных персиковых деревьях готовились к концу августа заменить и сливы, и вишни».¹⁰

Судя по приведенным описаниям цветы и фрукты, запечатленные на ширмах, правдоподобны. И художник, зная характер барыни, её любовь к цветам, особенно к розам и тюльпанам, выделил их количеством, сохранив их натуральную величину. Цветы написаны такими, какими он их видел. Даже сегодня, по определению реставратора НИРЦ И.Д.Смирновой, сохранившаяся живопись, где прозрачность красочного слоя, задуманная автором, сочетается с просвечивающим деревом, придаёт изделию теплоту. Но кто же этот неизвестный мастер?

Известно, что ширмы изготовлены крепостным художником в 30-40-е годы. В это время в усадьбе всем управляла мать писателя, любившая окружать себя людьми способными, талантливыми. Она старалась идти в ногу со временем, заводила всевозможные службы и имела «большое деревянное крытое здание, в котором помещались живописцы, маляры и их мастерские».¹¹

В 1842 году Варвара Петровна пишет сыну Ивану: «Ваничка, Николай - живописец, нарисовал вид спасского домика, как он теперь, и очень хорошо. Я даже не понимаю, как он мог написать всё; и новую пристройку, моё

казино, балкончик с птичником, с цветами решётку, где был дом, погорелую галерею. Словом, Коля может глядеть на это и думать об нас, - как будто видит в телескоп. - Прекрасно».¹² К концу жизни, по-видимому, этому же доморощенному живописцу Николаю Федосееву (Градову) приказала Варвара Петровна водрузить столб недалеко от большой дороги и изобразить на нём «с одной стороны руку с протянутым перстом, а на другой надпись, конечно, французскую: «Они вернутся»».¹³

Спустя десять лет всплывает имя того же мастера («на все руки», только в несколько ином «амплуа», в письме И.С.Тургенева к П.В.Анненкову. Писатель в это время находился в Спасском в ссылке. «Живёт у меня в доме старый (54-летний) маляр, бывший живописец, по имени Николай Федосеев Градов. Он был дворовым человеком моей матери и по старости лет не пожелал идти на волю. Когда-то он учился рисованию и декоративной живописи у Скотти, потом жил на оброке, наконец попал обратно к маменьке, писал образа, срисовывал цветы, клеил коробки, подбирал шерсти по узорам, красил комнаты, крыши и даже заборы».¹⁴ На протяжении полутора месяцев осенью 1853 года в письмах разным корреспондентам горячо обсуждаются имя Градова и те удивительные события, что произошли в усадьбе. Градову приписывалось сочинение духовных стихов, которые привлекли внимание писателя и сильно его озадачили. Тургенев со свойственной ему пронизательностью увидел «в бывшем живописце» натуру художественную и вид необычный: «<...> фигура у него не дюжинная, - продолжает Иван Сергеевич в том же письме, - огромный нос, голубые глаза, выражение какое-то полупьяное, полувосторженное - впрочем, особенного в нём ничего не замечалось, считался всегда в «последних», ходил замарашкой, любил выпить и к женскому полу чувствовал поползновение сильное».¹⁵

А.Н.Луканина запомнила со слов писателя несколько иной рассказ, в какой-то мере дополняющий образ живописца: «Один из крепостных мальчиков выказал способности к рисованию. Его отдали в Москву учиться живописи. Он стал настолько хорошим художником, что ему поручили написать потолок в Большом московском театре. Потом матушка выписала его назад в деревню и поручила ему писать с натуры цветы. Он их писал тысячами - и садовые и лесные... писал с ненавистью, со слезами...».¹⁶

Все вышеприведённые материалы дают нам основание предполагать, что художником, расписывавшим тургеневские ширмы, был Николай Федосеевич Градов. Тем более, что роспись по времени совпадает с периодом, в который, по заключению сотрудника ГИМа О.Б.Струговой, были изготовлены эти ширмы.

Примечания

1. Фет А.А. Мои воспоминания. М., 1890. С. 18.
2. Соколова Т.М. Русская мебель 19 века // Декоративное искусство СССР. 1974, №7. С. 41.
3. Попова З. Русский интерьер начала 19века // Советский музей. №5. С.71.

4. Каталог выставки в память И.С. Тургенева в Императорской Академии Наук. Спб., 1909. С.82.
5. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 томах. Письма. Т. 13, кн.1. С. 210.
6. Там же. Т. 11. С. 410.
7. Мурье Ж. С.-Петербург, 1899. С. 118-119.
8. См. подробнее ст. Смирновой Т.Н. Цветоводческие увлечения В.П. Тургеневой. Архив музея-заповедника И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново».
9. Письма Тургеневой В.П. сыну Ивану. 1839. С.90. Цитируется по фотокопии: музей-заповедник «Спасское-Лутовиново». В дальнейшем с указанием страницы.
10. Житова В.Н. Воспоминания о семье И.С. Тургенева. Тула, 1961. С. 107. В дальнейшем с указанием страницы.
11. Бизюкин Ф. Из воспоминаний о селе Спасском-Лутовинове и И.С. Тургеневе // Русский вестник. 1885. С.345.
12. Тургенева В.П. С. 233.
13. Житова В.Н. С. 107.
14. Тургенев И.С. Указ. соч. Письма. Т.2. С. 189-190.
15. Тургенев И.С. Указ. соч. Письма. Т.2. С. 190.
16. Луканина А.Н. Моё знакомство с И.С. Тургеневым // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1983. Т.2. С. 213.

IV

На родине Тургенева

ТУРГЕНЕВ В ПОЛЕСЬЕ

Иван Сергеевич Тургенев как будто специально обратил внимание будущих биографов на особенное значение Полесья в своей творческой биографии: он не только неоднократно приезжал сюда поохотиться, не только писал об этом в своих письмах к друзьям, упоминал об этих местах в своих рассказах, Полесье явилось единственной местностью на карте срединной России, которой писатель посвятил философский очерк – лирическую поэму в прозе на вечно волновавшую его тему взаимоотношений человека и природы.

Открытая им когда-то в юности «страна Полесье» так занимала писателя, что в 1850 году, работая над очередным рассказом из «Записок охотника», он даже записал для себя ее географическое определение: «Полесьем называется длинная полоса земли, почти вся покрытая лесом, которая начинается на границе Болховского и Жиздренского уездов, тянется через Калужскую, Тульскую и Московскую губернии и оканчивается Марьиной рошей, под самой Москвой. Жители Полесья отличаются многими особенностями в образе жизни, нравах и языке» (5, 432).¹

Действительно, Полесье представляет собой уникальное для средней России соединение тайги, лиственных лесов и степи, поразительное по богатству растительности и животного мира. Не случайно место действия самого первого рассказа из «Записок охотника» - Полесье. «Кому случилось из Болховского уезда перебираться в Жиздринский», - так начинается «Хорь и Калиныч». Здесь простирается местность, которую хорошо знал и любил Тургенев, и которая давала ему бесценный материал для его творчества.

Восстанавливая хронику полесских странствий писателя, отметим, что его знакомство с Полесьем наверняка произошло еще в 30-е годы. 9 августа 1841 года В.П.Тургенева в письме к сыну в Юшково, имение Н.Н.Тургенева, просила его посетить знаменитую охотничью усадьбу старинного приятеля Н.В.Киреевского в Шаблыкино и «найти расположение» у него. Имение Киреевского, почитавшееся «охотничьей штаб-квартирой» видело многих любителей «благородной потехи» со всей Орловской губернии. Отсюда отправлялись охотиться на запад – в сторону Десны, к так называемым Апраксинским дворам, или на Северо-восток, на границу Калужской губернии, на берег Вытебети, к Ильинским болотам.

А.Н.Апухтин упомянул однажды о Спичуковских тетеревиных местах близ Павлодара Болховского уезда Орловской губернии как о любимых охотничьих угодьях Тургенева.² Предположение о поездке писателя в Спичуковские места в пору, предшествовавшую написанию «Хоря и Калиныча», как будто подтверждается упоминанием в рассказе о соседе Полутыкина Пичукове. Как видно, Тургенев лишь незначительно изменил имя хозяина охотничьих владений.

Напомним также, что во время путешествий Ивана Сергеевича в этой местности пристанищем для него становилось село Дичково, имение А.И.Лагровой, близкой подруги его матери (небольшое живописное село это можно видеть и в наши дни). По воспоминаниям, Тургенев часто наезжал туда и оттуда ездил охотиться во Льгов.³ Надо думать, одно из таких путешествий и дало ему материал для рассказа «Льгов», написанного в феврале-марте 1847 года. Во Льгове Тургенева, конечно, привлекали Ильинские болота: они расположились по Карачевской дороге в 30 верстах от Болхова (в конце XIX века болота эти называли еще «Глинкинскими», по имени владельца села Ильинского – Глинки-Маврина). Дичи здесь водилось великое множество еще и в последние десятилетия XIX века, и охотники приезжали сюда десятками с пролегающей в недалеком расстоянии Орловско-Витебской железной дороги (речь идет, вероятно, о станции Хотынец).⁴

По возвращении из Франции летом 1850 года Тургенев, кажется, успел поохотиться в Полесье, о чем свидетельствует пространное примечание автора о Полесье и его обитателях к рассказу «Певцы» (3, 221). Своеобразным свидетельством упорных раздумий писателя над «полесским сюжетом» является появление в рассказе среди прочих посетителей Притынного кабачка «заворотня-полехи». Да и сам Рядчик, участник знаменитого состязания, был, как известно, с берегов полесской Жиздры.

Летом 1852 года, в пору спасской ссылки, Тургенев едет охотиться на боровую и болотную дичь в Полесье – в Козельский, Жиздринский и Карачевский уезды, так что он и на этот раз не миновал путешествия по Карачевской дороге и к Ильинским болотам

Весной 1853 года – новый поход – со старинным приятелем и спутником по охоте И.Юрасовым.⁵ Теперь Тургенев едет к Десне, на выводные болота, к уже упомянутым Апраксинским дворам (угодья, принадлежавшие Виктору Владимировичу Апраксину, одно время бывшему орловским предводителем дворянства).

Летом 1855 года Иван Сергеевич едет к дяде в Юшково с целью поохотиться на болотную дичь. Однако стоит страшная жара, болота высохли, и дичи мало.

В июне 1856 года, накануне своей поездки за границу, Тургенев отправляется в Жиздринский уезд Калужской губернии, где, по его словам, есть удивительные места, богатые дичью.

В 1858 году, возвратившись на родину, писатель тотчас же отправляется в знакомые урочища – в июле время дупелей, бекасов и перепелов. Он охотится тогда с Н.Н.Толстым и А.А.Фетом близ Щигровки Жиздринского уезда (не от названия ли этого села прозвище Гамлета Щигровского уезда – героя одноименного рассказа из «Записок охотника?»). Именно в это время идет подготовительная работа над романом «Дворянское гнездо». Можно думать, что пребывание автора в глуши Калужского Полесья в какой-то мере отразилось на ощущениях главного героя Лаврецкого, почувствовавшего себя вдруг «на самом дне реки» (6, 64).

Конец 50-х годов примечателен охотами Тургенева в Козельском уезде. Он посещает Козельск и Оптину Пустынь, величавая красота которой производит на него сильное впечатление.⁶

В начале 1860-х годов воспоминания об этих путешествиях согревают душу писателя, живущего на чужбине: «Сегодня Петров день – а я не на охоте! Воображаю себе вас с Борисовым, с Афанасием, с Снобом, Весной и Дон-Даном на охоте в Полесье <...> Вот поднимается черныш из куста – трах! Закувыркается оземь краснобровый <...> или удирает вдаль к синющему лесу, резко дробя крылами – и глядят ему вслед и стрелок и собака» (Письма, 4, 218).

В июне-июле 1861 года, в пору окончания работы над романом «Отцы и дети» Тургенев вместе с Фетом и Афанасием Алифановым едет в Карачевский уезд (за 150 верст); поездка не заладилась, он зашиб себе ногу, потерял собаку, дичи не нашел и едва не умер в Карачеве от желудочного отравления.

На следующий год Тургенев и Фет снова в Полесье, они охотятся в лесной деревне Щигровке. Позднее, в силу обстоятельств, охоты писателя перемещаются за границу, и пока что не удалось обнаружить свидетельств о посещении им Полесья в этот период. Но даже представленный здесь беглый очерк поездок писателя в эти места позволяет говорить о них не только как об охотничьей Мекке центральной России, но и как о весьма важном для творческой биографии Тургенева географическом узле некоей оси, на другом конце которой – «милое Спасское», и – Орел посередине.

Не подлежит сомнению, что впечатления, полученные от картин природы Полесья, от охоты, от встреч с людьми, были настолько сильны, что вызвали к жизни наиболее мощные страницы тургеневской прозы. Рядом с описаниями худосочной, бедной, жалкой порою, русской деревни виды Полесья поражают своей изобильностью и величием. Уже в рассказе «Хорь и Калиныч» читатель слышит этот, некогда испытанный автором, восторг от зрелища засек, что тянутся на сотни, и болот – на десятки верст, от перевалов, где «не перевелась еще благородная птица тетерев», где «водится добродушный дупель, и хлопотунья куропатка своим порывистым взлетом веселит и пугает и стрелка и собаку» (3, 7). Не менее преизбыточна картина охоты в рассказе «Льгов»: «На этом-то пруде, в заводях или затишьях между тростниками выводилось и держалось бесчисленное множество уток всех возможных пород: кряковых, полукряковых, шилохвостых, чирков, нырков и пр. Небольшие стаи то и дело перелетывали и носились над водою, и от выстрела поднимались такие тучи, что охотник невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорил: Фу-у!» (3, 75)

Наконец, в очерке «Поездка в Полесье» читателю является образ самой Природы: «Вид огромного, весь небосклон обнимающего бора, вид Полесья напоминает вид моря. И впечатления им возбуждаются те же; та же первобытная, нетронутая сила расстилается широко и державно перед лицом

зрителя. Из недр вековых лесов, с бессмертного лона вод поднимается тот же голос: «Мне нет до тебя дела, - говорит природа человеку, - я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть» (5, 130).

Вечная песня бора, словно диковинный оркестр, сопровождает охотника в его странствиях по лесам и болотам. Музыка вообще особенным образом вплетена в полесскую «мозаику» Тургенева. В последнем эпизоде рассказа «Хорь и Калиныч» герой, напевая вполголоса, «все глядел да глядел на зарю». Музыка и светозарный образ сливаются, порождая своего рода «светомузыку».

То же и в рассказе «Льгов», который завершается картиной вечернего заката: «Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбегались его последние лучи; золотые тучки расстилались по небу все мельче и мельче, словно вымытая, расчесанная волна <...> На селе раздавались песни» (3, 85).

Гул бурного веселья сопровождает образ разбойного мужика Ефрема в «Поездке в Полесье» Сложная музыкальная инструментовка в рассказе «Гамлет Щигровского уезда» («тяжелое уныние» главного героя, на наш взгляд, тоже как-то связано с полесской глухоманью, объясняющей в какой-то мере его трагическое одиночество).

Опубликованный в феврале 1849 года рассказ «Лес и степь», завершивший в конце концов отдельное издание «Записок охотника», свел в одну поэтическую картину времена года и разнообразные пейзажи Севера, Юга, Востока и Запада срединной России. Как на волшебном блюде предстают лес и степь, овраги, бесконечные дороги... Есть здесь отрывок, как будто предвосхищающий атмосферу философского очерка «Поездки в Полесье»: «Ветра нет, и нет ни солнца, ни света, ни тени, ни движения, ни шума; в мягком воздухе разлит осенний запах, подобный запаху вина; тонкий туман стоит вдали над желтыми полями <...>».

Спокойно дышит грудь, а на душу находит странная тревога. Идешь вдоль опушки, глядишь за собакой, а между тем знакомые образы, любимые лица, мертвые и живые, приходят на память <...>» (3, 358). В другом эпизоде рассказа автор описывает «беловатую мглу неподвижного тумана», напоминающего «вечный туман Полесья». Но эти акварельные миниатюры пока лишь предвосхищают тот фантастический, мощный, суровый образ, что явится читателю в «Поездке в Полесье».

Следует напомнить, что произведение создавалось не сразу. Точкой отсчета в работе над ним считается 1850-й год, когда писатель заносит в рукопись рассказа «Певцы» «определение» Полесья и обещает подробнее поговорить на эту тему впоследствии. Замысел конкретизируется в апреле 1853 года, когда Тургенев обещает в «Охотничий сборник» Аксаковых два рассказа, один из которых – «Рассказ о стрельбе медведей на овсах в Полесье» - является после июльской охоты, о которой он писал: «Я на днях вернулся с довольно большой охотничьей поездки. Был на берегах Десны, видел места, ни в чем не отличающиеся от того состояния, в котором они находились при Рюрике, видел леса безграничные, глухие, безмолвные <...>».

познакомился с весьма замечательной личностью, мужчиной Егором» (Письма, 2, 245).

Но в том году обещание выслать рассказ Аксаковым не было выполнено. По всей вероятности, автору требовались какие-то дополнительные впечатления. Этот вывод подтверждается тем, что в очерке описана местность не на берегу реки Десны, а на стыке Жиздринского и Болховского уездов. Можно с достаточным основанием предположить, что, помещая село Святое у берегов Ресеты, Тургенев использует тот же прием, что и в рассказе «Льгов», где вместо Вытебети он называет реку Ресету (тем более, что обе они протекают в непосредственной близости друг от друга). В процессе работы над очерком писатель, как видно, отобразил свою поездку в Полесье летом 1856 года, на Ильинские болота в том числе.

Как известно, Тургенев писал свой очерк в ноябре-декабре 1856 года, уже будучи во Франции, в тяжелый для него период жизни. Завершил его в Дижоне зимой 1857 года. Он жил тогда в продуваемой всеми ветрами гостинице вместе с Л.Н.Толстым. Тяжелое его состояние неминуемо должно было сказаться на тональности произведения. Покончив с ним, Тургенев как будто почувствовал себя лучше и заговорил о возвращении домой.

Мы же вернемся в Полесье, многими нитями связанное с философским очерком Ивана Сергеевича. Исследователь, желающий найти на карте точное обозначение охотничьих стоянок Тургенева, исходя из топонимики его произведения, будет несколько обескуражен: художник дает читателю суммарное представление о «географии» Полесья. Мы находим у него трансформированную топонимику, порою как бы нарочные неточности, отчего общее впечатление несколько не страдает. Конечно, задачи ученого и писателя разнятся.

Чем же обусловлен выбор названий у Тургенева, памятуя, что он использует наименования реально существующих мест? Вспомним, что в «Поездке в Полесье», как и в рассказе «Льгов» появляется речка Ресета (вместо реки Вытебети, как менее благозвучного названия). Упомянутое в очерке село Святое, «лежащее в самой середине леса», возможно, восходит по наименованию к Святому колодцу, что, действительно, находится посредине леса. Ранее близ него располагалась церковь (не ее ли имел в виду Тургенев?), руины которой можно видеть по сей день. Тургеневское Мошное близко по звучанию Мошеному, расположенному по пути от Хотынца в Ильинское. Конечно, эти наблюдения - не более чем гипотеза; однако, она может дать повод для дальнейших поисков.

Говоря о верности картин Полесья у Тургенева, прежде всего, укажем на особую, «державную» мощь природы, каковой она является в очерке. В жизни же эти места и сегодня поражают воображение, так что в конце XX века явилась мысль сохранить их богатейшую флору и фауну для будущих поколений: в январе 1994 Указом Правительства Российской Федерации здесь был образован Национальный парк «Орловское Полесье».

Явственно почуствовал Тургенев и дыхание древности, исходящее от этих курганов, городищ, селищ, деревень: «Лес, в который мы вступили, был

чрезвычайно стар. Не знаю бродили ли по нем татары, но русские вору или литовские люди смутного времени уже наверное могли скрываться в его захолустьях» (5, 136). Древностью, языческой или богатырской стариной поражают слух нашего современника названия: Льгов, вероятно от балтского слова «Лиго» (название языческого праздника летнего солнцеворота, аналогичное славянскому Ивану Купале⁷), Булатово, Радовищи (или Родовищи), Жудрё (как полагают, происходящее от слов «Жуть», «Жудеть»).

Напоминанием о «литовских людях смутного времени» служат предания о разграбленном в этот период крае – деревни и города Полесья не могли оправиться после этого в течение ста лет. Между прочим, и церковь Живоначальной Св. Троицы села Льгов, о которой Тургенев упоминает в одноименном рассказе, была разграблена в Смутное время.⁸ Следует сказать, что наблюдения писателя имеют под собой прочное фактическое основание.

Или вот описание «круглого высокого вала, обнесенного полузасыпанным рвом» - по определению тургеневского героя – «воровской городок», известный с незапамятных времен, где зарыт клад, на который «наложен запрет на человечесю кровь». Легенды и таинственные истории такого рода в Орловском Полесье не редкость. Только на территории Национального парка известно множество укрепленных поселений – «городищ», одиночных курганов, могильников (близ Льгова находится один из самых крупных могильников Орловской области, насчитывающий 22 земляные насыпи). Одно из таких древних поселений, Кудеярова гора, связано более поздним преданием со знаменитым разбойником и колдуном Кудеяром, будто бы зарывшим там несметные сокровища. П.И. Якушкин зафиксировал в своих путевых заметках «тему Кудеяра»: «Говорят, что «в старых дремучих лесах было множество курганов <...> Болтает народ, что все те курганы какие-то Кудеяры насыпали<...>, что в тех курганах золото, серебро, да камни самоцветные, да свечи восковые».⁹ Тургенев в «Поездке в Полесье» также отдает дань сюжету о разбойниках и кладах: «мудреный» мужик Ефрем, таинственным образом связанный с лесной стихией, подобно Кудеяру, способен обвести вокруг пальца любую стражу, «навести» или, напротив, «отвести» беду.

Несомненно, имеет жизненную основу и эпизод с лесным пожаром, который, к счастью, оказывается не «подземным» (т.е. происходящим от горящего торфа), а «поземным». В жаркую летнюю пору пожары в Полесье случались нередко. Однажды, после чудесного избавления от пожара летом 1842 года установился обычай: каждый год, через неделю после Троицы совершать молебен на всех колодцах.

Весьма тонко воспроизводит Тургенев и диковинное лесное богатство Полесья: могучие корабельные сосны, зеленоватые мхи, заросли голубики с ее крепким и терпким запахом, следы от мощных лап медведя. Упоминает писатель и о здешней достопримечательности – выхухоли (данный вид живет уже около 30 млн. лет, он сохранился только в этих местах и ныне занесен в Красную книгу). Теперь выхухоль является эмблемой Национального парка «Орловское Полесье». Все эти приметы хорошо знакомы местным жителям.

Недаром запомнились они Тургеневу. Недаром же и первый (быть может, единственный) составитель карты тургеневских маршрутов, французский переводчик «Записок охотника» (1929) Анри Монго отметил на ней места пребывания писателя в Полесье: Льгов, Карачев, Ильинское,¹⁰ Болхов, Жиздру... Таким образом, мнение первых биографов писателя, имевших под рукой свидетельства и воспоминания людей, знавших его, совпадает с теперешними наблюдениями, основанными на новейших сведениях.

Представляется, что Тургенев, первым из русских писателей воспевших Полесье, наметил в своих произведениях и основные направления изучения этого края:

- природа Полесья
- полесские древности
- быт, традиции, характер местных жителей
- фольклор Полесья
- полесские охоты
- история Полесья XVIII-XX веков; жизнь сословий, история церквей, усадебная жизнь
- деятели культуры, жившие в Полесье, посещавшие эти места

В заключение несколько слов о главной теме очерка «Поездка в Полесье»: человек и природа. Полесье у Тургенева является здесь своеобразной квинтэссенцией природного начала. Подобно тому как для драматурга А.Н.Островского его родное Щельково стало прообразом сказочной Берендеевки, или в сказке Андерсена Лапландия является страной Снежной Королевы, у Тургенева Полесье воплощает царство природы, этой Вечной Изиды. В лоне ее «не одни дерзостные мечтания смиряются и гаснут, охваченные ледяным дыханием стихии; нет – вся душа его [человека – Л.Б.] никнет и замирает; он чувствует, что последний из его братьев может исчезнуть с лица земли – и ни одна игла не дрогнет на этих ветвях» (5, 130). От этого видения – прямая дорога к стихотворению в прозе «Природа», к соответствующей главе «Сказки о Самознайке». Под равнодушным взглядом волшебницы-Природы стонет и самый камень. Но Тургенев знал и другой ее лик, ее целебное присутствие, сочувственное, любовное внимание. Ее листья будто шепчут человеку: «Отдохни, брат наш; дыши легко и не горюй и ты перед близким сном» (5, 147).

Представляется важным, что именно раздумья над «тайной Полесья» дают писателю возможность понять смысл природного бытия: «Тихое и медленное одушевление, неторопливость и сдержанность ощущений и сил, равновесие здоровья в каждом отдельном существе – вот самая ее основа, ее неизменный закон, вот на чем она держится» (5, 147). Мысль, приложимая как к жизни отдельного существа, так и к человеческой деятельности вообще. Тургенев в век «стремления и натиска», кажется, открывает закон «мирного сосуществования» человека и природы. Самый знаменитый вопрос, поставленный Базаровым: что есть природа – храм или мастерская? –

кажется, вырастает из полесских странствий автора «Отцов и детей». Вопрос, на который он сам ответил в миниатюре «Мои деревья», этом последнем слове тургеневского творчества, где человечество, несмотря на свой немалый возраст, предстает всего лишь несмышленым младенцем в объятиях матери-природы.

Примечания

1. Тургенёв И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Соч. Т. 5. М.: Наука. С. 432. Ссылки на это издание приводятся в тексте в круглых скобках с обозначением тома и страницы арабскими цифрами. Ссылки на письма сопровождаются пометой: «Письма».
2. Охота в окрестностях г. Болхова // Природа и охота, 1889, октябрь. С. 79.
3. Из прошлого // Труды Тульской ученой архивной комиссии. Тула. С. 179. Автор выражает благодарность сотрудникам Орловского музея И.С. Тургенева С.Л. Жидковой и Е.Г. Мельник за сведения об охотах писателя в Болховском уезде.
4. Охота в окрестностях г. Болхова. Указ. соч. С. 68.
5. Шапочка В. Охотничьи тропы Тургенева. Орел. Вешние воды, 1998. С. 58.
6. См.: Беседы схиархимандрита Варсанофия с духовными детьми. М.: 1993. С. 23.
7. Королев Ю. Поедемте-ка во Льгов... // Орловская правда, 24 сент. 1991. С. 4.
8. Впоследствии храм горел дважды. На месте его в 1765 г. была построена новая церковь, потерявшая сильные разрушения в советское время. Восстановлена в 2001-2002 г.г.
9. Якушкин П. И. Сочинения. М.: Современник, 1986. С. 245-246.
10. В селе Ильинском Хотынецкого района с 1991 года действует Народный музей «Тургеневское Полесье».

Л.Н.КРАСНИЦКИЙ
Т.Г.БОРНЯКОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ «ОРЛОВСКОГО ПОЛЕСЬЯ»

«Орловское полесье» расположено в основном на территории Хотынецкого района, в северо-западной части Орловщины, у её границ с Брянской, Калужской и Тульской областями. Географически это центр Восточно-Европейской или Русской равнины, северная оконечность Среднерусской возвышенности, часть Жиздринской низменности лесной полосы России. К востоку по течению Оки проходит граница лесной полосы и лесостепи, переходящей далеко на юге в Русские степи Северного Причерноморья

Рельеф региона «холмисто-равнинный, изрезанный оврагами, балками, долинами мелких рек и ручьев».

Русская равнина стала осваиваться предками человека в ранний период древнекаменного века - палеолите, протяженность которого определяется 3-2 млн. лет.

40 тысяч лет назад начинается эпоха позднего (верхнего) палеолита. Центр Русской равнины осваивает человек современного биологического облика (неоантроп), не отступавшего на юг при изменении климата.

Человек эпохи позднего палеолита уже был готов к жизни в тяжелых природных условиях: строил теплые жилища с очагами, шил кожаными иглами с ушком - меховую одежду типа арктического комбинезона с унтами, рукавицами и капюшоном, довел до совершенства изготовление орудий и предметов из кремния, кости и дерева.

Основой жизни человека той эпохи была коллективная охота на крупную и среднюю дичь: мамонтов, бизонов, лошадь, северного оленя и т.д.

Излюбленным объектом охоты был мамонт, добыча которого приносила несколько тонн мяса и огромную шкуру для покрытия жилища. Кости мамонтов шли на строительство жилищ, а в безлесной местности - на топливо.

Стоянки человека эпохи палеолита часто расположены близ т.н. «кладбищ мамонтов» - топких местах на путях сезонных миграций, где погибали старые и больные животные, а также было удобно охотиться на волосатых гигантов, которые достигали 4-х метров высоты в холке.

Возможно, подобное «кладбище» находилось близ с Хотимль - Кузменково: в 1877 г. известнейший орловский краевед А.Г.Пупарев сообщает об овраге близ села, в котором постоянно половодье вымывает большие кости ископаемых животных.

В I-м тысячелетии до н. э. наступает более холодный и влажный субатлант. Широколиственные леса покрывают Орловщину до течения р. Сосны на юго - востоке области, а север региона занимают хвойные породы деревьев.

Древнекаменный век - палеолит, сменяется среднекаменным - мезолитом, который по центру России и датируется 8-5 тыс. до н.э. Человек начинает охотиться в основном на среднюю и мелкую дичь, птицу, осваивает рыболовство, больше уделяет внимания собирательству.

Мезолит сменяется в конце 5 - начале 4 тыс. до н.э. последней эпохой каменного века - неолитом (от слова «новый камень»). Камень по-прежнему оставался старым - в основном кремний (кремень), но древние мастера освоили его новые виды обработки: шлифование, пиление, сверление. Важным достижением эпохи неолита является изготовление предметов из обожженной глины - керамики.

Но не только за новые методы обработки орудий из камня и керамику эпоху неолита называют «зарей цивилизации». С данной эпохи начинается переход человечества от присваивающего - потребительского хозяйства: охота, рыболовство и собирательство - к производящему: скотоводству и земледелию, выросших, кстати, из охоты и собирательства. Сдерживающими факторами являлись природные условия лесной полосы, имевшей огромные охотничьи угодья при довольно редком населении; реки, изобиловавшие рыбой, большие возможности для собирательства.

В регионе Орловского Полесья до настоящего времени нет обследованных памятников каменного или бронзового веков, хотя достаточно много случайных находок (экспозиция музея села Ильинское).

По исследованиям прилегающих областей и районов можно предположить, что вышеупомянутые неандертальцы 70-60 тыс. лет назад, продвигаясь на север до Брянска, могли оставить в Полесье свои стоянки. В эпоху позднего палеолита: 40-10 тыс. лет назад - регион Орловской области находился между двумя достаточно изученными археологическими областями: всемирно известным комплексом «Костёнки» из более 30-ти стоянок на Верхнем Дону у г. Воронеж, захватывающего и верховья Сейма (костёнковско - авдеевская культура), и стоянок по брянскому течению Десны (пушкаревская культура).

Возможно потомки неандертальцев брянского течения Десны в оптимум холода отступили на юг и опустевший регион, после относительного потепления, был занят племенами Верхнего Дона, путь которых на северо-запад не мог миновать Орловского Полесья, крайне слабая археологическая обследованность которого не может еще дать ответа на данную проблему.

Археологически орловское течение Оки включают в данные эпохи каменного века в регион Волго-Окского междуречья и тесно связывают с брянским Подесеньем. Интересен вывод калужских краеведов, что в период мезолита Ока по долине Жиздры поворачивала на запад и впадала в Десну. Позже Ока «прорезала» Калужско-Алексинский каньон и устремилась на восток и северо-восток к Волге, прервав «голубую дорогу» между Окой и Десной. Однако связи населения сохранялись во все исторические периоды.

В эпоху мезолита в Волго-Окском междуречье складывается ряд археологических культур. Ближайшая к Орловщине - рессетинская, чьи памятники выявлены по р. Рессете, огибающей Полесье с северо-запада.

Можно не сомневаться, что Орловское Полесье входило в район охотничьих угодий рессетинских племен.

В эпоху неолита Полесье, покрытое лесами таежного типа влажного атлантического периода голоцена, входило в регион распространения племен волго-окской общности т.н. ямочно-гребенчатой керамики.

Основой жизни неолитического населения лесной полосы были круглогодичные охота и собирательство, поставленные на профессиональный уровень. Следов производящего хозяйства в лесной полосе в эпоху неолита не выявлено.

Развитие неолита лесной полосы было прервано в конце 3-го тыс. до н.э. расселением по региону от Балтийского моря до Средней Волги пастушеских племен уже бронзового века, объединяемых по археологическим признакам в большую родственную группу «культур шнуровой керамики и боевых топоров». По мнению большинства исследователей, эти племена являлись самыми первыми индоевропейцами лесной полосы Восточной Европы, еще не разделившимися предками германцев, балтов и славян.

Привлекает внимание фатьяновская культура, в регион распространения племён которой относят поречье Верхней Оки, за исключением ее истоков. Фатьяновская - самая загадочная культура лесной полосы, известная в основном только по погребениям и случайным находкам, чаще всего боевых каменных сверленных топоров.

Фатьяновцы уже знали медь и бронзу, но при отсутствии медных месторождений в лесной полосе очень ценили привозной металл и изготавливали орудия из кости и камня, доводя изготовление боевых топоров до совершенства.

Раскопки погребений как фатьяновцев, так и неолитических аборигенов, по находкам скелетов со следами гибели в бою, говорят о не всегда мирном сосуществовании племён разных хозяйственных укладов. Учитывая природные условия Орловского Полесья, можно предполагать, что его регион был «островом неолита» в период сухого суббореала в 3-2 тыс. до н.э., когда граница лесостепи по Орловщине уходила на левый берег Оки.

К началу 1 тыс. до н.э. население лесной полосы стало относительно единым, сложившимся на основе как пришельцев бронзового века, так и их неолитических предшественников. По южной части лесной полосы, граничащей с лесостепью, складывается ряд новых культур, получивших в археологической науке наименование «культуры древних балтов лесной полосы Восточной Европы». Ближайшие к Орловщине: юхновская по течению Десны и Днепро-Двинская культуры, регион распространения памятников которых охватывает верховья Днепра, Западной Двины, Десны и Угры. Регион самой восточной из культур древних балтов - верхнеокской - расположен в основном по левобережью Оки от верховий до места впадения р. Угры в Оку. Исследователи подчеркивают родственность этих трёх культур, вступивших на рубеже 7/6 века до н.э. в эпоху железного века.

Основным видом поселений балтов были городища, защищенные земляными валами и рвами в сочетании с рельефом местности. Жилища - дома столбовой конструкции с плетневыми стенами, обмазанными глиной. При частых пожарах обмазка обжигалась, сохраняя отпечатки прутьев и жердей. Куски обожженной обмазки - самая частая, после фрагментов керамики, находка при раскопках балтских археологических памятников..

В середине 1 тыс. до н.э., в наступившем более холодном и влажном субатланта, вслед за лесами, оттесняющими на юг степную растительность, продвигаются балты. Юхновцы на юге достигают течения Сейма, верхнеокские племена занимают лесное правобережье Зуши и Орловское течение Оки.

С эпохи раннего железного века фактически начинается археологическая история Орловского Полесья, представленная известными памятниками и историческими сведениями.

Исходя из имеющихся данных, можно составить археологическую периодизацию региона в эпоху раннего железного века (РЖВ):

- 1-й период: середина I тыс. до н.э. - рубеж н.э. -

(Верхнеокский)

- 2-й период: I -3 века н.э. - (Почепский)
- 3-й период: 4-7 век н.э. - (Мошинский)

Продвигаясь на юг по левобережью Оки, верхнеокские балты осваивают регион Орловского Полесья. Памятником 1-го периода является городище у д. Радовище Хотынецкого района Орловской области, возможно, самое раннее городище Орловщины. Оно относится к типу т.н. «болотных городищ»; занимает возвышенность – «остров» в болотистой пойме левобережья р. Вытебеть, возвышающуюся над уровнем поймы на 2.5 метров (урочище «Кудеярова гора»), площадка городища овальная в плане, 88x 44 м.

В настоящее время вал сильно разрушен и сохранился только с восточной стороны. Перед валом находился кольцевой ров, глубиной до 2-х метров. Данное городище было открыто в 1902 г. орловским краеведом В.Р.Апухтиным.

При обследовании городища в 1973 г. И.К.Фроловым (ИА РАН), выявлен культурный слой мощностью 20-30 см., содержащий фрагменты лепной тонкостенной керамики верхнеокского типа и обломки цилиндрических рыболовных грузил из обожженной глины, орнаментированных глубокими круглыми ямками. Возможно, верхнеокские балты первыми из народов, населявших территорию Орловщины, попали на страницы истории.

Культура 1-3 веков н.э. получила наименование - почепской.

Продвижение почепских племен с Десны на Верхнюю Оку прослежено изысканиями И.К.Фролова, по течению левых притоков Десны: Навле и Неруссе, берущих истоки на Орловщине.

Далее почепские племена продвигались по левым притокам Оки, в т.ч. по рекам Нугрь и Вытебеть (приток р. Жиздра), истоки которых находятся в регионе Орловского Полесья. Расселение почепцев было весьма немирным: во всех верхнеокских городищах (в том числе и на гор. Радовище) прерывается жизнь.

И.К.Фролов считал, что с почепскими племенами связано появление на Верхней Оке пашенной обработки земли, широко известной в лесостепной полосе Приднепровья - на прародине почепских племен.

К почепским памятникам по региону Полесья относятся два селища из комплекса древних поселений у д. Булатовой на р. Вытебеть. Булатово-1 расположено у южной окраины одноименной деревни, на первой надпойменной террасе левого берега реки. Высота над поймой: 4-6 метров, размеры 200x 150 м., культурный слой: 0.2-0.3 м. - содержит фрагменты лепной керамики, более толстостенной, чем у верхнеокской керамики, украшенной насечками и вдавлениями по венчику. Встречены фрагменты лепной керамики с лощеной поверхностью, что характерно для почепской культуры.

Булатово 2-е расположено к западу от деревни, занимает дюнообразное всхолмление в пойме правого берега р. Вытебеть. Высота над поймой: 5-6 м., размеры 210 x 160 м., культурный слой до 0.3 м содержит фрагменты лепной керамики, аналогичной керамике с селища-1.

Мошинская культура датируется 4-7 веками н.э. Мошинские племена - предшественники славян на Оке и известны по страницам древнерусских летописей 12-го века под именем «голядь».

Памятниками мошинской культуры в Орловском Полесье являются одиночный курган у д. Алисово, близ истоков р. Нугрь и верхние слои вышеуказанных селищ у д. Булатово-1е на р. Вытебеть.

Древнерусский период: 8-10 век - еще не представлен памятниками по слабоизученному археологией региону Орловского Полесья. Известно по летописям, что в данный период его заселяли славяне-вятичи, в состав которых вошли племена мошинской культуры.

Владимир Мономах писал, что он первый прошел «сквозь вятичей» на Ростов Великий и Муром - до этого приходилось добираться туда окружным путем через Смоленск. С этими событиями связана былина «Илья Муромец и Соловей Разбойник». На Орловщине известна легенда, что становище Соловья Разбойника - это деревня Девять Дубов на территории Полесья.

В эпоху Киевской Руси: 11-13 век - регион Орловского Полесья входил в состав волости Черниговского княжества «Лесная земля», делившейся на ряд более мелких административных единиц - земель. Центром Полесья в те времена было, вероятно, городище в селе Хотимль-Кузьменково, упоминаемое в документах 16-го века. Городище в настоящее время находится на берегу пруда, образовавшегося после сооружения плотины на безымянном ручье - левом притоке р. Вытебеть, на южной окраине села. Высота над уровнем воды: 4-5 м., размеры овальной площадки: 200х 170 м.

Как и гор. Радовище, городище Хотимль-Кузьменково относится к «болотному типу». Поселение окружено кольцевым валом со рвом перед ним. С северной стороны высота вала достигает 5 м, глубина рва - 2 м.

Впервые сведения о городище у села Хотимль, или Хотым по левой стороне почтового тракта из Карачева в Болхов, дает краевед А.Г.Пупарев в 1877 г.:

«Городище в селе Хотим, южнее церкви, на 20 саженой между деревнями Кузьменковой и Куликовой, кругообразной формы. Внутренняя площадь его с одной стороны имеет в поперечнике 70 саженой, с другой стороны - от востока на запад - 55 саженой, где и оканчивается небольшим прудом, за которым уже и находится вал с источниками весьма холодной воды, наполняющим пруд. Южная сторона перервана односнастной мельницей (колотовкой), которая принадлежит священнослужителям и существует около ста лет. Поверхность площадки ровная, с небольшим возвышением к югу. В северо-восточной части ее небольшой сад и огороды священника и причетника, остальная же занята коноплянником. Городок стоит на возвышенном месте, в 10 сажнях от небольшого болота, примыкающего к пруду. Насыпной вал сохранился по преимуществу с северо-востока, севера и юго-запада; длина его 300 саженой, а высота 20 аршин. С востока, севера и запада вал окружен рвом, глубиною и в ширину по 12-ти аршин, достаточно сохранившимся, доведенным до болота, находящегося к югу от городка. Кrome того, на юго-запад, за валом и рвом, уцелело несколько небольших

насыпей, образовавших прямой угол. Предполагают, что это были современные городку укрепления. Городище имело входы с востока и запада; признаки последнего сохранились лучше, восточный же вход скрыт и застроен домами священника и причетника. Сохранилось предание, что городок построила среди леса какая-то царица, бежавшая от своего лютотого мужа, что укрепление это имело чугунные ворота и подъемные мосты. Царица славилась своим богатством, которое и было поводом к тому, что разбойники напали на городок и разорили его; но будто, часть богатств - несколько бочек золота, серебра и других сокровищ, осталась скрытою в валу. Это предание и до сих пор привлекает к Хотимльскому городищу кладоискателей, но им ни разу не удалось ничего найти в валу. На поверхности городища находили, при распашке его, прежде мелкие серебряные монеты треугольной и эллиптической формы, тоньше серебряного пяточка, но монеты эти погибли в пожаре, бывшем в Хотимле ранее».

К эпохе Киевской Руси относится и курганный могильник у д. Радовище, обследованный Апухтиным в 1902 г. Раскопанный им один курган содержал трупосожжение головой на запад, что характерно для вятичей 11-13 веков, долго не принимавших христианский обряд погребения.

Нашествие Батыя в 30-40-е годы 13-го века, вероятно, миновало регион Орловского Полесья - монголы обошли лесной район. В конце 13-го - начале 14-го веков Черниговское княжество распалось на ряд уделов - т.н. «Верховские княжества», которые вошли в состав Московского государства будущей России - в конце 15-го века.

Полесье в 14-нач. 15-го века входило в состав Карачево-Козельского княжества, позже - в Карачевский удел.

Заканчивая обзор археологической истории Орловского Полесья, необходимо осветить археологические исследования церкви в селе Льгов Хотынецкого района:

Одним из интереснейших объектов истории и архитектуры в Орловском Полесье является церковь в селе Льгов 1765 года постройки. Данная церковь стоит в центре села, на холме, на пологом берегу реки Вытебеть.

Село Льгов (Льгово) впервые упоминается в писцовых книгах 1626-1627 г. В это время оно входило в состав Хотиевского стана Карачевского уезда. Половина села принадлежала Степану Михайловичу Колычеву, а вторая половина - Василию Гаврилову. В половине села, принадлежавшей Степану, согласно писцовым книгам, была деревянная церковь Живоначальной Троицы с приделом Иоанна Крестителя.

9 февраля 1691 года, по челобитной стольников Ивана Ивановича и Ивана Алексеевича Ржевских, была выдана благословенная грамота на строительство в их вотчине с. Льгов новой церкви Живоначальной Троицы, освященной в 1697 году.

Но выстроенный храм вскоре сгорел, и по челобитной И.И. Ржевского ему было разрешено на погорелом месте построить вновь церковь в то же имя.

В конце 18-го - начале 19-го века село принадлежало светлейшему князю Дмитрию Владимировичу Голицыну, участнику Бородинского сражения, бывшему некоторое время Московским генерал-губернатором. После его смерти в 1825 году село перешло его сыну, который владел здесь 5500 десятинами земли.

Существующая каменная церковь Святой Троицы построена в 1765 году крестьянином князя Дмитрия Владимировича Голицына (по другим данным, княгини Натальи Петровны Голицыной) - Тарасом Вавиловым, вместо более древней деревянной церкви.

В 20-30 годы 19-го века старая трапезная была разобрана, и вместо нее выстроена новая, рядом с которой возвели трехъярусную колокольню. На церковной земле находилась каменная сторожка, а также в начале 20-го века действовала церковно-приходская школа.

В Льговских окрестностях неоднократно охотился И.С.Тургенев, описавший свои впечатления в рассказе «Льгов» из цикла «Записки охотника».

Церковь была закрыта в 30-е годы 20-го века, а в 60-е годы разрушены колокольня и остатки трапезной. С 2000 года началась реставрация и восстановление церкви.

Сама церковь Святой Троицы представляет собой законченную архитектурную композицию, состоящую из каменного бесстолпного четверика храма, завершенного главкой на очень узком двухъярусном барабане, с востока выступает апсида (алтарный выступ), с запада к четверику примыкала колокольня и трапезная. Здание имело три входа. Внутри храм перекрыт сомкнутым сводом. Стены сложены из нестандартного глиняного кирпича на известковом растворе. Фасад, богато украшенный декором из профилированного кирпича в русском (нарышкинском) стиле, был побелен.

Архитектурно-археологические исследования церкви в селе Льгов Хотынецкого района проводились в период с 1991 года, и в 2001 году - сотрудниками НПЦ по охране памятников, совместно со студентами истфака ОГУ. Целью исследований было: выявить габариты трапезной и колокольни, не сохранившихся до наших дней и определить сохранность и состав фундаментов.

В процессе археологических исследований было заложено 9 шурфов около внутренних и внешних стен церкви и был проведен раскоп на западной стороне трапезной. Было выявлено, что фундаменты сохранившейся части церкви (четверика и апсиды) сложены в нижнем слое из блоков тесаного белого камня-известняка, на растворе, выше, в цокольной части - идет послышная кладка из белого камня и глиняного кирпича. Остатки покрытия пола не сохранились, подвалов не выявлено.

Весьма интересными оказались данные, полученные при закладке шурфов в несохранившейся части церкви: остатки фундаментов из тесаных больших известняковых плит, пояса глиняного кирпича (в качестве выравнивающего слоя), и снова слои белого камня в цокольной части, выше которых начиналась кладка кирпичных стен.

Также при закладке шурфа у северо-западного угла несохранившейся колокольни были обнаружены разрозненные останки человеческого скелета (возможно, более раннее захоронение), и элементы гончарной керамики 16-18-веков.

Раскоп с северо-западной стороны церкви, у внешней стены несохранившейся трапезной, выявил элементы фундамента и кирпичной стены, вероятно, относящиеся к периоду ранее 1765 года. Данные остатки фундаментов и стены по очертанию контура напоминают придел, пристроенный к трапезной. Остатки второго, аналогичного придела просматриваются по другую сторону трапезной. Скорее всего, церковь в более раннем варианте имела два придела, пристроенных к трапезной. Сами приделы не сохранились, и сейчас церковь в селе Льгов восстанавливается по более позднему варианту - без приделов.

Церковь Святой Троицы в селе Льгов Хотынецкого района Орловской области (территория Орловского Полесья), несомненно является одной из старейших из сохранившихся каменных церквей Орловщины, построенных в 18-м веке в стиле «Нарышкинского барокко», причем не в городе, а в сельской местности.

Примечания

1. Природа Орловского края. Орел, 1983.
2. Географический энциклопедический словарь. М., 1986.
3. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1996.
4. Матюшин Г.Н. Археологический словарь. М., 1996.
5. Археология СССР:
 - Палеолит. М., 1984
 - Мезолит. М., 1989
 - Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1985.
6. Никольская Т.Н. Земля вятичей. М., 1981.
7. Пупарев А.Г. Древние городища и курганы Орловской губернии // Сб. Материалы для истории статистики Орловской губернии. Орел, 1877. Т.1.
8. Архив НПЦ по охране памятников (паспорта и др. материалы).

К ИСТОРИИ СЕЛА ИЛЬИНСКОГО (Графы Самойловы)

Одним из излюбленных охотничьих мест И.С.Тургенева были окрестности села Ильинское Карачевского уезда Орловской губернии. С 1991 года в этом селе действует народный музей «Тургеневское Полесье».

Как установила орловский краевед Л.В.Иванова, в конце XVIII – первой половине XIX веков владельцами старинного села Ильинского (Косагово тож), что ныне находится в Хотынецком районе Орловской области, были графы Самойловы, представители известной в русской истории и культуре фамилии. По семейным преданиям графов Самойловых, родоначальник их фамилии белорусский шляхтич Никита Самуйко выехал в Россию в первой половине 16 века, и с того времени на протяжении нескольких веков Самойловы верой и правдой служили России: были они воеводами, сенаторами, генералами и просто чиновниками.

От главы интересующей нас семьи сенатора Николая Борисовича Самойлова (1718-1791) имение Ильинское перешло его сыну - известному государственному деятелю екатерининского времени Александру Николаевичу Самойлову (1744-1814). Начав службу рядовым с 1760 года, Александр Николаевич отличился в первую и вторую турецкие войны, позднее участвовал в комиссии, судившей Е.И.Пугачева, в 1781-1783 годах командовал таврическим егерским корпусом. Взлет его карьеры произошел в 1792 году, когда Екатерина II назначила его генерал-прокурором и казначеем. В этих должностях А.Н.Самойлов пробыл до смерти императрицы, правителем канцелярии его был П.А.Ермолов - отец знаменитого орловца - героя войны 1812 года, генерала А.П.Ермолова. После кончины Екатерины II звезда Самойлова закатилась с исторического небосклона. О его жизни и деятельности с момента воцарения Павла I ничего не известно. Справедливости ради, следует сказать, что до нашего времени дошли как положительные, так и отрицательные отзывы об А.Н.Самойлове. Очень неодобрительные воспоминания о нем оставил русский поэт, князь И.М.Долгоруков (1764-1823), ценимый А.С.Пушкиным за юмор и изящество слога. В своей знаменитой книге «Капище моего сердца» Долгоруков писал: «Самойлов. Граф Александр Николаевич, бывший генерал-прокурором при Екатерине, родственник Потёмкина. Вот и все его права и отличия; впрочем природой обличен совсем в другом роде: глуп, спесив, груб, бестолков, дурен <...>. Довелось мне и у него быть под начальством, когда я служил в Пензе. <...> Он был главным побудителем гнева на меня государыни, когда она изволила мне отказать в Владимирском кресте. Не удовлетворяясь сим, он хотел вовсе меня удалить от должности, но сего ему не удалось, и государыня отказала ему в представлении о том; словом, этот титулованный скаред и дурак старался мне сделать всякое зло на свете».¹

Трудно говорить о справедливости этого отзыва: в нем есть много личного. Возможно, причиной конфликта было то, что поэтический князь Долгоруков, как пишет один из его биографов, «не был приспособлен ни к военной, ни к государственной и чиновничьей деятельности»² и в конце концов был уволен с должности пензенского вице-губернатора за любовные похождения.

Сын генерал-прокурора граф Николай Александрович Самойлов (ок. 1800-1842) был последним в роду Самойловых владельцем Ильинского. По материнской линии он приходился двоюродным братом герою войны 1812 года генералу Н.Н.Раевскому. Николай Александрович служил в Преображенском полку, а в 1827 году вышел в отставку в чине полковника. Вероятно, одной из причин его отставки было то, что он привлекался по делу декабристов, хотя и был за недоказанностью «оставлен без внимания». Н.А.Самойлов входил в окружение А.С.Пушкина. В очерке «Путешествие в Арзрум...» поэт пишет о его богатырской силе: при покупке новой шашки Самойлов пробовал её, «с одного маху перерубая надвое барана или отсекая голову быка».³ В одном из писем 1826 года Пушкин поздравляет Самойлова в связи с его примирением с женой Юлией Павловной. Эта женщина, вряд ли когда-либо бывавшая в Ильинском, представляет собой, пожалуй, самую яркую фигуру в череде хозяев села, хотя бы потому, что многие из нас с детских лет ее «знают в лицо».

Юлия Павловна Самойлова (урожд. фон Пален), (1803-1875) – светская дама, покровительница искусств, знакомая А.С.Пушкина и К.Б.Брюллова, обладательница колоссального состояния. Свое происхождение она вела от самой Екатерины I: ее дедом был Павел Мартынович Скавронский (ум. 1793 г.), внучатый племянник царицы, страстный меломан, он же двоюродный брат поэта И.М.Долгорукова. С 1727 года Скавронские владели землями в основанном позднее Кромском уезде Орловской губернии.⁴ Бабушка ее Екатерина Васильевна Энгельгардт была родной племянницей Светлейшего князя Г.А.Потемкина. Ее родители разошлись через год после ее рождения. Так, волею судьбы, Юлия Павловна стала приемной дочерью и наследницей второго мужа своей бабушки итальянского аристократа, находящегося на русской службе, старшего камергера двора Юлия Помпеевича Литты (1763-1839).

В 1825 году, по выходе замуж за Н.А.Самойлова, Юлия Павловна получила от Литты миллионное приданое, а после его смерти стала обладательницей его несметных сокровищ в России и Италии. Кроме того, к ней перешла его обширная художественная коллекция. Чтобы представить ее ценность достаточно сказать, что в свое время в нее входила восхищавшая И.С.Тургенева «чудесная маленькая мадонна Леонардо»⁵ - «Мадонна Литта» кисти Леонардо да Винчи, которая с 1865 года хранится в Эрмитаже.

Брак Юлии Павловны с Самойловым был недолгим. Но, несмотря на то, что впоследствии она еще дважды выходила замуж, она сохранила его фамилию и титул. Большую часть своей дальнейшей жизни она провела в Италии. К ней в Милан специально приезжали любители искусства, чтобы

увидеть ее знаменитую коллекцию; среди них были В.А.Жуковский, Ф.И.Тютчев, С.Ф.Щедрин, А.И.Тургенев и др.

В числе прочего, в ее миланском доме хранилось большое количество работ ее друга К.П.Брюллова, который за 20 лет знакомства с нею написал акварелью и маслом множество ее портретов.

Преданность и дружбу Юлии Павловны Брюллов особенно оценил в конце 1830-х - начале 1840-х годов. Это был самый тяжелый период в жизни уже немолодого художника, когда его попытка создать свою семью закончилась крахом. Юная девица, с которой он решил связать свою судьбу, оказалась существом порочным. Семейная жизнь, продлившаяся месяц, перешла в двухлетний бракоразводный процесс. Свет, не зная истинных причин дела, осудил Брюллова и отвернулся от него. Художник, которому за честь считалось позировать, остался без заказов. «Я так сильно чувствовал свое несчастье, свой позор, разрушение моих надежд на домашнее счастье, что боялся лишиться ума»,⁶ – писал Брюллов.

В этот момент в Россию по делам наследства приехала Самойлова. Женщина богатая, яркая, независимая, она пренебрегала условностями высшего света и двора и оказала художнику всемерную поддержку. Именно в это время Брюллов создал портрет, признанный со временем ее лучшим портретом: «Ю.П.Самойлова, удаляющаяся с бала» (246 x 176), хранящийся ныне в Русском музее Санкт-Петербурга.

На этом портрете мы видим гордую красавицу в роскошном бальном одеянии, бросающую на светскую толпу взгляд, полный достоинства и презрения. Мгновенье назад она была частью этой толпы, но вот уже сняла маску и обратила подлинное лицо к художнику, открыв свою душу лишь ему, человеку, которого она безгранично любила всю жизнь и преклонялась перед его талантом.

Именно такая женщина могла писать ему: «Я поручаю себя твоей дружбе, которая для меня более, чем драгоценна, и повторяю тебе, что никто в мире не восхищается тобою и не любит тебя так, как твоя верная подруга Юлия Самойлова». В своих письмах она не раз повторяла: «Люблю тебя более, чем изъяснить умею, обнимаю тебя и до гроба буду душевно тебе привержена». Она писала ему часто, говоря, что для нее «есть счастье» с ним «беседовать хотя пером».⁷

Брюллов, считавший Самойлову идеалом женственности, внешней и внутренней красоты, вводил ее образ во многие свои произведения. В его знаменитой картине «Последний день Помпеи» (1833 г.) черты Юлии Павловны отражены в нескольких женских образах; это и девушка с кувшином, и мать, пытающаяся спасти своих дочерей.

В 1832 году по заказу Самойловой Брюллов написал свою, пожалуй, самую романтическую картину «Всадница», изобразив на ней воспитанниц Юлии Павловны (дочь и племянницу композитора Д.Пачини, опера которого «Последний день Помпеи» вдохновила художника на создание одноименного полотна). У этой картины есть своя интересная история. В России долгие годы она считалась одним из портретов Самойловой, а в Италии, где ее

знали лишь по черно-белой литографии, более сотни лет утверждалось, что на ней изображена знаменитая французская певица Мария Малибран (1808-1836), старшая сестра Полины Виардо, пение которой Брюллов «любил до восторженности».⁸ Мария Малибран рано ушла из жизни после падения с лошади во время одной из верховых прогулок. В 1975 году театр «Ла Скала» издал книгу Э.Гара «Они пели в «Ла Скала», посвященную выдающимся оперным певцам ушедшего времени, опубликовав в ней брюлловскую «Всадницу» как портрет М.Малибран. И лишь на исходе XX века, познакомившись с подлинником картины и увидев, что рыжеволосая всадница не имеет ничего общего со жгучей брюнеткой Малибран, итальянцы с некоторой неохотой расстались с прекрасной легендой.

Ю.П.Самойлова пережила К.П. Брюллова на 23 года. На протяжении жизни ее окружали знаменитые литераторы, художники, музыканты. В ее доме бывали, черпая вдохновение, Беллини, Доницетти, Пачини, Россини, посвятивший ей один из экспромтов цикла «Музыкальные вечера»: Со временем наследство Литты растаяло. Умерла Юлия Павловна, обедневшая, всеми забытая, в возрасте 72 лет. Она похоронена на парижском кладбище Пер-Лашез.

До наших дней в окрестностях Милана сохранился ее роскошный дом, с готической мебелью, привезенной ею из России. Там теперь живут потомки графа Литты. Сохранилась и часть художественной коллекции, но работ К.Брюллова в ней уже нет.

Часто ли на своей итальянской вилле Юлия Павловна Самойлова вспоминала Россию, слышала ли об орловском селе Ильинское, нам, наверное, уже не узнать. А у меня, человека уже другого века, слова «село Ильинское» вызывают в памяти тургеневскую «Поездку в Полесье», скромный пейзаж русской глубинки и пышные картины Брюллова.

Примечания

1. Долгоруков И.М. Капище моего сердца. М.: Наука, 1997. С. 234.
2. Там же. С. 334.
3. Пушкин А.С. ПСС. Т. 8(1). М.: Воскресение, 1995. С. 458.
4. ГАОО, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 2388 (1799-1803).
5. Тургенев И.С. ПСС и П. Т. 9. М.-Л.: Наука, 1965. С. 367.
6. Бочаров И., Глушакова Ю. Итальянская пушкиниана. М.: Современник, 1991. С. 71.
7. Все цитаты из писем Ю.П.Самойловой к К.П.Брюллову даны по книге: Бочаров И., Глушакова Ю. Итальянская пушкиниана. М.: Современник, 1991. С. 71-72.
8. К.П.Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников. М.: ИХЛ, 1961. С. 130.

Литература

1. Прожогин Н. Брюлловская всадница и ее необычайные превращения // Мир и музей. 1998, № № 1-2.
2. Русский биографический словарь в 20 томах. Т. 13. М.: Терра, 2001.
3. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л.: 1989.

ВАСИЛИЙ КАЛИННИКОВ И ОРЛОВСКИЙ ТУРГЕНЕВСКИЙ КРАЙ

Не последним в числе лиц, оставивших свой яркий след в русской музыкальной культуре, стоит имя Василия Калининкова. Группа музыкантов Орловского края не так славна и велика, как плеяда орловцев поэтов и писателей. Первым в ряду литераторов – Иван Сергеевич Тургенев, также как и Калининков – в числе лиц, сказавших свое слово в музыкальном искусстве. Средой, питающей творчество наших художников, всегда были природа родного края, общественные отношения людей, их собственные мысли и чувства.

Орловский привольный край, воспетый Иваном Сергеевичем, – родина Калининкова. Без этого места России наш великий писатель и замечательный музыкант Василий Калининков не представляли своей жизни. С завидным постоянством стремились они в родные края: вздохнуть полной грудью благодатного воздуха, увидеть просторы хлебородных полей, набраться живительных сил от многообразной среднерусской природы. Бесценно творческое наследие этих двух людей. Это гимн русской природе, земле и людям ее населяющим, радости жизни и благородства души человека.

Детство и юность Калининкова прошли во Мценском уезде и Орле. В одном из писем он напишет: «Тургеневское Спасское - находится от нас в нескольких верстах, и я там неоднократно бывал маленьким с покойным отцом, который иногда посещал Тургенева по обязанности службы». Семья станового пристава С.Ф.Калинникова жила в селе Первый Воин Мценского уезда в доме на территории имения Новосильцевых. В своей первой книге о композиторе В.В.Пасхалов, ученик и первый биограф Калининкова, пишет: «По словам его жены (Софьи Николаевны Калининковой) с детских лет Василий находился под обаянием великого своего земляка и самого любимого писателя И.С.Тургенева. И не мудрено. Орловским деревенским привольем, воспетым автором «Записок охотника», он мог наслаждаться когда угодно и сколько угодно. Он побывал во всех увековеченных Тургеневым местах: и в имении писателя в Спасском <...>, и во Льгове, и на берегу ручейка “Малиновая вода”».

В 1876 году отец привез Василия в Орел и отдал учиться в 1-ое духовное училище. Это было в традициях семьи Калининковых – отец и мать Василия из среды низшего духовенства. Трое братьев идут по стопам Василия. Окончив училище, Василий поступает в Орловскую духовную семинарию и заканчивает четыре ее класса, что дает среднее общее образование.

Все годы занятий в семинарии Василий, обладавший очень яркими музыкальными способностями, был регентом хора семинаристов. Это

руководство было, как теперь говорят, общественным делом. Учитывая большое прилежание и природное умение руководить хором, ректор семинарии протоиерей А.Богданов смело утвердил за Калининковым такую почетную обязанность. В начале последнего года занятий Василия в Орел пришло известие о кончине И.С.Тургенева в Париже. 27 августа 1883 года в «Орловских Епархиальных ведомостях» была опубликована речь священника А.Вознесенского, произнесенная перед состоявшейся панихидой в одной из орловских церквей. Хор семинаристов, видимо, принимал в этом богослужении об упокоении души великого сына России самое непосредственное участие. Семинарский хор к этому времени славился своим певческим искусством, и об этом писали газеты. И еще, учитывая то, что ректор семинарии Богданов был и редактором «Орловских Епархиальных ведомостей», он, наверное, не пропустил возможность блеснуть ярким звучанием молодых юношеских голосов своего хора.

Окончив общеобразовательный курс предметов в семинарии, Василий решил учиться музыкальному искусству в Московской консерватории. Проучившись год в консерватории, Калининков из-за недостатка денег на уплату обучения вынужден был перейти учиться в Московское музыкально-драматическое училище Московского Филармонического Общества.

Первые годы занятий в училище Калининков в качестве учебной работы по сочинению для симфонического оркестра берет сюжет стихотворения в прозе И.С.Тургенева «Нимфы» и пишет симфоническую картину одноименного названия. Можно предположить, что это писалось Калининковым к 5-летию со дня смерти Тургенева. Исполнялась картина при жизни автора музыки однажды, в благотворительном концерте 16 декабря 1889 года, дирижировал ею известный в то время дирижер А.Труффи.

В 1892 году Калининков закончил Московское училище. Постановлением Художественного Совета училища Калининков удостоен аттестата 1-й степени, дающего право на звание Свободного Художника. Поступил на работу в труппу так называемой «Итальянской оперы» вторым капельмейстером (дирижером), но из-за обострения болезни от работы пришлось отказаться. Врачи настоятельно рекомендуют уезжать в Крым и энергично там лечиться. Но жизнь больного и материально необеспеченного человека в Ялте – трудная задача. Свое пребывание и лечение в Крыму Калининков считал крайне тягостным и часто в письмах к друзьям называл себя «крымским затворником». Всей душой он в мыслях стремился в среднюю Россию, на родину, но коварная болезнь (туберкулез легких и горла) требовала кардинального и неукоснительного лечения. В зимние месяцы года жить в Крыму для четы Калининковых еще было как-то возможно. Летом же наплыв курортников разного рода, жара и значительное подорожание жизни принуждали к отъезду в родные места.

Из писем В.С.Калинникова в разное время: «Июльские жары совершенно меня ослабили, тут еще угораздило схватить что-то вроде воспаления легких, и я думал, что пришел мой конец. Но теперь дело пошло на улучшение, и я могу сказать словами чеховских героев: «А я опять не

помер!» Или вот еще: «Целые дни лежу в постели, не могу сам одеваться <...>. Не могу справиться с температурой и все время по вечерам, когда я привык работать, жарюсь на собственном огне <...>» И: «Не хочется расставаться с жизнью не потому, что страшно было смерти, а потому что хочется жить, работать <...>, оставить после себя хоть маленький след». Преодолевая физические муки, Василий Сергеевич занимался композицией. Вот несколько его слов о работе над романсом на слова К.Романова «Колокола»: «Писался он буквально по такту в день, так как писавший его субъект, страшно болен».

По сохранившимся и опубликованным письмам мы легко узнаем, откуда они посылались и узнаем, когда Василий Сергеевич бывал в родных орловских краях.

Лето 1895 года он жил в Дмитровске. Дом родителей жены был достаточно просторным, чтобы принять на лето дочь и зятя. «С Крымом пришлось расстаться раньше предполагаемого времени потому, что у меня явились признаки малярии, заметив которые мой доктор начал усердно гнать меня на север...», - так пишет Василий Сергеевич Кругликову, своему бывшему учителю и настоящему другу.

В 1896 году летние месяцы Калининков тоже проводит в Орловской губернии. Он пишет друзьям: «Мой летний адрес: Станция Хотынец Риго-Орловской Ж.д. В село Рябинки. Ее превосходительству Ольге Александровне Пфель, для передачи В.С.Калинникову. Здоровье скверно, но креплюсь». В последующем письме из Рябинок (от 1 августа 1896 года) композитор пишет: «Не ответил Вам [Кругликову – Е.К.] тотчас <...>, был все время не особенно здоров и находился, кроме того, в удрученном состоянии духа, благодаря смерти брата моей жены, лечившегося прошлую зиму вместе со мной в Крыму. Умер он во цвете лет (21 год) от скоротечной чахотки, <...> мне не пришлось присутствовать при его смерти, так как он умер в Дмитровске у родителей <...>, в последнее время я получил еще несколько известий о кончине кое-кого из ялтинских знакомых больных. Невольно начинаешь думать о себе <...> как на ближайшего кандидата в путешествие туда, откуда нет возврата». Такие строки из письма дают ответ, почему Василий Сергеевич оказался летом 1896 года не в Дмитровске, а в Рябинках

На дате 8 февраля 1897 года надо остановиться особо. День этот стал для В.С.Калинникова судьбоносным. Два года на предложение разным лицам исполнить «Первую симфонию» в концерте Калининков получал отказ, и лишь киевский дирижер Александр Николаевич Виноградский осмелился представить творение неизвестного молодого композитора на суд музыкально просвещенной публики Киева. Спустя годы этот известный в Европе дирижер говорил: «Из русских композиторов я исполнял впервые в Киеве симфонию Калининкова. Его не хотели знать ни в Петербурге, ни в Москве. Он не мог добиться там, чтобы его хоть выслушали». Дальше Виноградский вспоминает: «Его слушали со вниманием, сразу оценили и поставили свой приговор смело. После Киева симфония исполнялась во всей

России и во всех больших центрах Европы и всегда с успехом. – Вспоминаю при этом трогательный эпизод. Когда замолкли последние звуки мощной симфонии (в Киеве), на вызовы публики вышел автор, тщедушный, чахоточный юноша. Публика была поражена контрастом этой внутренней необыкновенной силы в слабом теле <...>. Благодарные киевляне не только по достоинству оценили творение молодого музыканта, но и помогли ему материально суммой денег на необходимое лечение.

Врачи настаивали на круглогодичном проживании Калинникова в Ялте. Василий Сергеевич имел у себя «киевские деньги» и надо было решить, куда и когда ехать лечиться. Решено было: лето 1897 года всей калинниковской семьей провести в родных местах во Мценском уезде Орловской губернии, а осенью направиться по совету московских врачей лечиться за рубежом.

В письме Калинников пишет: «Дачу наши наняли в том селе <...>, где я родился и где не был больше десяти лет. Думаем там устроиться всем нашим <...> семейством и возобновить светлые воспоминания детства. Местность там прекрасная и главную прелесть представляет огромный тенистый парк, занимающий сорок десятин». Парк этот входил составной частью в бывшее имение известного человека в России П.П.Новосильцева и его сына Ивана Петровича. В их доме бывали И.Тургенев, Л.Толстой, А.Фет и многие другие известные люди. Н.В.Гоголь подчеркивал, говоря о Новосильцеве-старшем, что тот «был знаком всем литераторам», в том числе и А.С. Пушкину. На чудом сохранившемся (в революционные годы и последующее военное лихолетье) основном здании имения укреплен теперь мемориальная доска, гласящая о посещении Новосильцевых перечисленными выше лицами. На одном из подсобных домишек имения (по иронии судьбы много последних десятилетий в имении располагается санаторий «Воиново» для больных туберкулезом) укреплен еще одна доска - на столетие со дня рождения В.С.Калинникова – 13 января 1966 года.

Калинников пишет в продолжении цитированного выше письма: «Я и жена усердно мараем <...> полстопы нотной бумаги: я оркеструю последние части новой симфонии, а она переписывает фортепианные партии и партитуры. <...> Гуляем по парку и переживаем впечатления далекого детства. Я здесь родился и прожил почти до 15 лет: каждый кустик, каждая дорожка в парке, или тропинка в лесу будят массу воспоминаний и навевают какое-то мирное настроение. <...> я рад, что пришлось лето жить здесь <...>. Давно уже не приходилось так приятно проводить лето <...>. Хотя говорят, что родина мила не местными красотами, а воспоминаниями детства, но право же, в данном случае на лицо и то и другое. Поселились мы на так называемой «поповке» у однодворца Овсяникова. Вероятно, не забыли у Тургенева в «Записках охотника» такую фамилию. Так вот у этого самого Овсяникова мы сняли чистую половину его дома и устроились довольно удобно <...>. Кстати, Тургенев, говорят, списал свой портрет Овсяникова с отца нашего хозяина. Любопытно, что теперешний Овсяников совсем не

имеет понятия о Тургеневе и превратился в заправского мужичка, живущего только почище других».

Возвращаясь к пребыванию Калинниковых в Первом Воине на «поповке», надо заметить, что для Василия Сергеевича время проходило благотворно. «Мы с женой, - писал Калинников, - за недосугом пока мало гуляли, но теперь забросили перья, закупили чернильницы и взяли у самих себя на две недели отпуск, намереваясь посвятить их гулянию и шлянию по окрестностям». Это летнее свидание с родным местом было для Василия Калинникова последним. В доме «Овсяникова» он в основном закончил работу над Второй симфонией, а впереди предстояла не радовавшая его поездка на лечение во французскую Ривьеру. «Я никогда не мог понять такого настроения, - пишет В.В.Пасхалов, - потому что не знал того, что знал сам Василий Сергеевич. А именно – что надежды на его выздоровление нет ни малейшей».

С 14 октября 1897 года по апрель 1898 года Калинников лечится за рубежом. Сначала на курорте в Меране, а затем переезжает в Ментону.

6 декабря 1897 г. в Москве состоялась премьера его Первой симфонии, дирижировал известный немецкий дирижер Герман Цумпе. Предварительно ознакомившись с партитурой, он так характеризовал сочинение: «Симфония г. Калинникова – высокоталантливое произведение и новое доказательство блестящей одаренности русского народа в области музыки».

В рамках этого повествования трудно полностью поведать обо всем, что было в короткой жизни композитора, но о том, что он в Ментоне купил себе фотоаппарат и начал учиться фотографировать, трудно умолчать. Фотографии В.С.Калинникова прямо иллюстрируют последние два года жизни музыканта.

Возвратился Василий Сергеевич в Москву в апреле-мае 1898 года. Также как и перед отъездом на лечение вся семья Калинниковых решила провести лето вместе.

Выбор пал на село Ильинское, расположенное близко от станции Хотынец; рядом - Льгов и, так называемое теперь «Орловское Полесье». Эти места тоже прославлены нашим Тургеневым.

Из Ильинского Калинников пишет Кругликову: «Устроились мы в деревне сравнительно недурно. Мы с женой занимаем отдельное большое помещение (только что выстроенная церковно-приходская школа, которую любезно нам предложил местный священник), а братья с сестрой и мама живут невдалеке от нас в помещении земской школы. К.В.Делле (инспектор музыкально-драматического училища) прислал мне сюда пьянино, которое служит всем нам большим украшением жизни, а мне очень полезно для работы. У Виктора есть велосипед, на котором он теперь сносно ездит и собирается совершать ежедневные экскурсии на вокзал (15 верст) за газетами и почтой. Брат Аркаша (студент-медик) начинает лечить мужиков и баб от всяких недугов, а я занимаюсь фотографией и музыкой».

Сохранившиеся фотографии Василия Сергеевича служат, можно сказать, дополнительной информацией о дачной жизни Калинниковых в Ильинском.

В Ильинском Василий Сергеевич писал музыку вступления к драме А.К.Толстого «Царь Борис». Калинников сообщает: «Я очень рад, что опять имею возможность работать, а то за последнее время я как-то так ослабел физически и нравственно, что не мог ничего делать. Уж очень надоело болеть и жить «аки птица небесная».

Несмотря на видимое благополучие, в душе композитора нет покоя из-за совершенной неопределенности материального положения и предчувствия фатальной развязки. Но Василий Сергеевич все-таки продолжает упорно трудиться и поставленную задачу – написать музыку к драме за лето – выполняет.

Где-то в марте Калинников живет на юге, и врачи твердо не советуют ему покидать Крым, но так случилось, что по совету С.И.Мамонтова он переезжает из Крыма на Кавказ, в Сухуми. Здоровье заметно ухудшается. Последним его произведением стала незаконченная опера на либретто Мамонтова под названием «В 1812 году». Пролог был исполнен частной Московской оперой 16 ноября 1899 г. Музыка пролога оценена критикой положительно, и композитор получил от исполнителей и зрителей поздравительную телеграмму с пожеланием скорейшего завершения оперы. Но дни Калинникова были уже сочтены.

Последним желанием музыканта было жить на родине. Он писал: «На лето думаю устроиться в маленьком городке Мценске – месте моей родины. <...> На этот раз поселимся, вероятно, в самом городе где-нибудь на окраине. Затем, если нам понравится <...>, то думаю поселиться там навсегда». Калинников любил свой родной край. Даже во вступлении к опере «В 1812 году» хотел выразить музыкой «то настроение от чисто русского пейзажа, которое так чудесно выражено Тургеневым в том стихотворении, которое я Вам так недавно показывал», - пишет Василий Сергеевич Кругликову. Из письма от 3 апреля 1900 г.: «Шляться по курортам мне надоело, толку из этого мало <...>, а посему выгода жизни в Мценске очевидна. Что касается здоровья, то уверен, <...> мне будет нисколько не хуже, нежели где бы то ни было. Климат тамошний мне родной, место высокое, сухое; городок маленький и воздух чистый. <...> Умереть же в Мценске мне, пожалуй, будет приятнее, нежели где-нибудь на курорте».

Желание жить в родном крае осталось неосуществимым – помешала смерть. Умер Василий Сергеевич в Ялте 11 января 1901 года, не дожив двух дней до своего 34-х-летия.

Музыкальное наследие его не велико, но позволяет критикам-музыкантам считать В.С.Калинникова классиком Русской Музыки. Для нас орловцев, любящих свой край, его историю музыка Калинникова очень значима.

Ученик В.С.Калинникова, его первый биограф Вячеслав Викторович Пасхалов написал: «Слушая музыку Калинникова, мы чувствуем, что ему

свойственна некоторая склонность к элегическим настроениям <...>. Но элегия не является основным звуком музыкальной лиры композитора <...>. Радость, излучаемая произведениями Калининкова, - это его личная радость. Это то упоение жизнью, вера в людей, в человеческий гений, словом, все, что так чудесно умел описывать земляк Калининкова – Т у р г е н е в».

С.А. ТИШИНА

ОБ ИСТОРИИ ВВЕДЕНСКОЙ ЦЕРКВИ СЕЛА ТУРГЕНЕВО ЧЕРНСКОГО УЕЗДА ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

І. Церковь.

Долгие годы ждет реставрации Введенская церковь села Тургенева, родового имения отца великого писателя в Чернском районе Тульской области. Сейчас, когда в бывшем «Зимнем флигеле» бумажной фабрики Тургуевых организуется музей, вопрос о судьбе церкви стоит особенно злободневно. История Введенского храма интересна, тем более, что в народной памяти живут имена священников, прославившихся на ниве народного просвещения.

Материал по этой теме собран из «Летописи Введенского храма» (находится в фондах Гослитмузея И.С.Тургенева в Орле), из «Клирных ведомостей» церкви села Тургенева за 1838 и 1861 годы, из публикаций моего отца – краеведа, учителя Тургуевской школы А.Ф.Полякова, из воспоминаний родственников местных священников.

«Летопись Введенского храма» (глава «Приход») гласит: «Село Тургуево получило свое название в конце 18-го века, со времени построения храма. Название свое оно получило по фамилии храмостроителя – помещика Николая Алексеевича Тургуева. <...> Приход состоит из 5 деревень: Тургуево, сельцо Петровское от храма в одной версте, сельцо Синдеево - в версте, сельцо Стекольная Слободка в одной версте и деревня Велевашева хутор в 2-х верстах».

Со временем в сельцо Синдеево была построена своя церковь, зато к Тургуевскому приходу стало относиться сельцо Снежедь.

В главе «Храм» значится: «До построения каменного храма в селе Тургуеве <...> существовала церковь Введения во храм Богоматери. Постройка деревянной церкви относится к 90-м годам 18-го века <...> Долго ли существовала временная церковь с точностью неизвестно. Деревянный храм находился приблизительно на месте существующих в настоящее время памятников над прахом господ Хозиковых». Памятники эти были на месте ещё в 70-е годы 20 века: близ церкви каменной, на северо-западе от неё, напротив школы.

«Закладка каменного храма сделана была в 1795 году», как видно то из служебной надписи священника В.В. Говорова на библии, хранившейся в церкви. «Тургуевская каменная церковь заложена в 1795 году» -

подтверждают материалы Тульской духовной консистории. «Постройка храма окончена в 1806 году на средства прихожанина лейб-гвардии Прапорщика Николая Алексеевича Тургенева, приблизительно на сумму в 1500 рублей серебром. Оба придела освящены в 1807 году, 22 числа ноября, правый придел – во имя преподобной Параскевы, чин освящения совершал местный священник Сергей Соколов. Настоящий храм холодный, остался внутри неотделанным, отделка храма завершена прихожанином генерал-майором Николаем Николаевичем Сухотиным при вспомогательных церковных средствах и пособии прочих прихожан, освящен 1861 года 3 сентября местным благочинным Захарием Турбиным. Стены оштукатурены были известью и покрыты приличными красками с изображением в куполе Святого Духа. Каменная колокольня с 6 колоколами: в большем – 108 пудов, 23 фунта, а в самом малом – 1 пуд, 19 фунтов».

Построение храма было результатом религиозного благочестия Н.А.Тургенева – он строил не ради выгоды и славы. Говорят, он лично ездил на кирпичные заводы, где пробовал каждый кирпич, он даже не пожалел продать одно из своих имений для того, чтобы закончить постройку храма.

Параскевский придел был построен в память о дочери Николая Алексеевича – Параскеве, умершей ко времени завершения строительства; Николаевский придел – в память о самом строителе храма. Сам Введенский храм возведен во имя почитаемой господами Тургеневыми иконы Введения во храм Божьей Матери: храмовая икона, как повествует летописец, выделана серебряно-вызлащенной резью, осыпана по венцам жемчугом. О ней существовало два рассказа: а) Николай Алексеевич был когда-то бригадиром, оставив полковую жизнь, он увез каким-то образом икону из полковой церкви, а затем передал ее в построенный им храм. Более основательный и достоверный другой рассказ: б) икона родовая, она сопровождала многих Тургеневых в бою... Тургеневы при вере в покровительство Богоматери всегда оставались невредимыми.

В иконостасах – иконы Спасителя и Божьей Матери – работы Академии Художеств. Более замечательная живопись принадлежала художнику Свиридову, часто жившему у Н.Н.Сухотина: Святитель Николай Чудотворец, Анна Пророчица (в иконостасе при левом клиросе), изображение Архангела на северной двери. Мясоедову принадлежало изображение Господа Саваофа и трех ангелов при нем.

Над иконостасами была устроена арка. Красотой отличались царские ворота, резные, раззолоченные. В 1893-95 годах иконостасы поновлялись, по образцу левого оборудовался правый. Левый иконостас устраивал московский иконосташник Павел Варфоломеевич Чаадаев за 2500 руб. (средства дал церковный староста, чернский купец Анисим Чаадаев). Правый иконостас сделал на средства того же Чаадаева иконосташник города Козельска.

Высокая золоченая колокольня, белые колонны, красивые царские ворота делали церковь величественной. Она украшением возвышалась над селом и парком Тургеневых. Так гласит летопись Введенского храма.

Приведу дополнительные сведения о церкви из «Клирных ведомостей» села Тургенева: «Престолов в ней положено быть три: а) Настоящая холодная во имя Введения во Храм Пресвятыя Богородицы», б) в приделах же холодных: по правую сторону – во имя Святителя Николая Чудотворца, а по левую – во имя Преподобныя Параскевы. Причта по штату можно быть три: священнику, дьячку и пономарю по одному.

Земли при сей церкви в указанных пропорциях: усадебной – три, пашенной – тридцать три десятины, вырезана из земли, дачи плана на оную и межевой книги нет, <...> а священнослужители получают за оную муку, именно: разным хлебом пятьдесят пять четвертей, деньгами сто семьдесят пять рублей и сие сделано между помещиком и священнослужителем по согласию, по книгам законным не учтено <...> Дома у священника и пономаря собственные, на господской земле <...> На содержание священнослужителей настоящего оклада, кроме означенной муки и малозначущих доходов, ниоткуда не получается, содержание по малоприходу скудное <...> Зданий, принадлежащих церкви, не находится. Расстояние от церкви до консистории в 110, от Духовного правления – в 70, от местного благочинного – в 10 верстах. Ближайшая к той церкви суть: Богдаевская в селе Синдееве, Параскевская в селе Гуньково в одной версте».

II. Кладбище.

Кладбищем первоначально служило место возле церкви, где хоронились церковные и иные по штату миряне. Это кладбище вместе с церковью «было обнесено кирпичной оградой <...>» Одновременно было и другое кладбище, и находилось на <...> выгоне, между училищем и причтовыми постройками», «занимало пространство в 1/8 часть десятины», ограждений не было. «Погребение здесь происходило по просьбе священника, при согласии помещика в 1854 году. С этого времени хоронили опять близ церкви, пока на помещичьей земле не отвели кладбище». («Летопись». Глава «Кладбища»). Его обсадили деревьями, окопали рвом. Кладбище, о котором говорит летописец, существует по сей день. Давно нет ворот, ров и пространство между могилами поросли зеленью. Усыпальницы на этом кладбище никогда не было. При погосте близ церкви до сего времени сохранился склеп, вход в него с улицы. Примерно до 70-х годов 19 века у церкви сохранялось множество памятников, в том числе над могилой Надежды Маляревской. С ними поступили кощунственно: поддели бульдозерным ковшом под основание, стащили, погрузили на самосвал и увезли куда-то. Кто отдал распоряжение совершить этот акт вандализма – мне неизвестно. Старожил села Тургенева, учитель труда Тургеневской школы, ныне пенсионер, Иван Иванович Сахаров в детстве своем, в 30-е годы видел, как надругались над прахом Сухотина, покоившемся под плитами храма в цинковом гробу: какие-то люди приехали с лопатами на легковых машинах, быстро вошли в церковь и стали копать в том месте, где ,

по их сведениям, был гроб Сухотина; отрыв его, открыли (они искали якобы положенные туда деньги). Не найдя ничего, выругались, бросив останки на землю, уехали.

Дети видели через оконную решетку церкви, как тело Сухотина, в гробу чудесным образом сохранившееся, вдруг, при доступе воздуха, всё сжалось, осело. Военная форма артиллерии майора Николая Николаевича Сухотина стала предметом забавы неразумных мальцов...

Тогда, в 30-е годы, Введенская церковь утратила свое назначение. Стремительно убывала и ее красота, ибо как только не использовали её! И под клуб, и под госпиталь в период войны, в ней хранили зерно в послевоенное время и даже устроили там склад едких удобрений, каковой находился там до последнего времени. Гибли прекрасные росписи, странно глядели со стен пробитые пулями лики ангелов, святителей, самого Господа (одно время школьники на уроках военного дела упражнялись здесь в стрельбе, как в тире).

Будет ли реставрирована великолепная прежде церковь в связи с созданным в селе филиалом Тургеневского музея-заповедника – покажет время. Хотелось бы надеяться...

III. Окрестности храма.

В названной Летописи указан интересный факт: на берегу реки Снежедь, на Бежином Лугу находился колодец, который в народе прозвали «Прощеным». «Очевидцы говорят, - сообщал летописец, - на колодце была икона, лежали крестики, медные деньги и свечи». Общее убеждение, что вода Прощеного колодца, подобно крещенской, никогда не портится и исцеляет от глазной боли».

За святой водой, как говорили в народе, ходили и к так называемому Гремучему ключу. Вот что значит в архиве краеведа А.Ф.Полякова (запись сделана в 80-е годы 20-го века): «На реке Снежедок (приток Снежеди – прим. автора), в лесу, называемом Городищенским, на весьма крутой и едва доступной возвышенности, имеется несколько насыпных курганов, называемых в народе Городищем. Внизу против этих возвышенностей и находится пользовавшийся большим уважением у местных жителей ключ Гремучий, ныне совершенно заросший и едва заметный».

Кстати, о Городище. В «Летописи Введенской церкви» читаем: «Городище представляет собой вид правильного треугольника... Близ сего Городища, по западной стороне есть «могильное поле», о котором поселяне говорят, что здесь были когда-то церковь и жилье». Это Городище было изрыто кладоискателями. Окрестные жители верят в какое-то предание, что в чаплыгинском городище сокрыты несметные богатства», - приводит летописец данные из работы Ивана Петровича Сахарова «Исторические памятники Тульской губернии», - по их рассказам, часто находили здесь старые деньги и военные доспехи <...>» В 12 верстах от чаплыгинского городища находятся 3 кургана, один из них, средний, довольно большой

величины, а другие едва заметны от распахивания. Окрестные жители считают их могилами и говорят, что на этом месте было страшное побоище с татарами, и что в большом кургане похоронены русские воины, а в двух малых – татарские. Последние кем-то взрыты и о находках нет известий... На могильном поле находится деревня Велевашева хутор, принадлежавшая Тургеневскому приходу. «Летопись» свидетельствует, что крестьяне при строительстве домов отрывали огромные черепа. Что же касается богатств этого городища, то жители говорят, что их зарыл разбойник Кудеяр (глава «Местность»).

IV. Священнослужители. Приходская школа.

Первым священником Введенского храма был Борис Михайлов, переведенный в 1784 году из села Гунькова в Тургенево «на новостроение церкви», о чем свидетельствуют ревизские сказки по селу Гунькову за 1798 год. Наибольшее значение в истории села Тургенева и Введенского храма, судя по обнаруженным документам, имели священники Иван Петрович Сахаров – автор труда «Исторические памятники Тульской губернии», Владимир Васильевич Говоров и Иван Васильевич Казанский. В «Клирной ведомости» села Тургенева за 1861 год значится: «Священник Владимир Васильев Говоров, дьячков сын. По окончании Тульской духовной семинарии был уволен с аттестатом 1-го разряда. В 1842 году октября 20 дня рукоположен во священники Пр. Еп. Дамаскиным, в 1849 году был избран членом-корреспондентом Императорского Русского Географического общества и в 1850-52 годах получил от Общества благодарность за доставление климатических сведений. В 1854 году определен членом Комиссии для составления новых описей церковного имущества. Награжден крестом <...>»

В семье отца Владимира, кроме жены Марии Ивановны, пятеро детей – Федор учится в Тульской Духовной семинарии, Петр – там же, учится на средства отца, в доме еще девочки – четырнадцатилетняя Александра да трехлетняя Наталья, да годовалый Семен.

Дьячком при Говорове служил Алексей Петрович Птицын, пономарем – Василий Петрович Ключарев. В «Летописи Введенской церкви» сказано, что Говоров был «депутатом от духовенства, наблюдателем школ и помощником благочинного», «награжден камилавкой». В 1880 году священник вышел за штаты, служил по найму в тюремном замке города Черни. Он умер 19 июня 1892 года. До самой смерти батюшка был на ногах и в твердой памяти.

Владимир Васильевич Говоров открыл первую церковно-приходскую школу в 1863 году (так пишет в своей книге «История Тургеневской средней школы» А.Ф.Поляков). Вместе с ним учителем работал и псаломщик Ключарев. Открывалась школа в присутствии помещика села Николая Сергеевича Тургенева. Двадцать мальчиков были обеспечены тетрадами и букварями. Школа приняла мальчиков и всего прихода. В «Летописи

Введенской церкви» читаем: «Грамотность в приходе села Тургенево, особенно в самом селе, не могла не развиваться при таких преданных просвещению народной массы <...> лицах, каковыми были Иван Сергеевич Тургенев и штатный священник Владимир Васильевич Говоров. О литературном значении первого нет и речи <...>, о последнем известно как о стихотворце» (глава «Церковно-приходское училище, школы грамоты и др.»).

Что касается Ивана Васильевича Казанского, то вот что мне удалось разыскать о нем: «С июля 1880 года состоит священником села Тургенева <...>, уроженец села Каменки Епифанского уезда, сын диакона Василия Григорьевца, воспитанник Тульской семинарии выпуска 1877 года. С 1881 года состоит законоучителем школы села Тургенева» (10 ноября 1881 года при Тургеневском Волостном Правлении открыта была земская школа); на первых порах, несмотря на тесное помещение, школа успела показать себя с хорошей стороны. При ревизии школы членом Чернского Уездного совета священником Михаилом Яковлевичем Пятницким было сделано следующее заключение: «Способ первоначального обучения чтению звуковой. Преподавание ведется разумно, осмысленно. Самой даже младшей группы дети начинают читать с правильной интонацией и пониманием <...> Закон божий преподает местный священник Иван Васильевич Казанский. Прочим предметам обучает кончивший курс Тульской Духовной семинарии Иван Николаевич Б. (?) Тот и другой обладают замечательным педагогическим тактом. Тот и другой трудятся по школе с усердием примерным». Другая ревизия школы, проведенная 9 марта 1883 года, отметила: «Училище ведется в опрятности <...>, успехи учеников – свидетельство о прилежании и добросовестности учителей <...> За время существования Тургеневской Земской школы выдано свидетельств на льготы 4-го разряда по отбыванию воинской повинности шестнадцати ученикам» (Глава «Церковно-приходское училище». Отдел б). А.Ф.Поляков в «Истории Тургеневской средней школы» пишет, что Казанский «был человеком волевым, настойчивым, энергичным». Он слыл в Тургенево очень авторитетной личностью. Его большой деревянный дом с высоким крыльцом стоял на месте нынешнего молокозавода (я хорошо помню этот дом; в нем после Отечественной войны размещалась сельская библиотека; он сгорел, по-моему, от неаккуратной топки печей). Казанский был прекрасным семьянином, имел 12 детей. По рассказам моей мамы, Анны Михайловны Поляковой, старожилы помнили, как батюшка, попадая и все двенадцать отпрысков нередко шествовали на званый обед к барину (тогда в Тургенево помещиком был уже Антон Антонович Лауриц, женатый на племяннице жены Н.С.Тургенева). Казанскому удалось, как пишет А.Ф.Поляков, уговорить богатого чернского купца Чаадаева помочь в строительстве на селе специального здания церковно-приходской школы. И вот в 1883 году на берегу крохотного ручейка Азаровка, впадающего в Снежедь, появилось новое здание школы. Оно было деревянным, крыто железом, на высоком фундаменте. В школе была одна классная комната, раздевалка и маленькое помещение для учителя

и сторожа. Училось тогда в школе 60 учеников (45 мальчиков и 15 девочек).

Вот еще выписка из брошюры А.Ф.Полякова: «Священник Казанский, фактически заведующий и попечитель церковно-приходской школы, не счит возможным ограничиться только этим типом учебного заведения для крестьян. В его намерение входило создать такую школу, которая явилась бы своеобразной «кузницей кадров» для школы грамоты и церковно-приходских школ Чернского уезда и всей Тульской губернии. Он добился в духовном ведомстве отпуска средств на постройку второклассной школы и привлек помещика Лаурица к этому делу».

В 1897 году в Тургеневе была открыта «второклассная школа» во вместительном здании на верху бугра Красный холм, там, где теперь находится правление колхоза имени Тургенева. Один из первых учеников этой школы, Петр Митрофанович Шадский, вспоминал, что школа была из «красного леса», стояла на высоком фундаменте. Четырехметровый коридор делил здание на две части. В левой части размещались три одинаковые классные комнаты, в правой – раздевалка, учительская, библиотека, классная комната и кабинет наглядных пособий. Рядом отвели квартиру для учителей, организовали интернат на 50 человек. Отдельно от школы стояли баня и дровяной сарай. Все эти постройки были окаймлены красивой изгородью, занимали площадь около гектара. Заведующим школы был о. Казанский, попечителем – А.А.Лауриц. Педагогический коллектив состоял по преимуществу из лиц, закончивших духовную семинарию. В школе преподавали закон божий, церковную историю, русский язык, географию, физику, арифметику, отечественную историю, черчение, чистописание, рисование, дидактику, церковное пение, практические сведения по гигиене. Ходила в классы в основном беднота, в домотканой одежде, в лаптях, а в плохую погоду – на ходулях. В холщевых сумках через плечо носили школьные принадлежности: книги, тетради, карандаши. Однако все, за редким исключением, учились прилежно. Обаяние и влияние школы было велико. Иван Васильевич Шишов, получивший потом высшее образование и работавший в Свердловском университете, очень тепло вспоминал о школе этого периода: «Я должен прямо сказать, что ни одна из школ, которые я потом окончил, не оставила во мне столько светлых воспоминаний, как Тургеневская второклассная школа. Под руководством Казанского здесь работали учителя-энтузиасты».

Надо сказать, что прекрасные традиции, заложенные в это время, продолжали затем учителя начальной школы (Красной школы и Тургеневской средней школы). Они внушали детям, что, воспитанные в светлом ореоле памяти Ивана Сергеевича Тургенева, они должны в жизни своей быть достойными этой памяти...

... Последний тургеневский священник – Сергей Николаевич Абрамов. Родился он в городе Белеве. Мать – прачка, отец – бондарь. Его дочь, ныне здравствующая Серафима Сергеевна, рассказывала, что Сергей Николаевич окончил Белевское двухгодичное духовное училище и был вначале отправлен в Тулу петь в церковном хоре. В 1919 году из Тулы его перевели в с.

Покровское, где он был псаломщиком (к тому времени скончался местный псаломщик, отец Михаила Алексеевича Глаголева). В 1923 году протоирей перевел о. Абрамова священником во Введенскую церковь села Тургенева. Семья священника прожила в церковной сторожке до 1930-го года. Когда начались гонения на церковь, отец Сергей, любящий муж, ради спокойствия семьи дал жене формальный развод и... как в воду канул. Осталась только добрая память о нем. Рассказывают, что он много читал, обожал русскую классику, воспитал большими любительницами книг двух своих дочек Марию и Серафиму. Жена о. Сергия, в девичестве Наталия Зайцева, была очень религиозна, даже ездила помолиться в Иерусалим. Серафима Сергеевна говорит, что отец ее был твердого убеждения, что люди вернуться к вере, ибо без веры жить нельзя. Авторитет отца, человека скромного, миролюбивого, всегда оставался для семьи непререкаем. Глаза Серафимы Сергеевны, серо-голубые, огромные, излучают удивительно ласковый свет. Она работала учительницей начальных классов на Украине. Потеряв мужа, вернулась на родину и вместе с сестрой трудилась в деревне. В маленьком стареньком домишке Серафимы Сергеевны всегда люди. Ей с ее слабым уже здоровьем, в преклонном возрасте трудно жить одной, но доброе слово поддержки всегда найдется у нее для людей. Так воспитали ее родители.

Примечания

1. Церковная летопись церкви Введенской села Тургенева Чернского уезда Тульской епархии. ОГЛМТ, инв. 12241 оф.
2. Поляков А.Ф. История Тургеневской средней школы. Тула, 1966.
3. Клирные ведомости Введенской церкви за 1836 и 1861 г.г. (копии из личного архива автора)
4. Воспоминания старожилов села Тургенева о священниках Введенской церкви (из личного архива автора).

V

С думой о Тургеневе

ТУРГЕНЕВ НЕ ОТЛУЧАЛ СЕБЯ ОТ РОДИНЫ...
(В качестве реплики)

Уважаемая Валентина Викторовна!

Спасибо за книгу «Загадка Тургенева», которую Ю.А.Трубников мне привез из Орла от Вас.

Меня поразила фраза на обложке:

«Как случилось, что писатель, так сросшийся с образом русской земли, добровольно *отлучил* себя от родины?».

Тургенев не отлучал себя от родины. Он отсутствовал, даже если это отсутствие было долгим. Он часто бывал за границей, как многие русские люди его среды того времени, привлеченные особым культурным климатом. Он ознакомился с западным образом жизни, проникся западной культурой, окружил себя выдающимися людьми, нашел любовь и, не отлучаясь от Спасского, там обосновался.

Писатель, тем более великий, отлучается от родины только тогда, когда перестает находить в ней источник вдохновения. С Тургеневым этого не случилось. Поселившись за Западе, он ни с чем не порывал и ни от чего не отказывался, он не отлучал себя от образа русской земли. Он у себя жил по-своему, а за границей по-другому, он не стал перебежчиком из одного духовного мира в другой, он освоил оба эти мира и оба стали для него полюсами духовного притяжения.

Разлука со Спасским облегчалась сознанием, что это решение было принято по его доброй воле, без принуждения, и что он всегда может вернуться домой и... возвращался.

Оставаясь глубоко преданным своему родному краю и быту, Тургенев предпочитал жить за границей, поскольку находил там то интеллектуальное удовлетворение, которого ему не доставало в Орловской губернии, как бы ни была жизнь в ней душевно приятной.

В Орле было много образованных людей, которые знали иностранные языки и литературу, часто бывали за границей и увлекались искусством, но это оставалось для них любительским увлечением, они предпочитали свой образ жизни, не замечая или не желая признать, что их мир был анахроничен, в нем Тургеневу стало душно жить.

Не следует думать, как этому учили в течение продолжительного времени, что русский человек, воспринявший западную культуру, отлучал себя от родины. На самом деле, это способствовало расширению его мировоззрения и придавало Тургеневу особый ореол.

ВОСПОМИНАНИЯ О Л. Н. АФОНИНЕ

Я познакомилась с Леонидом Николаевичем Афоным (1918-1975) в 1959 году, когда он был главным редактором Орловского книжного издательства. В это время Тургеневская группа Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград) подготовила, под руководством академика М.П.Алексеева, сборник «И.С.Тургенев (1818-1883-1958). Статьи и материалы». Его участниками были в основном научные сотрудники Пушкинского Дома, но также и некоторые из докладчиков Тургеневской конференции в Орле 1959 года и орловские тургенеvedы (В.А.Громов, Г.Б.Курляндская и др.).

Нашим издательским редактором этого тургеневского сборника, естественно, стал Л.Н.Афонин, назначенный вскоре директором музея И.С.Тургенева в Орле.

О нем мы тогда почти ничего не знали. В те времена еще выплачивался авторский гонорар (теперь об этом даже как-то неприлично заикаться...). Но когда я прямо заговорила с Л.Н.Афоным на эту тему, он, смущенно улыбаясь, сказал, что никто из нас за свои статьи и публикации ничего не получит. Помню, что я была очень разочарована и даже обижена. Ведь у нас - научных сотрудников Тургеневской группы - оклады в ИРЛИ были тогда очень скромными. Но так как никто из нас не отличался алчностью, то вскоре мы забыли об этом инциденте и сумели оценить Л.Н.Афонина не только как издателя-редактора, но и как директора музея Тургенева в Орле. Да и вообще как человека и ученого, во многих отношениях замечательного!

Вспоминаю прежде всего, что 16, 17 и 18 декабря 1961 г. в Орле проходила Тургеневская конференция, на которую были приглашены Л.Н.Афоным и мы — научные сотрудники Тургеневской группы. Е.И.Кийко выступила с докладом о сочинениях Тургенева, а я - о его письмах. Тогда только начали выходить первые тома нашего академического полного собрания сочинений и писем И.С.Тургенева в 28-ми томах (фактически в 30-ти томах).

По окончании конференции Л.Н.Афонин подарил мне свою книгу «Леонид Андреев» (Орел, 1959) с такой надписью: «Многоуважаемой Людмиле Николаевне Назаровой на добрую память о встрече в Орле на Тургеневской конференции с самыми добрыми пожеланиями. 18. XII. 61. Л.Афонин».

Забегая немного вперед, вспоминаю, что в 1967 году Л.Н.Афонин успешно защитил эту книгу в качестве кандидатской диссертации в Институте русской литературы. Я, конечно, присутствовала на Ученом заседании, где состоялось это событие.

Возвращаясь к Тургеневской конференции в Орле. Научный сотрудник Орловского музея И.С.Тургенева Александр Иванович

Понятовский подарил мне фотографию, на которой был запечатлен зал музея. Под огромным портретом И.С.Тургенева - президиум, в котором сидим: Л.Н.Афонин, я и еще два человека (я их не знаю). Выступает с докладом М.О.Габель (Харьков) - автор многих статей и книг о Тургеневе. На этой конференции выступали с докладами также Л.Н.Афонин, В.А.Громов, Б.В.Богданов, П.Г.Пустовойт, О.Я.Самочатова, А.Б.Муратов, С.Е.Шаталов и др.¹

Л.Н.Афонин пробыл директором музея И.С.Тургенева с 1959 по 1967 год включительно. В этот период я была зав. Тургеневской группой и очень часто общалась с Леонидом Николаевичем, главным образом, посредством писем. И постепенно очень многое о нем узнала... Он был участником Великой Отечественной войны, окончил ее в мае 1945 года, но после этого некоторое время оставался в рядах Советской армии, став сотрудником военной администрации в ГДР и возглавив Дом советской культуры в Берлине. Он хорошо владел немецким языком и был одним из организаторов Общества советско-германской дружбы. Был знаком с писателями Мартином Андерсеном Нексе, жившим в Германии, с Анной Зегерс, Людвигом Ренном, писателем-антифашистом. Опубликовал ряд статей о них. Об этом он сам как-то рассказал мне, когда я была у него дома в гостях на Садово-Пушкарной улице в Орле.²

Став директором Орловского литературного музея И.С.Тургенева, Л.Н.Афонин значительно расширил и укрепил связи музея с Институтом русской литературы и Ленинградским университетом, с Институтом мировой литературы им. Горького АН СССР и Московским университетом, с Софийским университетом (Болгария), с Институтом славяноведения в Париже, Обществом германо-советской дружбы, с Шекспировским обществом (Германия), с отдельными советскими и зарубежными учеными.

Я хорошо помню, как мы с Л.Н.Афониным занимались вопросом о приобретении архива и обстановки из парижской квартиры И.А.Бунина, в которой я, Е.И.Кийко и Т.П.Голованова побывали в 1960 году.³ Леонид Николаевич вел деятельную переписку по этому поводу как с Москвой, так и с писателем Л.Ф.Зуровым - наследником В.Н.Буниной, вдовы И.А.Бунина.

Я тоже переписывалась тогда с Л.Ф.Зуровым и с Союзом советских писателей (Москва), в частности, по поводу увеличения пенсии В.Н.Буниной (этого удалось добиться, но, к сожалению, очень скоро, в 1961 году Вера Николаевна скончалась).

Что же касается архива и обстановки квартиры Бунина в доме № 1 на улице Offenbach в Париже, то наше правительство соглашалось тогда приобрести лишь архив писателя, но наотрез отказывалось вести какие-либо переговоры относительно обстановки квартиры. В музее И.С.Тургенева в Орле хранятся, насколько мне известно, копии писем Л.Н.Афонина на эту тему и ответные письма к нему. Письма же Л. Ф. Зурова ко мне и моим коллегам (Т.П.Головановой и Е.И.Кийко) о кончине В.Н.Буниной и ответ Союза писателей СССР на мое имя об увеличении пенсии В.Н.Буниной, переданы мною в Рукописный отдел ИРЛИ.

Л.Н.Афонин неоднократно организовывал в Орле научные конференции, посвященные писателям-орловцам. У меня сохранилась фотография, на которой запечатлен Большой зал Педагогического института, заполненный, в основном, студентами и преподавателями. В первом ряду сидим рядом я и Н.П.Пузин. Это - Бунинская конференция 1970 года. Я не раз выступала с докладами на этих конференциях. Сейчас вспоминаю одну из них, ту самую конференцию 1970 года в ознаменование 100-летия со дня рождения И.А.Бунина.

Вступительное слово на ней произнес Леонид Николаевич Афонин. Говорил он очень эмоционально и произвел сильное впечатление на присутствовавших. Последнее заседание на этой конференции (по существу - литературный вечер) состоялось в Орловском драматическом театре им. И.С.Тургенева. На нем выступала В.В.Шмидт, которая рассказала о своих встречах с Буниным в Прибалтике — это было, конечно, очень интересно... К сожалению, ее воспоминания впоследствии почему-то не были напечатаны в орловском «Бунинском сборнике».

Я тоже выступала тогда в театре с докладом, написанным мною совместно с Т.П.Головановой. Л.Н.Афонин позднее включил его в состав «Бунинского сборника» (1974 г.), как и мою статью «Бунин и Тургенев». Кстати, я была очень благодарна ему, члену редколлегии, за ценные советы, которые он дал мне в процессе моей работы.

О Бунинской конференции 1970 г. мне напоминают теперь три фотографии. На одной из них выступает В.В.Шмидт, в президиуме — Л.Н.Афонин, рядом с ним я. На другой - я и доцент Ленинградского университета Л.А.Иезуитова с букетами цветов, собираемся возложить их к мемориальной доске на доме, в котором помещалась редакция «Орловского вестника» (в нем служил молодой Иван Алексеевич Бунин). На третьей фотографии - мемориальная доска уже установлена, гвоздики держат в руках, чтобы как-то прикрепить их к ней, Л.Н.Афонин и А.В.Кушаков (преподаватель Педагогического института).

Воспоминания об этой Бунинской конференции до сих пор живы в моей памяти, так же, как и воспоминания о конференции 1971 года, посвященной Леониду Андрееву, которая проходила в Ленинграде, конечно же, с участием Леонида Николаевича Афонина. В организации последней принимала участие кафедра истории русской литературы филологического факультета Ленинградского университета, главным образом, в лице Людмилы Александровны Иезуитовой (специалиста по творчеству Л. Андреева) и Институт русской литературы.

В Ленинграде на филологическом факультете было проведено одно из заседаний конференции с рядом содержательных докладов (в частности, Л.Н.Афонина, Л.А.Иезуитовой, родственника писателя А.С.Вагина и, главное, - Вадима Леонидовича Андреева - старшего сына Л.Н.Андреева). После конференции мы на автобусе ездили с Л.Н.Афониним и Ираидой Анатольевной Ситниковой, его женой, на Черную речку, где тогда была могила Леонида Андреева; видели фундамент его знаменитого дома,

окруженного (по желанию писателя) кустами шиповника (намек на то, что он был связан с издательством «Шиповник»...). Вспоминаю, как легко Вадим Леонидович Андреев, человек уже пожилой, но стройный, моложавый и интересный, легко перепрыгнул через какой-то заборчик, окружавший усадьбу его отца - вернее, то, что от нее осталось... Помню, меня тогда это очень удивило. Еще на заседании в университете я попросила у него автограф. На своей книге «Детство» (М., 1963) он написал: «Людмиле Николаевне Назаровой с дружеским приветом Вадим Андреев. 5 окт. 71г.». Я всегда очень любила эту книгу.

После поездки по памятным андреевским местам Леонид Николаевич Афонин с женой обедали у меня. Он был человек широко образованный, умный, и беседа с ним была, как всегда, очень занимательной.

Должна отметить еще, что в Малом конференц-зале Пушкинского Дома была устроена тогда прекрасная выставка, посвященная памяти Л.Н.Андреева. На ней были представлены портреты, рисунки, фотографии, вещи из обстановки дома писателя на Черной речке, в том числе и то, что было передано в музей Пушкинского Дома родственниками Андреева. Среди этих вещей запомнились очень своеобразные стулья в готическом стиле, сделанные по эскизам самого писателя. Они и сейчас находятся в ИРЛИ, хотя, насколько мне помнится, долгое время украшали экспозицию мемориальной комнаты Андреева.

«Андреевский сборник. Материалы и исследования» вышел в Курске в 1975 году, когда, к великому сожалению, уже не было в живых его вдохновителя и организатора - Л.Н.Афонина. Он скоропостижно скончался в ночь с 11 на 12 апреля 1975 года. Сборник «Посвящается светлой памяти Леонида Николаевича Афонина» - гласит постановление редакционно-издательского совета. Весом вклад в него и самого Л.Н.Афонина: здесь напечатаны его статьи «"Исповедь" А.Аполлова как один из источников повести Леонида Андреева "Жизнь Василия Фивейского"», первая редакция повести Л.Андреева «К звездам» (с комментариями Афонина) и «Воспоминания Б.К.Зайцева о Леониде Андрееве» (публикация и комментарии были подготовлены мною совместно Л.Н.Афониним).

Леонида Николаевича Афонина очень интересовал писатель-орловец Борис Константинович Зайцев. Они переписывались, так как Афонину, конечно, хотелось получить от Б.К.Зайцева — современника Л.Андреева — разные сведения, касающиеся, прежде всего, творчества последнего. В 1995 году я опубликовала в петербургском литературном, историко-художественном и религиозно-философском журнале «Мера» (№4, с. 217-226) шесть писем Б.К.Зайцева к Л.Н.Афонину (1961, 1963, 1967-1969 г.г.) со своей вступительной заметкой и примечаниями. Еще четыре письма Зайцева к Афонину (1964, 1966, 1967 и 1968 тоже с моими вступительной статьей и примечаниями) опубликованы в журнале «Русская литература» (1997. №4. С. 206-209).

А теперь возвращаюсь снова к И. С. Тургеневу, которого Леонид Николаевич тоже очень любил и написал о нем ряд статей и книг. Так,

например, три его статьи были напечатаны в Тургеневских сборниках: «"Песнь торжествующей любви" в творчестве Н.С.Лескова» (вып. II. М.-Л., 1966), «Забывтая статья Н.С.Лескова о Тургеневе» (вып. III, Л., 1967), «"Порог". К истории распространения в России стихотворения Тургенева» (вып. V, Л., 1969). В журнале «Русская литература» (1969, № 3) появилась статья Л.Н.Афонина «И.С.Тургенев и П.Г.Зайцевский», а в третьем межвузовском Тургеневском сборнике (Орел, 1971) - статья «Тургенев и Лесков».

Когда Орловская библиотека выпустила в 1976 году книжку «Леонид Афонин. Указатель литературы», я отозвалась на нее небольшой рецензией - «Указатель литературы», помещенной в «Книжном обозрении» (1977, 14 января, № 2).

Конечно, Л.Н.Афонин был одним из организаторов и участников юбилейных Тургеневских конференций 1968 года в Орле и в Ленинграде. Но в силу каких-то обстоятельств он не смог поехать на конференцию, посвященную 150-летию со дня рождения Тургенева, в Берлин, в котором некогда жил и работал, о чем я упомянула в начале своих воспоминаний. И Леонид Николаевич очень просил, чтобы я в одном из писем постаралась написать ему подробно о Берлинской конференции и о Берлине, куда я ездила с Н.В.Измайловым.

Надо сказать, что у нас с Л.Н.Афониним существовала переписка, очень активная, в течение многих лет, до самой его преждевременной кончины. Привожу (по копии) полный текст моего письма от 5 января 1969 г. о Тургеневской конференции в Берлине и вообще об этой поездке: «Конференция [в Берлине] прошла в общем успешно. Некоторые из докладов мне было полезно послушать в чисто методологическом отношении, так как в них молодые немецкие слависты говорили о традициях Тургенева в современной советской литературе. Большинство докладов произнесено было на немецком языке и, вероятно, очень многое до меня не дошло. (Рядом сидела переводчица и все основное переводила на русский язык). Я и Н.В.Измайлов выступали со своими докладами по-русски. А остальные члены советской делегации (москвичи, киевляне и наш Г.М.Фридендер) или сами говорили по-немецки, или за них читали текст переводчики. Плохо было то, что тезисы докладов не были розданы участникам конференции ни в начале ее, ни после окончания. В прениях (довольно оживленных) наши советские делегаты выступали уже по-русски. Народу было порядочно: слависты Берлина, Потсдама, Иены, Лейпцига и других городов ГДР, студенты Берлинского университета, двое словаков (они были и у нас в Ленинграде). После окончания конференции состоялись приемы в обществе германо-славянской дружбы в Министерстве культуры ГДР. Оба приема прошли в самой непринужденной и дружеской обстановке! Устроена была для нас экскурсия по Берлину (автобусная). Так что мы побывали, конечно, в Трептовпарке, на кладбище, где похоронены Гегель и Фихте, И.Бехер и Б.Брехт, Г.Манн. Видели знаменитую стену и проспект Берлин - мертвый город, в котором очень мало пешеходов и транспорта. Очень много

разрушений даже в центре <...> Понравилась Komischeoper, где мы смотрели «Сказки Гофмана» (в изумительной постановке!) и «Саломею» Рихарда Штрауса. Я не гурман, но специальный рыбный ресторан «Лукулус» также произвел на меня впечатление... Я ходила туда с Клаусом Дорнахером, и мы ели там форель и какие-то необычайно вкусные рыбные салаты.

Кл. Дорнахер пригласил нас с Ник. Вас. [Измайловым] и в Потсдам, где он живет и работает. У Дорнахера своя машина, и мы с ним объездили весь этот городок (интересными показались мне русская колония в Потсдаме - Alexanderplatz - и голландский квартал). Посетили мы также дворец и парк «Sans Souci». Пробыли в ГДР всего шесть дней».

Вспоминается выступление Леонида Николаевича на праздновании 100-летия школы в Спасском-Лутовинове осенью 1963 года. Афонин говорил не только о Тургеневе, но и о его воздействии на творчество писателей-орловцев: И.А.Бунина и Б.К.Зайцева, о которых в те времена не принято было даже упоминать... Я на этом юбилее преподнесла школе Спасского-Лутовинова большой портрет Тургенева - подарок от музея Пушкинского Дома.

При непосредственном и деятельном участии Л.Н.Афонина в Орле в 1968 году был открыт памятник И.С.Тургеневу (скульптор - Г.П.Бессарабский, архитекторы - В.С.Атанов, А.М.Свиридов).

Талант исследователя сочетался в Л.Н.Афонине с блестящим талантом пропагандиста творчества Тургенева. Вместе с художником А.М.Мищенко Леонид Николаевич создал своеобразный путеводитель по тургеневским местам Орловской области — книгу очерков «На родине Тургенева» (М., 1968), а также иллюстрированное издание «Музей И.С.Тургенева в Орле. Спасское-Лутовиново» (М., 1970).

Неоднократно выступал Л.Н.Афонин со статьями о Тургеневе и о тургеневских памятных местах и в периодической печати (газеты «Известия», «Литературная газета», «Орловская правда» и др.), по радио и телевидению.

Нужно еще сказать о постоянном интересе Л.Н.Афонина к театру. Он нередко печатал в газетах и журналах статьи о театре, об актерах. Сейчас передо мной лежит его очень содержательная книга — «Повесть об Орловском театре» (Тула, 1965), которую Леонид Николаевич подарил мне с такой надписью: «Дорогой Людмиле Николаевне Назаровой с орловским приветом и светлыми пожеланиями на добрую память от автора. Л.Афонин. Орел. 19 ноября 65 г.».

Человек широко образованный, обладавший самыми разнообразными историко-литературными интересами, Леонид Николаевич Афонин в жизни был очень скромным, мягким, бесконечно добрым и доброжелательным ко всем своим товарищам, коллегам по работе, ученикам. В то же время его отличительными чертами были принципиальность и смелость. Он умел, когда это было необходимо, отстаивать интересы музея И.С.Тургенева в Орле и музея-заповедника в Спасском-Лутовинове, а в последние годы, когда

он был зав. кафедрой советской и зарубежных литератур в Орловском педагогическом институте, то и интересы этой кафедры.

В течение многих лет я бывала в гостях у Леонида Николаевича Афонина, обычно с нашим общим другом Николаем Павловичем Пузиным. Однажды, в 1972 году, - с научным сотрудником Тургеневской группы - Ниной Федотовной Будановой. Всегда там было очень интересно и тепло, чему способствовала и жена Леонида Николаевича Ираида Анатольевна. Я познакомилась с их детьми — Надей и Сашей, которые бывали у меня в Ленинграде, на пр. Тореза. В общем, я дружила с этой очень симпатичной семьей. Я уже упоминала, что Леонид Николаевич был необыкновенно добрым человеком. Это проявлялось у него во всем. Когда однажды я почему-то долго не отвечала на его письмо (мы переписывались регулярно, и я в этом отношении очень аккуратный человек), Леонид Николаевич прислал мне очень взволнованное письмо, в котором были такие строки (я их всегда помню!): «знайте, что если у Вас что-то случилось, то Ваши беды - это и наши беды!» В письмах последних лет Леонид Николаевич нередко писал о своем плохом самочувствии, недомогании... И всегда просил, чтобы я в ответных письмах не касалась этой темы - он не хотел беспокоить Ираиду Анатольевну...

Вспоминаю нашу последнюю встречу, очевидно, в 1973 году. Я лечилась в Эссентуках и получила там письмо от Леонида Николаевича, в котором он просил меня на обратном пути заехать в Орел. Я сделала остановку на станции, поехала на Садовый проезд (новый адрес Афониных) и даже ночевала у них. Помню, что меня поразило тогда изумительное пение соловья, сидящего на дереве в маленьком садике около дома. Ужасно испугалась, когда увидела, что по стволу дерева ползет кот. Леонид Николаевич заверил меня, что соловей всё видит и, конечно, успеет улететь...

Светлая память о Л.Н.Афонине навсегда сохраняется в сердцах его товарищей и друзей, а также молодежи, которую он учил ценить и любить творчество своих великих земляков, прежде всего И.С.Тургенева. В его лице не только Орел, но и вся Россия потеряла очень, очень многое...

Примечания

1. См.: Тургенев и Орловский край. Библиографический указатель. Составители: Б.В.Богданов, Г.М.Шевелева, С.А.Лурье. Орел, 1968. С. 106. Моя фамилия почему-то не указана.
2. См. также статью Р.М.Алексиной «Л.Н.Афонин» в библиографическом сборнике «Писатели Орловского края» (Орел, 1981. С. 205).
3. См.: Голованова Т.П., Назарова Л.Н. Парижские встречи с далеким и недалеким прошлым // Бунинский сборник. Орел, 1974. С. 295-307.

«ДРУЗЕЙ МОИХ ПРЕКРАСНЫЕ ЧЕРТЫ...»

Они всегда появлялись вместе: худенькие, чуть сгорбленные, опирающиеся на палочку – немногословная Ираида Анатольевна Ситникова,

смуглая, несмотря на свой возраст, темноволосая, с большими темными блестящими глазами, и Александра Митрофановна Неделина – вся беленькая, голубоглазая, общительная, имевшая в своем распоряжении неисчерпаемый запас житейских историй.

С детских лет душевные подруги, они по жизни прошли вместе, десятилетие за десятилетием, весь богатый бурными событиями ушедший век, сохранив при этом способность сердечного сопереживания и взаимопомощи. Молодые их годы прошли на «домашней Пушкиарной». Это было время учения, труда, радостей и надежд. Ираида Анатольевна была дочерью известного орловского адвоката А.А.Ситникова; в его доме сохранились крепкие традиции русской интеллигенции с уважением к образованию, любовью к литературе, в доме не переводились гости, звенели молодые голоса.

Александра Митрофановна Неделина всегда с умилением вспоминала своих родителей, глубоко верующих людей, сумевших через все испытания пронести трогательную любовь друг к другу и семейное согласие.

Судьба приготовила подругам нелегкие испытания. Неотступная тревога наполняла сердце в дни, когда был арестован отец Ираиды Анатольевны. Тяжелые времена пришлось пережить ей, ожидая с фронта мужа, Леонида Николаевича Афонина. В годы, когда многие люди ломались нравственно под давлением безбожной власти, оба они сумели сохранить чистую совесть. Ираида Анатольевна, будучи человеком ярким и образованным, сумела, однако, всецело подчиниться заботам семьи, став верным другом и помощником Леониду Николаевичу, ученому, почитаемому одной из самых значительных фигур в плеяде директоров Государственного литературного музея Тургенева. После смерти мужа Ираида Анатольевна сосредоточила свою любовь на внуках.

Немало бед выпало на долю Александры Митрофановны. Самое рождение ее в Орле весной 1918 года сопровождалось драматическими событиями и едва не стоило семье потери кормильца. Голод 30-х годов, немецкое рабство; тогда, работая на химическом заводе, она едва не погибла от взрыва газа. В 1991 году умерла единственная дочь Женя, красавица и умница, музыкальный педагог, журналист и краевед. Александра Митрофановна не замкнулась в себе; она делала все, чтобы сохранить память о дочери в Орле.

Вспоминается, как в гостеприимной квартире Александры Митрофановны собиралось так много народу, что, кажется, гостей посадить было негде – однако места хватало всем. Стол изобилует лакомствами; особенно хороши были изумительные пирожки Александры Митрофановны. Здесь непременно встречались мы с Ираидой Анатольевной, с друзьями и соседями хозяйки, с учеными, музыкантами, музейными работниками. Все с нежностью относились к доброжелательной хозяйке, над всем царили дух благоволения и памяти о старине – о блаженном Афанасии Андреевиче, о провидце Георгии Коссове, об известных орловских учителях, о встречах на

Дворянском гнезде... Все это была неотъемлемая часть жизни наших стариков.

Они с удовольствием делились своими знаниями. Когда же надо было выступать за спасение памятников культуры – первыми ставили свое имя в их защиту. Так было со спасением церкви Михаила Архистратига, так было, когда угроза разрушения нависла над знаменитым Домом Калитиных в Орле. А еще Александра Митрофановна и Ираида Анатольевна поддержали мысль о проведении ежегодных поминальных служб по Ивану Сергеевичу Тургеневу 3 сентября, в день кончины писателя.

Помню двух подруг на наших музейных встречах, на заседаниях Тургеневского общества, на церковных службах, всегда наполнявших их глаза радостным сиянием. Они и ушли от нас почти одновременно. Замерев, едва дыша, сидела у гроба своей подруги Александра Митрофановна, а в декабре 2001 года ее не стало.

Вспоминаю, как вместе мы рассматривали альбом со старыми фотографиями: молоденькая черноокая Ирочка Ситникова и голубоглазая Шурочка Андреева (Неделина) – красавицы, глаз не отвести! Как жаль, что их нет, как мне их не хватает... Как я счастлива, что они были в моей, в нашей жизни!

Л.Балыкова

Т.Б.ВЬЮГОВА

«ФРАНЦУЗСКИЙ ДОМ»¹ В ОРЛЕ

Французская культура нашла свой дом в г. Орле в стенах Государственного литературного музея И.С.Тургенева под именем Ассоциация Французский Дом. Как известно, орловская земля издавна связана с Францией крепкими литературными узами благодаря русским писателям И.Тургеневу, И.Бунину, Б.Зайцеву и другим.

К счастью, контакты с Францией не утрачены и сегодня. Орловская область имеет тесные связи с французской провинцией Шампань-Арден. Эти связи особенно развиты в области культуры и образования. Деятельность Ассоциации Французский Дом является одним из свидетельств такого сотрудничества, в рамках которого осуществляется совместно с литературным музеем долгосрочный проект «Дорогами Тургенева в России и в Европе». Французский Дом взял на себя французскую часть данного проекта. Но прежде скажем несколько слов о самой Ассоциации.

Ассоциация была создана как общественная организация, объединяющая франкоговорящих в нашем городе и области. Ее членами являются преподаватели университетов, институтов, средних школ, студенты и учащиеся, а также все те, кто любит французский язык. Как уже было сказано, резиденцией Ассоциации является литературный музей И.С.Тургенева, что далеко не случайно, так как всем известно, что И.С.Тургенев, великий русский писатель, уроженец земли Орловской, провел около 17 лет

во Франции, его друзьями были известные французские писатели: В.Гюго, П.Мериме, Г.Флобер, Э.Золя, Ги де Мопассан и другие. Его близким другом была замечательная французская певица Полина Виардо, с которой он никогда не расставался душой.

Ассоциация Французский Дом работает уже около 15 лет. Ее программа имеет своей целью объединить специалистов и любителей французской культуры и французского языка. Ассоциация предоставляет возможности для общения на французском языке, создает благоприятные условия для пополнения знаний в области истории и культуры Франции, предлагает помощь приезжающим иностранцам, говорящим на французском языке, с целью знакомства с культурой и традициями России, в частности, г. Орла и Орловской области.

Ассоциацию Французский Дом объединяет с литературным музеем не только пространство, но и их общие цели и деятельность. В рамках совместного сотрудничества проводится большая работа, направленная на знакомство с историей и культурой французского народа, на расширение контактов в сфере культуры и образования и установления творческих контактов жителей г. Орла и жителей разных городов Франции. Деятельность Ассоциации разнообразна по тематике, формам и методам. Интересно и творчески работает Клуб переводчиков, членами которого являются работники музея, преподаватели и студенты отделения французского и немецкого языков Орловского государственного университета. Орловские студенты познакомились с недавно полученными из Франции неизвестными доселе письмами Г.Флобера к И.Тургеневу. Эти письма были предложены вниманию молодых переводчиков, которые сделали достаточно интересные переводы. Памяти первых переводчиков произведений И.Тургенева на французский язык Луи Виардо и на немецкий язык А.Видерта было посвящено одно из заседаний Клуба. Готовится новое его заседание, посвященное переводам произведений И.С.Тургенева, осуществленным другом русского писателя П.Мериме.

Еще одной стороной совместной деятельности Ассоциации и музея является экспозиционная работа. Знаменательным событием в городе Орле стали выставки: «Русские глазами французов», «Франция глазами русских», «Сундучок Артура Рембо» (материалы последней присланы в Россию из музея поэта в городе Шарлевиль), выставка «Россия – взгляд из Виши», экспонаты для которой были доставлены Обществом франко-русской дружбы, часть материалов была предоставлена Ассоциацией Французский Дом, а часть - из фондов музея И.С.Тургенева. Готовится обмен выставками детских рисунков, посвященных И.Тургеневу и А.Доде на тему: «"Письма с моей мельницы" А.Доде и "Записки охотника" И.Тургенева» - между юными орловцами и детьми из региона Шампань-Арден. Выставки сопровождались комментариями на русском и французском языках, показом видеофильмов и завершались концертами с участием студентов, творческой общественности города Орла. Интересной была выставка на тему: «Увидеть Париж и ...», предложенная известным орловским фотохудожником В.Павловой, которую

посетили многие орловцы, а также большая делегация представителей французского образования во главе с их руководителем Жилем Руэ.

Особое место в работе Французского Дома занимает деятельность медиотеки, т.е. библиотеки, аудио и видеотеки, полученных в дар от французского института сельского хозяйства и экологии. Французская библиотека содержит несколько разделов: произведения классиков - поэтов и прозаиков, произведения современных прозаиков и поэтов, серия учебных пособий и литературных хрестоматий, серия иллюстрированных изданий о культурном наследии Франции и, в частности, провинции Шампань-Арденн.

В фондах аудио и видеотеки насчитывается несколько художественных и документальных фильмов на французском языке и несколько аудиокассет. Материалами медиотеки пользуются преподаватели, студенты и учащиеся средних школ. На базе медиотеки работает видеосалон, где все желающие могут посмотреть французские фильмы на языке оригинала. Перед просмотром фильма дается литературный или исторический комментарий к фильму на французском или русском языке одним из членов Ассоциации. Часто готовится словарь французских слов к тексту фильма с той целью, чтобы фильм не имел только информационный характер, но и обучающий французскому языку. Это особенно важно для студентов и учащихся средних школ, для них просмотр со словарем к тексту фильма становится хорошим уроком. Большим успехом пользуются фильмы «Прогулка по Парижу», «Паломничество в Буживаль», а также фильм из золотой серии «Мария Малибран» (1944) с участием звезд французского театра и кино. Последний просматривается ежегодно 18 июня в день рождения Полины Виардо.

Особенно интересны личные контакты с французскими друзьями. Все те, кто приезжает в наш город, находят теплый прием в нашей Ассоциации. Встречи с французскими друзьями помогают ближе понять друг друга, помогают нам совершенствовать наш французский язык, узнать о Франции и ее народе, рассказать, как живет русский народ, о его культуре и его истории.

Хотелось бы закончить некоторыми отзывами наших гостей:

- Независимо от времени, беседы в вашем салоне вновь погружают нас во времена И.Тургенева, глубокую и чистую душу которого мы чувствуем здесь повсюду.

М.Дюран.

- Я никогда не забуду моего первого пребывания в России, я никогда не встречала народа такого доброго и сердечного как ваш.

М.Вожасовска.

- Я возвратился сюда, как обещал, с большим удовольствием. Ваш прием исключителен. Спасибо за все, что Вы делаете для французской культуры.

Ж.Массон.

Огромное спасибо от всего региона Шампань-Арденн. Пусть наши усилия укрепят наши связи, чтобы продолжать историю франко-русской дружбы, и пусть эта дружба способствует сближению народов и вечному миру, которого все так ждут.

Поль Монкорже.

Л. Д. СЕРОВА

В ПОЭТИЧЕСКОЙ ГОСТИНОЙ МУЗЕЯ И.С. ТУРГЕНЕВА

Литературные вечера в гостиной музея И.С.Тургенева в 2001 г. прошли под девизом «Идеалы добра и красоты», заимствованным из названия выставки, открытой в музее усилиями старшего научного сотрудника Л.М.Александровой и художницы Л.А.Грековой, где были представлены раритеты книг, изданных в 19 веке, в том числе произведения В.Г.Белинского с его автографом. В ежегодных обзорах литературы, в статьях об А.С.Пушкине, М.Ю.Лермонтове выдающийся критик раскрывал национальную самобытность, народность, гуманизм как важнейшие критерии художественности их произведений. После безвременной гибели Пушкина и Лермонтова мыслящая Россия ждала появления нового певца, способного хотя бы частично возместить нанесенный отечественной литературе ущерб.

Первая книга стихов А.Майкова, 180-летию со дня рождения которого был посвящен наш вечер, обратила на себя внимание Белинского. «Сильное дарование», - отозвался о Майкове критик. Он уловил в этой книге лермонтовское начало, но более сильными, по его мнению, были стихи антологические, написанные изящным пером. Белинский продолжал следить за развитием Майкова как поэта. Он писал: «Талант Майкова, подавший такие прекрасные надежды, развивается и идет вперед, доказательство - его поэма «Две судьбы», богатая поэзией, прекрасная по мысли, многосторонняя по мотивам и краскам». За трагедию «Два мира» Майкову присудили Пушкинскую премию Академии наук, признав, что она является приобретением литературы, которыми она вправе гордиться. Блистательные поэтические опыты Майкова в антологическом роде, равно как и его переводы античных классиков благотворно сказались на дальнейшем развитии русской литературы. Достояния упоминания поддержка Майковым Тургенева в трудную для него пору, когда после выхода романа «Отцы и дети» на него со всех сторон обрушилась критика. Заложенным в даровании Майкова возможностям его как выразителя народной жизни (стихи «Летний дождь», «Сенокос», «Ночи на жатве» и др.) не суждено было проявиться в полной мере.

Полностью посвятил лиру народу своему его современник, певец народной скорби и печали Н.А.Некрасов, которому также исполнилось в этом году 180 лет со дня рождения. Ему была посвящена литературно - музыкальная композиция на тему: «Жизнь и творчество Н.А.Некрасова»,

подготовленная учащимися отделения дошкольного воспитания Мезенского педучилища. На серьезный писательский путь Некрасова подвигло высказывание Белинского, который, прочитав его стихотворение «В дороге», сказал: «Да знаете ли вы, что вы - поэт и поэт настоящий». Создание таких пронзительных по силе изображения и высокой художественности произведений, как стихотворения «Родина», «Поэт и гражданин», «Размышления у парадного подъезда», «Железная дорога», «Коробейники», «Арина, мать солдатская», «Крестьянские дети», поэмы «Мать», «Кому на Руси жить хорошо» и многих других - позволили сказать об их авторе Достоевскому, что «<...> он, в ряду поэтов, приходивших с новым словом, должен прямо стоять за Пушкиным и Лермонтовым».

Значительные поэты 20-го столетия продолжили лучшие традиции отечественной литературы 19 века. Замечательный лирик прошлого столетия Н.М.Рубцов, имя которого прозвучало в литературной гостиной по поводу его 65-летия со дня рождения, искал поэзию, по его высказыванию, «в настроениях людей, в картинах природы и быта». Он понимал, что поэт должен уметь слушать не только собственную душу, но и душу народа. Завороженный поэзией Тютчева, Фета и Есенина, он отнюдь не собирался стать эпигоном любимых поэтов. В его творчестве обращает на себя внимание не только образность, но и удивительное разнообразие ритмики стихов - и это тоже признак большого таланта. Жизнь поэта была недолгой, но завещание его «Россия, Русь! Храни себя, храни!» будет вечным в памяти народа.

Н.Рубцов не был замкнутым поэтом-одиночкой. Он пристально следил за творчеством своих современников. Свидетельство тому - его краткий портрет известного поэта Ю.П.Кузнецова, лауреата Государственной премии России, большого друга Орловщины, 60-летие которого мы отметили вслед за юбилеем Н.Рубцова. В своей статье Рубцов пишет о своем современнике, что его «следовало бы отнести к представителям философской лирики. Лирический герой Кузнецова живет с постоянным ощущением стремительности движения жизни, непокоя...Таковы его стихи «Поэт», «Грибы», «Горные камни» и другие. Поэт ищет глубинную связь вещей в этом мире...Его стихотворение «Атомная сказка» выразило одну из самых тревожных мыслей наших десятилетий о том, что человеческий гений в своем самодовольстве и беспечности к будущему может создать угрозу существования всему человечеству». Обладая бесспорным талантом и мастерством, Кузнецов выпустил более десятка поэтических сборников, в том числе книгу переводов «Пересаженные цветы», где запечатлел свое творческое своеобразие.

Завершением поэтических вечеров 2001 года в музее И.С.Тургенева явилось открытие выставки «Тургенев. Мир детства», подготовленной старшим научным сотрудником С.Л.Жидковой. Среди замечательных творений, представленных на выставке, произошло знакомство зрителей с новой детской книгой В.Еремина «Я сегодня опоздавший», изданной в 2001 году издательством «Вешние воды». Эта книга веселых стихов и рассказов с

талантливыми иллюстрациями художника Л.Е.Жмакиной представляет многолетнюю работу поэта для детей. Она включает как стихи, опубликованные в ранее выходивших книгах «Папа потерялся», «Трудный день», «Жил-был кот», «Если я с крыльца шагну», так и многие новые произведения. Содержательные, с юмором, лишённые скучных длиннот и дидактики, достоверные стихи В.Еремина свидетельствуют о глубоком понимании поэтом детских запросов и влечений.

Предлагаем читателям «Тургеневского ежегодника» публикацию стихотворений орловских поэтов – членов поэтической секции Тургеневского общества.

Владимир Ермаков

«Дворянское гнездо» -
хронотоп Орла, растиражированный как логотип,
как продвинутая на культурном рынке торговая марка.
Средоточие литературного края,
сосредоточившего в своих размытых границах
добрую половину русской словесности.
В двух кварталах от центра города живописная окраина -
с высокого берега Орлика вдруг открывается перспектива,
осознанная как пейзаж: поля и перелески, река и облака...
Точка зрения обозначена вехой памятника Тургеневу,
усечённому до дежурного бюста.
А на переднем плане ротонда –
словно скорлупа мифического яйца,
из коего вылупился некогда гений места.
Когда-то где-то здесь стоял дом с мезонином,
в котором воображение тургеневских почитателей
поселило Лизу Калитину.
Так в стихе Вадима Еремина:

*Резкий посвист. Тень карниза.
Палисадника пила,
Здесь жила когда-то Лиза,
А быть может, не жила.*

Дом с палисадником снесли; построили детскую больницу.
Потом общими усилиями краеведов выделили
прототипам тургеневского романа другую жилплощадь, -
опростившийся при советской власти дом напротив.
За него, кстати, тоже пришлось побороться.
Впрочем, статус памятника дан не дому, но месту.

В лунные ночи Дворянское гнездо особенно странно.

*Оштукатуренная гипсом беседка, облитая лунностью,
кажется мраморным бельведером;
в разросшейся сирени раздражённо шипит ветер,
ободравшийся об девонские известняки левого берега;
в больнице просыпаются и плачут недужные дети,
и к жёлтым окнам слетаются темные ночные бабочки,
шуриша по стёклам мохнатыми крыльями*

«Дворянское гнездо» - сердце виртуального тела орловского
текста.

Его же видимый контур образован совокупностью
памятников и музеев Орловского края.
Достигшая пика в период «музейного бума»
и подъема краеведческого энтузиазма,
музейная система региона переживает сегодня не лучшие свои
времена.

Да и было бы странно предполагать торжество музейной
культуры
в одном отдельно взятом регионе на фоне общего кризиса
и перманентного поиска новых, невостребованных ресурсов
развития.

Музеям трудно. Очень трудно.
Известные на всю Россию всеми силами стремятся сохранить
статус;
другие нащупывают в опыте пути реструктуризации своего
профиля.

В каком-то смысле музейная система региона -
развёрнутая иллюстрация к орловскому тексту.
Без визуальных знаков трудно представить и понять его
специфику,
его глубину и широту, его трагический фон и романтический
флёр.

Стратегия чтения породила понятие *герменевтического круга*, -
постоянного возвращения к прочитанному
на каждом новом уровне понимания.
Знакомство с краем начинается с музея - и музеефицируется в
памяти.

Музей - механизм культуры,
сводящий понятия и образы в едином ментальном
пространстве,
и в этой функции его не в силах заменить
ни одна современная коммуникативная технология.
Язык музея - один из самых выразительных и доступных
культурных кодов.

Орловская земля... -
край, так и не сумевший за тысячу мучительных лет
утвердиться и установиться в собственных границах;
край, который выкраивали мечом и перекраивали пером,
не укладывается в административные рамки области.
Он неровно пульсирует на исторических картах,
размываясь в своих пределах и разделяясь в чужих уделах,
то расширяясь до провинции, то съезжаясь до округа.
И всё же это явно обозначенный в культурном поле регион.
Его естественные границы очерчены стилем Тургенева
и маркированы как *орловский текст*
в виртуальном пространстве русской литературы.

Представьте себе, что
во дни сомнений и тягостных раздумий о судьбах родины
Иван Сергеевич обходит по окоёму свою отчину,
охраняя ясные пейзажи души и чистые источники языка, -
обходит по полевым межам и охотничьим тропам
с проверенным казнозарядным Лефоше и верным Пегасом
(помесью английского сеттера и немецкой овчарки).
Там, где он раскланивается со Львом Николаевичем,
Орловский край смыкается с Тульским в оплот России.

Орловский край (губерния, область, округ, регион)
как форма устойчивой связи земли и людей
удостоверяет идентичность орловского текста-
совокупности событий истории и явлений культуры;
вне его только вода и камень, трава и ветер.

Ожидание прошлого

*Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня
дому, саду, моему молодому дубу... родине поклонитесь.*

И.С. Тургенев. Из письма Я. П. Полонскому.

Я знаю, что ты с годами не обо мне жалела,
просто душа, как кошка, с голоду ошалела.
Ты наведальась в прошлое, но там никого не застала,
только, забытые в спешке, свалены как попало
тени,
и пресные листья засорили ступени
дома, где мы когда-то жили... нет - обживали
пятый угол в избушке, в нашенском Буживале.

О моя ненаглядная! О моя золотая!

Анальгин аналогий от ностальгии глотая,
ты в зеркалах гадаешь, бледные губы крася,
на тургеневских женщин: Лиза? Елена? Ася?
Ты бы хотела спрятаться в маску и оголиться,-
но поводок морали с годами укоротили
угрызения совести. (Страшный сон нигилиста
о царевне-лягушке, сделавшей харакири).

Карты воспоминаний раскладывая пасьянсом,
ты на меня гадаешь с сожаленьем неясным:
как же так, между прочим, выперли нас из рая?
Карты воспоминаний бережно перебирая,
словно послушник чётки, словно пастух гармошку,
запоздало смакуешь каждую сладкую крошку...
Не знаю, как остальные вменяют прошлое,- я бы
сравнил свою ностальгию с вареньем из райских яблок.

В старости, выцветая в тон потускневшим краскам,
классик писал в печали: «Когда вы будете в Спасском....»
Мы там были с тобою; проторённой тропой
топали по аллеям, смешиваясь с толпой
поклонников старого стиля, в полупоклоне тупо
обмиравших у дуба;
а в закоулках парка, в углах глухих и тенистых,
литературоведы прятались от туристов.

«Когда вы будете в Спасском» читается, между прочим,
как обращение к потомкам: «Когда вы будете в прошлом».
Синтаксис не позволил сказать о том откровенно.
Медленно истекло время, как кровь из вены.
Солнце померкло в полдень, и скептик вспомнил о Боге.
Боже правый, зачем же нет обратной дороги
в сад, где райские яблоки ворохом, возом, кучей...
На имение времени негде составить купчей.

Ностальгия не выход; это тупик, в котором
эхо низводит музыку к паузам и повторам,
телодвижения к позам, выражения к маскам:
когда вы будете в Спасском... когда вы будете в Спасском...
что, заело пластинку? Боже мой, сколько пыли
в застоявшемся воздухе! Исподволь подступили
дни на голодной диете, ночи на анальгине.
Ожидание прошлого – вот синдром ностальгии.

Эти места, где раньше мы, как умели, жили,

заселили другие, не такие, чужие.
Минное поле памяти - особая зона риска.
Невозвращенцев в сознание вычеркнет врач из списка
подлежащих лечению и выпишет справку: «умер».
Напряжение тока крови в висках как зуммер;
это вызов. Ты скажешь: «Да, это я»,- на это:
«... ждите ответа... ждите ответа... ждите ответа...»

Смутный внутренний голос врёт нам как сивый мерин,
голос, лишенный горла, посторонним не слышим:
лучше терпеть лишения, чем оказаться лишним...
Только тот настоящий рай, который потерян.
Так полагал Набоков, ностальгений столетья.
Боже, сущий в молитве на правах междометья -
Боже, дай сил изгоям, сделай полегче путь им!
Когда вы будете в Спасском... Мы-то уже не будем.

Не звони мне с вокзала. Как сие ни прискорбно,
физика доказала: время анизотропно,
то есть,
нигде не купишь билет на обратный поезд
до остановки Бастыево; от неё через поле
версты четыре, не боле...
Что ж ты кусаешь локти? Страсти отбушевали.
Легче на встречной телеге добраться до Буживаля.

Я почему- то верю, что в вертограде рая
вечность как день в деревне, где наша хата с края,
где «возлюбите» помадой подчёркнуто на скрижали,
где ангелы, как махаоны, перелетают лужайки,
где ни слезы, ни печали, ни вздыхания ветра
от Лутовинова поля и до Кобыльего верха, -
лишь перекличка птичья да в перелеске крики:
«Господи, земляники-то! Господи, земляники!»

Варенье из райских яблок не бывает прогорклым.
Сон по завалам памяти бродит, как по пригоркам
края, где в перспективе сходятся кои веки -
в зарослях иван-чая, там, на Кобыльем верхе,
на перекрёстках парка, в голубых луговинах,
или в аллее, где в полночь является Лутовинов...
Когда ускорение времени выбросит нас из круга,
наши с тобой фантомы там будут искать друг друга.

Мы потеряли время, словно просрочили вексель.

Грустно, дружок; ну что же... мир не так уж
и весел;
если в его основе рассыпь случайных чисел,
жизнь удалась хотя бы тем, что она случилась.
Но, может быть, ностальгия - это предощущенье
не возвращенья к старому, а нового превращенья?
Спи, дружок, доверяя сон свой волшебным сказкам:
жили-были однажды... когда вы будете в Спасском...

Вадим Еремин

Поздняя осень

«Утро туманное, утро седое...»

Утро туманное; даль окаянная;
Непроходимость болот.
Грусть безответная, грусть безымянная
За душу властно берет.

Нивы безродные, лесом поросшие;
Несколько жалких лачуг.
Изредка встретятся люди продрогшие,
Да подходить недосуг...

Русский пейзаж

Журавлиный клин селенья
Над излучиной реки
Ждет уныло исцеленья,
Предсказаньям вопреки.

Тропки малые и тропы,
Нисходящие к реке,
Отмечают край Европы
И теряются в песке.

За лесами гибнут тучи.
Месяц вылез из гнезда.
Тишина всё злей и круче
Прогибает провода.

Уж не здесь ли...

Памяти поэта Николая Тряпкина

Уж не здесь ли наше родовое,

Скошенное временем гнездо;
Уж не здесь ли солнце чуть живое
Нас журит за шалости незло.

Уж не здесь ли школа-развалюха
По складам читает нам стихи,
А луны прозрачная краюха
Пристально глядит из-под стрехи.

Уж не здесь ли, право, уж не здесь ли
Наша пятитиственная судьба
Распеваает праздничные песни,
Ловко откупорив погреба.

Уж не здесь ли древние овраги
Раскрывают срез земной коры,
А ракиты расправляют флаги,
Видные версты за полторы.

Николай Перовский

На Орлике

В. Романенко

Воды Орлика спокойны,
холодны и зелены.
Дух болотный, запах хвойный,
ожидание луны.

Шелестят в ночи деревья,
камышы в воде по грудь,
дремлет город, спит деревня,
проплывает Млечный Путь.

Версты

А. П. Колодяжному

*«Только версты полосаты
попадаются одне...»*

А. С. Пушкин

Верстовые столбы полосатые,
полустанки, посты, палисадники.
Безразмерные версты судьбы
набекрень, на авось, на кабы...

С арестантами и погорельцами,

с поголовьями серых солдат
стонут шпалы, распятые рельсами,
да столетья на стыках стучат.

Города с их блажными затеями,
вавилонские башни столиц
по лесам и болотам затеряны,
как зрочки меж таежных ресниц.

О, Россия! За что тебя ввергнули
в летаргический сон наяву?
Заблудилась в пространстве и времени,
задохнулась в бездомном «Ау!»...

Лебеди на Орлике

Вадиму Еремину

Внезапно разглаживаются морщины,
пропадают следы бытовых страстей,
и разжимающие кулаки мужчины
становятся похожими на детей...

Лебеди, лебеди, сказочные птицы!
Белые и черные, как добро и зло,
как вам удастся пасмурные лица
превращать в человеческое чело?

Ходит, поскрипывая, висячий мостик,
зыркает нищий, грозя и моля,
он тут хозяин, а мы только гости
на палубе сумасшедшего корабля.

Пенится радугой отравленный Орлик,
Проплывают лебеди, неслышно скользя,
и что-то такое ворочается в горле,
но расслабляться нельзя.

Что же нам чувства прятать в иронии
или оправдываться в неразборчивом лепете?
Мы мимо жизни плывём, посторонние,
Потусторонние – мимо нас, лебеди...

Валерий Протасов
Дом на Рю Дуэ

В 1848 году Виардо купили дом на
улице Дуэ, близ «Белой заставы».

Никогда я не был в доме этом
На тенистой тихой рю Дуэ,
Только знаю, что и там с рассветом
Золотятся блики на стене.

Что и там, под «Белую заставой»,
Листья дрока вьются по стеклу,
В зале соловьиною октавой
Песня льётся сквозь ночную мглу.
Сердце плачет. Как поёт Полина
О любви испанской! Зной в крови.
Жаркою волною каватина
Наплывает: «Нынче позови!»

Век прошел. И многих нет в помине.
Голос смолк. Потух и свет в окне.
Только чье-то сердце и доньше
В розовом негаснушем огне.

Спасский сад

В полумраке вечернего сада
Буду слушать дыханье земли,
Шёпот трав, соловьиного лада
Трепи робкие первой любви.
Над прудом, где склонённые ивы,
Где вода и темна и черна,
Синью снов безмятежно-лениво
Тихой ночи спускается мгла.

Постою у моста над плотиной,
Глядя в поле, в закатную даль.
Стаей позднею, журавлиной
Проплывёт надо мною печаль.

Сыро, зябко и пахнет водою.
Спят деревья. В овраге костер.
Над притихшей усталой землёю

Тихий ангел крыла распростер.

Строго сдвинули липы густые
Ветки-брови. Вот ветер дохнул.
Звуки жизни такие простые,
Из деревни слышались. Дул

Южный ветер, и тёплый, и звонкий,
Небо наполнилось блеском светил,
Месяц белый, прозрачный и тонкий,
Среди синих цветов восходил.

Сад – волшебник! За мглою густою
Даль времен и чужая мечта...
Несказанной, святой красотой
Жизнь дышала, свежа и чиста.

Родина

Вот и осень уже наступила.
Солнце в дымке, и плачет река,
Лада лист золотой уронила
На крутые её берега.

В небе хмуром тяжёлой грядую
Из полуночного далека
Над притихшей уснувшей землёю
Всё бегут и бегут облака.
Путь далёк. За осеннею мглою
Море блещет и бьёт о гранит...
Только с каждою новой весною
Снова вдаль лёгкий ветер манит.

Вновь на север. С родной стороною
Повидаться. Проплыть над рекой
Белой, праздничной, теплой волною
Над проснувшейся тихой Окой.

Анна Попова

Сон Лизы Калитиной через десять лет

Ей снился сон, и, может быть, впервые
Сквозь холод стен и тишину оград

Казалось ей, что голоса живые
Легко и звонко с нею говорят.

Ей снился сон, у сна свои законы,
Прости ей, Боже, сон ее глубок,
И веки заслоняют лик с иконы,
И слезы застилают лик с иконы,
Она спала. Напрасен Твой упрек.

Ей снилась глаз таинственная близость...
Тяжелый вздох - и разомкнулась клеть.
«О, Господи!»
Но тихий оклик: «Лиза...»
За что его? За что меня? Ответ!

Раскрылись губы, запоздало каясь.
Тревожно пальцы сжались в забытьи.
О нет, я не от мира отрекаюсь,
Я просто отрекаюсь от любви!

Вздымалась грудь так тяжело - и так часто,
Горело утро ярче всех свечей,
А свечи тлели, рвался сон на части
Лобзаньем солнца на ее плече.

Старинный дом. На выступах карниза
Дразнился воробей... Весна вернулась.
«О, Господи!»
Но тихий оклик: «Лиза...»
Она проснулась.

Людмила Серова

У дома Лизы Калитиной

Вдыхая с грустью аромат знакомый
Тургеневского повествованья,
Порой стоим перед дворянским домом,
Окутанным туманностью преданья.

Отсюда к нам сквозь шорохи страниц
Восходит образ девы благочинной,
Перед иконою склоненной ниц
С любовью в сердце, страстном и невинном.

Здесь, кажется, о времени былом
Слагает ветер песню над обрывом,
И с благодарностью ему внимает дом,
Завороженный родственным мотивом.

**В осеннем Спасском
3 сентября**

Сколько скорбной листвы облетело,
В день утраты в родной стороне!
Бродят тени в тиши опустелой,
Ищут лик знаменитый в окне.

Сучья славного дуба у дома
Позу полуобъятий хранят,
Обсыпая листвою весомой
Посетителя теплый наряд.

А в пруду красотою нетленной
Отражения пышно горят.
И, как прежде, писатель смиренно
Ловит гости восторженный взгляд.

Звуки дивного женского хора
Неизменно зовут в старину,
Где хозяйина песней задорной
Вновь поманят к родному окну.

Составители: Л.А. Балыкова, Л.В. Дмитриухина.
Редактор: Л.В. Дмитриухина
Компьютерный набор и верстка: Е.М. Шинкова

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ПФ «Каргуш»
302020, г. Орел, ул Матросова, 5. Тел. (0862) 43-35-08.
Заказ № 261 от 24.04.02 г. Тираж 200 экз.

